

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ-1983

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ—1983

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев.*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *А. А. Гусейнова, Л. Г. Гасанзаде.*

Сдано в набор 12.10.1983 г. Подписано к печати 28.12.1983 г. ФГ 29286. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.

Заказ 7735. Тираж 3277. Цена 1 руб. 10 к.

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Р. Г. СИБАГАТОВ

ЭЛЛИПСИС В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДИКАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ

(НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

Существует весьма активный тип предложений с предикативной структурой, организованной посредством эллипсиса. В их конструкции глагольное сказуемое замещается другим членом предложения; например: *Телеграмма Жәвйтән иде* (М. Хәбибуллин) 'Телеграмма была получена от Джавита'; *Сугыш дошман жирендә иде инде* (М. Юныс) 'Бои шли уже на земле врага'; *Чират хәзер уртанчы малайга* (Р. Төхфәтуллин) 'Очередь теперь дошла до среднего сына'. Сказуемые (*Жәвйтән иде, жирендә иде инде, малайга*), выраженные здесь именами в косвенных падежах, явно указывают на вторичный характер их данной синтаксической функции. Приведенные конструкции в первоначальной форме, по всей видимости, имели другие сказуемые, которые можно восстановить; ср.: *Телеграмма Жәвйтән (килгән) иде*; *Сугыш дошман жирендә (бара) иде инде*; *Чират хәзер уртанчы малайга (килеп житте)*. Второстепенные члены (*Жәвйтән, жирендә, малайга*) этих подвергнутых эллипсису предложений, будучи под логическим ударением и выполняя функцию ремы-предиката, вытеснили глагольные сказуемые (*килгән иде, бара иде инде, килеп житте*), приняв при этом на себя их объективно-модальное значение (форму наклонения и времени). Тем самым они приобрели синтаксический статус сказуемого.

Эллиптические конструкции занимают промежуточное положение между полными и неполными предложениями. Отсутствие глагольного сказуемого в них компенсируется. Эллиптические конструкции, в отличие от неполных предложений, выполняют свои коммуникативные функции и вне контекста, в отрыве от конкретной речевой ситуации, то есть являются самостоятельными предикативными единицами.

Выпадение глагольного сказуемого из предложения обычно объясняют тем, что оно обычно подразумевается и может быть легко восстановлено. Для эллиптической конструкции *Алар хәзер юлда* (Ш. Рәкыйпов) 'Они теперь в пути', видимо, наиболее подходящим является глагольное сказуемое *бара* 'находятся'. Но в эллиптических конструкциях *Ниһаять, без яңадан Казанда!* (Г. Ахунов) 'Наконец, мы снова в Казани!', *Эш муеннан* 'Работы по горло', *Бусы сиңа* 'Это тебе' и т. д. восстановить глагольное сказуемое уже труднее. Хотя структурные схемы рассматриваемых предложений возникли в результате эллипсиса, не каждое конкретное эллиптическое предложение может иметь соотносительную пару среди полных предложений. Они, как любые другие предложения, в речевой практике строятся по готовым (уже окончательно сложившимся) структурным схемам. Новые лексические

наполнения этих структурных схем не обязательно предполагают определенность опущенного члена.

А. М. Пешковский обратил внимание на то, что в эллиптических конструкциях опускается обычно глагольное сказуемое «с очень бледным вещественным значением»¹. Чтобы определить смысл выражения «бледное значение» обратимся к теории о трех функциях сказуемого, описанной в статье В. С. Юрченко². Одну из функций глагольного сказуемого автор называет категориальной, другую — релятивной, третью — модальной. Категориальная функция глагольного сказуемого, по мнению В. С. Юрченко, состоит в том, что оно обозначает предикативный признак исходного (субъектного) предмета. Связывая же подлежащее с другими (именными) членами предложения (дополнением и обстоятельством), глагольное сказуемое выполняет релятивную функцию. Модальная функция глагольного сказуемого заключается в выражении грамматических категорий времени и модальности. В большинстве случаев все эти три функции выполняются одновременно. Встречаются предложения, в которых категориальная функция глагольного сказуемого оказывается несколько ослабленной: оно не столько сообщает что-либо о подлежащем, сколько соединяет (соотносит) его с каким-либо другим членом предложения. Ослабление категориальной функции глагольного сказуемого происходит в определенных синтаксических условиях. Так, например, можно предполагать, что предложение *Клуб үз урынында* (А. Гыйләжев) 'Клуб на своем месте' могло иметь исходную форму *Клуб үз урынында тора* 'Клуб находится на своем месте'. Глагольное сказуемое *тора* 'находится' в лексико-семантическом плане мало что вносит в данное предложение. При компонентном семантическом анализе, конечно, можно было бы отметить, что данное глагольное сказуемое сообщает о положении предмета в пространстве. Однако в условиях рассматриваемой синтаксической конструкции, когда это сказуемое не выделяется логически, его смысловую нагрузку берет на себя уже обстоятельство места *үз урынында* 'на своем месте', находящееся под логическим ударением. Таким образом, глагольное сказуемое с ослабленным вещественным значением становится избыточным. Поэтому оно может быть опущено или заменено собственно связкой, выполняющей только релятивную и модальную функции (ср., например: *Клуб үз урынында иде* 'Клуб был на своем месте'; *Клуб үз урынында булыр* 'Клуб будет на своем месте'). При этом, как уже отмечалось, категориальная функция глагольного сказуемого — выражение предикативного признака — переходит к другому (именному) члену предложения, а релятивная и модальная функции выполняются вспомогательным глаголом-связкой или выражаются самим фактом его отсутствия.

Б. А. Серебренников одним из первых обратил внимание на проявление тенденции устранения избыточности средств выражения в употреблении различных морфологических категорий³. При рассмотрении эллиптических конструкций обнаруживается распространение указанной тенденции также и на синтаксический уровень языка.

Эллиптические конструкции татарского языка разнообразны по грамматической структуре. Кроме расчленяемых эллиптических конструкций существуют эллиптические конструкции нерасчленяемого типа,

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 364.

² В. С. Юрченко. Сказуемое. — «Вопросы языкознания», 1977, № 6, стр. 71—84.

³ Б. А. Серебренников. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968, стр. 73—74.

например: *Алга!* 'Вперед!', *Тизрәк!* 'Быстрее!', *Тыныч йокы!* 'Спокойной ночи!', на которых мы здесь останавливаться не будем.

Расчленяемые эллиптические конструкции по своему грамматическому составу могут быть подразделены на три основные группы.

В первой из этих групп тема-субъект выражается подлежащим (группой подлежащего), а рема-предикат — второстепенным членом, трансформированным в сказуемое. (Примеры, приведенные выше, относятся к этой группе).

Во второй группе обнаруживается обратное соотношение членов: тема-субъект выражается второстепенным членом, а рема-предикат — подлежащим (=главным членом односоставного именного предложения); например: *Башында исә бер генә уй* (Ж. Рәхимов) 'В голове его только одна мысль'; *Миңнулла белән икебезгә бер котелок ботка* (Ә. Маликов) 'Нам двоим с Миннуллой — котелок каши'; *Урам саен, чат саен, йорт саен — бакча* (Ш. Рәкыйпов) 'На каждой улице, на каждом повороте, у каждого дома — сад'.

Третью группу образуют эллиптические конструкции, в которых и тема-субъект, и рема-предикат выражаются второстепенными членами. Ср., например, выражения: *Артта калучыларны — алдыңгылар сафына!* 'Отстающих — в ряды передовых!'; *Бөтен көчне — йөкләмәләрне үтәүгә!* 'Все силы — на выполнение обязательств!'; *Бишьеллыкны — срогыннан алда!* 'Пятилетку — досрочно!'. Эта последняя группа эллиптических конструкций получила распространение главным образом в языке средств массовой информации.

Первая группа эллиптических конструкций (с подлежащим в функции темы-субъекта и второстепенным членом в функции ремы-предиката) в свою очередь имеет несколько разновидностей, отличающихся друг от друга по форме выражения ремы-предиката. Этот предикативный член может иметь:

форму местно-временного падежа, например: *Билет кесәдә* (М. Әмир) 'Билет в кармане';

форму исходного падежа, например: *Камытлар һәммәсе каештан* (Г. Ибраһимов) 'Хомут и вся остальная сбруя из ремней';

форму направительного падежа, например: *Кара эт бәләсе ак эткә* (посл.) 'Винить невинного';

последложную форму, например: *Үз акылың үзең белән* (Г. Ахунов) 'Своя голова на плечах'; *Бөтен нәрсә фронтка, бөтенесе жиңу өчен!* (Ә. Маликов) 'Все для фронта, все для победы!'; *Юлыбыз — Кандра кул, Бәләбәй аша* (Ә. Еники) 'Наш путь через Кандры-куль, Белебей'.

Предикативный член в форме местно-временного падежа встречается наиболее часто и выражает несколько значений:

1) местонахождение субъекта, например: *Миңнулла белән без һаман сул фланкта* (Ә. Маликов) 'Мы с Миннуллой все еще на левом фланге';

2) объект, с которым связан субъект, например: *Ата-ана күңеле балада, бала күңеле балада* (Т. Гыйззәт) 'Родители думают о детях, а дети — о чем-то далеком';

3) условие существования, проявления субъекта, например: *Дәрҗяларның көче кушылдыкларының исән булуында!* (М. Әмир) 'Сила рек в сохранении притоков их!';

4) эмоциональное состояние, характеризующее субъект, например: *Мин әле кызлар тугрысында да шул ук мөгамәләдә* (Г. Тукай) 'Я еще и к девушкам отношусь так же';

5) физическое состояние, характеризующее субъект, например: *Мин*

тагын аякта (Г. Ибраһимов) 'Я снова на ногах'; *Тубылгылар ямь-яшел яфракта* (Ә. Маликов) 'Тополя в ярко зеленых листьях';

6) общественное положение субъекта, например: *Ул бер газига идарәсендә язучылыкта иде* (Г. Ибраһимов) 'Он сотрудничал в одной из редакций газет';

7) возраст субъекта, например: *Ул яңа унжиденчедә* (Г. Ибраһимов) 'Ей только семнадцать'; *Мин егерме бер яшьтәмен* (Г. Ибраһимов) 'Мне двадцать один год'.

Предикативный член в форме исходного падежа выражает значения:

1) местонахождения субъекта, например: *Ул (хат) профессор Максutowтан иде* (А. Расих) 'Оно (письмо) было от профессора Максutowа'; *Жил кояш баешыннан ла* (Ә. Қасыймов) 'Ветер с запада';

2) происхождения субъекта, например: *Мин дә Уралдан бит* (Ә. Маликов) 'Я же тоже с Урала'; *Кыз шәһәрдән, Закиржан авылдан* (М. Мәһдиев) 'Девушка из города, Закиржан из деревни';

3) принадлежность субъекта к определенной группе общества, например: *Жамалый карт тирә-якның ару адәмнәрәннән иде* (Г. Ибраһимов) 'Старик Джамали был из хороших людей округа'; *Икенчесе «Баянел-хак» могайян мөхәррирләреннән иде* (Г. Тукай) 'Второй был из числа редакторов «Баянел-хака»';

4) материальной (предметной) характеристики субъекта, например: *Йортлар нараттан була* (Г. Ибраһимов) 'Дома бывают из сосны'; *Аклы ситца күлмәгемнең сәдәпләре алтыннан* (фольк.) 'Пуговицы моей белой ситцевой рубашки из золота';

5) качественной характеристики субъекта, например: *Бу (Табаров) озын-озак сөйләшеп тора торганнардан түгел* (Г. Ахунов) 'Этот не из тех, кто долго разговаривает'; *Эш сораучы аның култык астыннан гына иде* (Г. Ахунов) 'Тот, кто просил работу, был меньше его ростом';

6) внешних признаков субъекта, например: *Ул пижамнан гына* (М. Хәсәнов) 'Он в одной пижаме'; *Мин дә оек-чабатадан хәзер* (Ш. Маннур) 'Я тоже теперь в чулках, лаптях'.

Употребление эллиптических конструкций с предикативным членом в форме направительного падежа носит более ограниченный характер. Предикативный член в указанной форме выражает главным образом одно значение — объект предназначения субъекта. Например: *Бабаңа ич бу хәбәр* (М. Хәсәнов) 'Ведь дедушке это извещение'; *«Менә бусы аткайга», — дип дүрт аршин кара постау чыгарды. Аның артыннан: «Менә бусы каен сеңлем Гөлбануга», — дип, зур матур шәл тартып алды* (Г. Ибраһимов) 'Вытащил четыре аршина сукна, сказав: «Вот это папаше». А затем взял в руки большую красивую шаль: «Это моей свояченице»'.

Входящие в состав предикативного члена эллиптических конструкций послелого и послеложные слова также образуют его определенные семантические группы:

1) предикативный член с послелогом *белән* 'с' выражает объект, определяющий значимость субъекта, например: *Тукайның даһи сабыллыгы гел үзе белән* (Р. Кукушкин) 'Тукая никогда не покидала его величия непосредственность'; *Агач җимеше белән, адәм эше белән* (посл.) 'Дерево славится плодами, человек — делами';

2) предикативный член с послелогом *кебек* (күк) 'как', 'подобно' выражает объект, сравниваемый с субъектом, например: *Жилкәләр атлетныкы кебек* (Т. Әйди) 'Шея как у атлета'; *Суы боз күк* (Ш. Маннур) 'Вода как лед';

3) предикативный член с послелогом *өчен* 'для' выражает цель,

назначение субъекта, например: *Бусы — башины ял иттерер өчен* (Т. Эйди) 'Это для того, чтобы дать отдых голове'; *Бу бит вакыт уздыру өчен генә* (А. Вергазов) 'Это же только для времяпрепровождения';

4) предикативный член с послеложными словами *аст-* 'под', *өст-* 'над', *ал-* 'перед', *арт-* 'за', *эч-* 'в', *ян-* 'у', 'около' и другими обозначает местонахождение субъекта, например: *Мәкаләм «Өч баш» серләүхәсе астында иде* (Г. Тукай) 'Моя статья называлась «Три головы»'; *Барысы да янында, кул астында гына* (Ә. Еники) 'Все близко, под рукой'; *Һәм-мәсе күз алдында* (Ш. Рәкыйпов) 'Все перед глазами'; *Беренче пост — шлагбаум янында* (Ә. Еники) 'Первый пост — у шлагбаума'; *Шәһәр ут, ялкын эчендә* (Ш. Рәкыйпов) 'Город в огне', *Ул арада Шакир абзый капка төбендә иде инде* (Ш. Маннур) 'Между тем Шакир-абзый уже был у ворот'; *Пароходта да сүз һаман кочегарь белән Фәхри тирәсендә генә булды* (Г. Ибраһимов) 'И на пароходе разговор шел о кочегаре и Фахри'.

Существуют также и другие послеложные формы предикативного члена, варьирующие его значение.

Эллиптические конструкции второй группы (со второстепенным членом в функции темы-субъекта и подлежащим в функции ремы-предиката), на первый взгляд, можно принять за измененные формы эллиптических конструкций первой группы (с подлежащим в функции темы-субъекта и второстепенным членом в функции ремы-предиката); например, предложение первой группы *Клуб — матбугат йортының югары катында* (Г. Ахунов) 'Клуб — на верхнем этаже дома печати', действительно, допускает перестановку членов, ср.: *Матбугат йортының югары катында — клуб* 'На верхнем этаже дома печати — клуб'. При этом образуется эллиптическое предложение второй группы. Точно так же эллиптическое предложение второй группы *Кулыбызда — сапер көрәкләре* (Ә. Маликов) 'В наших руках — саперные лопаты' может быть преобразовано в предложение первой группы: *Сапер көрәкләре — кулыбызда* 'Саперные лопаты в наших руках'. Такая взаимозаменяемость членов эллиптических конструкций вполне возможна. Однако нет достаточных оснований утверждать, что существующие в языке эллиптические предложения как первой, так и второй группы могут полностью модифицироваться. Следует при этом отметить, что каждая группа эллиптических построений соотносится со строго определенным типом полных предложений. Если члены эллиптических конструкций первой группы совпадают с подлежащим и присказуемым второстепенным членом, то члены эллиптических конструкций второй группы сопоставимы с так называемым детерминирующим членом и подлежащим исходного полного предложения; например, исходная форма эллиптической конструкции: *Клуб — матбугат йортының югары катында* может быть представлена так: *Клуб матбугат йортының югары катында урнашкан*. А исходной формой эллиптической конструкции *Матбугат йортының югары катында — клуб*, вероятнее всего, является предложение: *Матбугат йортының югары катында клуб урнашкан*. Второстепенный оборот *матбугат йортының югары катында* в первом случае находится при сказуемом (это обычное присказуемое сочетание). А во втором случае исходное предложение имеет несколько другую конструкцию: названное сочетание второстепенных членов (*матбугат йортының югары катында*) занимает позицию перед подлежащим и является детерминантом, то есть относительно более самостоятельным распространителем предложения. Следовательно, две различные формы эллиптических предложений, в конечном итоге, восходят к двум различным формам полных предложений.

Наиболее распространенными во второй группе являются эллиптические конструкции, тема-субъект которых выражена существительным в местно-временном падеже, а рема-предикат — существительным в основном падеже. Такие предложения употребляются в двух основных значениях:

1) выражают отношение предмета к месту, например: *Башында ак яулык* (Г. Ибраһимов) 'На голове белый платок'; *Бандерольда кулъязма һәм рецензия иде* (Г. Ахунов) 'В бандероли были рукопись и рецензия';

2) выражают отношение одного предмета к другому, например: *Мең кешедә — мең төрле үй* (Ә. Маликов) 'У каждого свое горе'; *Ир жанында — иярле ат, яки кораб, жылкән* (Р. Гатауллин) 'В душе мужчины — лошадь с седлом, или корабль, паруса'.

Субъект эллиптических конструкций данной группы может быть выражен также:

— существительным в напразительном падеже, например: *Менә сиңа Петербург* (Г. Тукай) 'Вот тебе Петербург';

— существительным в исходном падеже, например: *Дуңгыздан бер кыл* (посл.) 'С паршивой овцы хоть шерсти клок' (досл. 'Хоть одна щетина от свиньи'); *Уеннан уймак* (посл.) 'Игра (шутка) обернулась неприятностью'; *Уттан көл, көлдән ут* (посл.) 'От огня образуется зола, а зола таит в себе огонь';

— существительным в притяжательном падеже, например: *Ананың үз борчуы* (И. Низамов) 'У матери свои заботы'; *Кайнар хисләрнең бөреләнгән чагы лабаса* (Ә. Касыймов) 'Самое время, когда возбуждаются горячие чувства';

— существительным с послелогоми, например: *Габделнурдан алып Сылуга кадәр бер адым* (М. Мәһдиев) 'От Габделнура до Сылу — один шаг'; *Кар астында үзәнә башка бер дөнья* (Ә. Маликов) 'Под снегом особый мир';

— наречиями, например: *Еракта — юка гына күгеләзем пәрдә бөркәнгән таулар* (Г. Мөхәммәдова) 'Вдали — горы, покрытые тонкой голубой завесой'; *Иртәгәсен һаман шул ук яңгыр иде* (Ш. Маннур) 'На завтра все еще шел такой же дождь'; *Өстә ап-ак кар* (Ш. Рәкыйпов) 'Наверху совершенно белый снег'.

В этих конструкциях, наряду с указанными выше логико-семантическими отношениями, выражаются и другие, например: лицо и его возраст, лицо и его эмоции, время и событие, причина и следствие.

Модальное оформление предикативного члена эллиптических конструкций. Хотя этот член, выступая не только в основном, но и в косвенных падежах, с послелогоми, по форме своей основной части представляет собой специфическое синтаксическое явление, однако по модальному оформлению он в принципе не отличается от обычного именного сказуемого. Эллиптические конструкции обеих групп могут иметь полную парадигму объективно-модальных форм, характерных для именно-го типа предложений вообще.

Реально-модальные значения передаются с помощью двух форм настоящего, четырех форм прошедшего и двух форм будущего времени.

Формы настоящего времени: 1) Предикативный член не имеет временного (объективно-модального) показателя. Он в сущности равнозначен так называемой нулевой форме именного сказуемого, хотя это выражение (сам термин) едва ли подходит для данного случая. Нулевая форма в условиях обычного именного предложения означает отсутствие как падежного аффикса, послелога, так и средств выражения модального значения в составе сказуемого. В рассматриваемом случае средства первого порядка не исключаются, отсутствуют лишь средства вто-

рого порядка; например: *Зарифның күзләре — тасма булып барабанга асгыла барган тезмәдә* (М. Хәбибуллин) 'Глаза Зарифа — на валках, которые лентой входили в барабан'; *Ул хәзер бездә взвод командиры урынына* (Ә. Маликов) 'Он теперь у нас командир взвода'; *Завотдан соң алты чакырымда Тарлау авылы* (А. Гыйләжев) 'Дальше завода, в шести километрах село Тарлау'.

2) В состав предикативного члена вводится вспомогательный глагол *була*; например: *Аккош күлләрдә була, муены суларда була* (фолькл.) 'Лебедь бывает на озере, шея его бывает в воде'.

Формы прошедшего времени. 1) В состав предикативного члена вводится вспомогательный глагол *иде*; например: *Хәерниса авылда кияүдә иде* (Г. Ибраһимов) 'Хаерниса была замужем в деревне'; *Шәрәфнең кулында гармун иде* (М. Мәһдиев) 'В руках у Шарафа была гармонь'.

2) В состав предикативного члена вводится вспомогательный глагол *булды*; например: *Н-че укчы полк ут өермәсе эчендә булды* (Ә. Маликов) 'Н-ский стрелковый полк был на линии огня'.

3) В состав предикативного члена вводится вспомогательный глагол *булган*; например: *Хата миндә булган* (Ф. Хөсни) 'Ошибся я'.

4) В состав предикативного члена вводится сочетание вспомогательных глаголов *була иде*; например: *Ә хатларның төрлесе була иде* (Ә. Маликов) 'А письма бывали разные'.

Формы будущего времени. 1) В состав предикативного члена вводится вспомогательный глагол *булачак*; например: *Бөтен халык клубта булачак* 'Весь народ будет в клубе'; *Бөтен яхшы нәрсә балаларга булачак* 'Все хорошее будет детям'; *Иртәгә жил көнбатыштан булачак* 'Завтра ветер будет с запада'.

2) В состав предикативного члена вводится вспомогательный глагол *булыр* (отрицательная форма *булмас*); например: *«Чемоданың миндә булыр», — диде Громов* (Ә. Маликов) '«Твой чемодан будет у меня», — сказал Громов'; *Полк казанына свежий ит булмасмы!* (Ә. Маликов) 'Может, будет свежее мясо для полкового котла'.

Как любое именное сказуемое, предикативный член эллиптических конструкций (слово в косвенных падежах) изменяется по лицам и числам (имеется в виду первая группа); например, в предложениях: *Мин егерме бер яшьтәмен* (Г. Ибраһимов) 'Мне двадцать один год' — предикативный член (*егерме бер яшьтәмен*) в форме местно-временного падежа, 1-го лица, единственного числа; *Кырык икенченең жәендә без Сталинград далаларында идек инде* 'Летом сорок второго мы уже были в степях у Сталинграда' — предикативный член (*Сталинград далаларында идек инде*) в форме местно-временного падежа, 1-го лица, множественного числа; *«Жигули» табигатькә сокланыр өчен түгел, тизрәк барып житәр өчен ул* (Ә. Еники) '«Жигули» не для того, чтобы восхитаться природой, а для того, чтобы быстрее доехать' — предикативный член (*табигатькә сокланыр өчен түгел, тизрәк барып житәр өчен ул*) с послелогом *өчен* в форме 3-го лица, единственного числа.

В качестве средства выражения ирреальной модальности в составе предикативного члена эллиптических конструкций употребляется вспомогательный глагол *бул* в форме повелительного, желательного наклонений; например: *Менә сезгә болар өй котлаудан булсын* (Г. Ибраһимов) 'Это вам подарок по случаю новоселья'; *Мин эштә булыым* 'Пусть я буду на работе'.

Разнообразны также субъективно-модальные характеристики предикативного члена эллиптических конструкций. В этих целях, как при

обычном именном сказуемом, употребляются без ограничения частицы, модальные слова и их различные комбинации.

Частицы в составе предикативного члена эллиптических конструкций, например: *Паларусов иптәш, ул тимерлектә генә* (Г. Ибраһимов) 'Товарищ Паларусов, он только в кузнице'; *Йөрәге урынында түгел иде* (М. Мәһдиев) 'Сердце его было не на месте'; *Гайша аның янында ук иде* (Г. Ибраһимов) 'Гайша была около него'; *Каләм кулында бит* (Г. Ибраһимов) 'Карандаш же у него в руке'; *Жибәрелгән документлар хәзер Мәскәүдә дер инде* (М. Юныс) 'Посланные документы, наверное, уже в Москве'; *Жизнәсе: «Кирәкмәс, үз эшең дә муеннан әле!» — диде* (Ә. Қасыймов) 'Зять сказал: «Не надо, и своей работы по горло!»'; *Иң өстә әллә биш чатлы йолдыз, әллә йөрәк рәсеме* (Ә. Маликов) 'На самом верху не то пятиконечная звезда, не то изображение сердца'.

Модальные слова в составе предикативного члена эллиптических конструкций, например: *Фазыйль кымызда икән* (Г. Ибраһимов) 'Фазыл, оказывается, на кумысе'; *Аның матурлыгы күзләрендә иде бугай* (А. Гыйләжев) 'Ее красота, кажется, была в глазах'; *Завод шул урман эчендә булырга тиеш* (М. Юныс) 'Завод, должно быть, в том лесу'; *Жүйләре күлмәк астында булса кирәк* (Ә. Еники) 'Рубцы, видимо, под рубашкой'; *Паспорт, ниһаять, кулда* (И. Низамов) 'Паспорт, наконец, в руках'; *Мин икенче бүлектәнмен, ахрысы* (Г. Ибраһимов) 'Я, кажется, из другого отдела'.

Различные комбинации субъективно-модальных средств в составе предикативного члена эллиптических конструкций, например: *Инде кала менә күз алдында гына иде* (Г. Ибраһимов) 'Уже город был перед глазами'; *Бу тавыш, бу моң бары тик Симетбашта гына* (М. Мәһдиев) 'Такой голос, такая музыкальность только в Симетбаше'; *Орлыгы Бохарда түгел ләбаса* (Г. Ибраһимов) 'Источник не в Бухаре же!'; *Ил чиге булып аккан Амур елгасы янәшәбездә генә икән* (Ә. Маликов) 'Река Амур, растянувшаяся вдоль границы страны, оказывается, совсем рядом'; *Бу өзелү, бу ераклашу, әлбәттә, тыштан гына, тышкы күренештән генә* (Г. Ибраһимов) 'Эта ссора, этот разрыв были, конечно, только внешними, для вида'; *Күрәсең, хикмәт монда бер Ләйлә ханымда гына түгел* (Ә. Еники) 'По всей видимости, дело здесь не только в Лейле-ханум'.

Таким образом, эллиптические конструкции, несмотря на некоторую внешнюю необычность их, представляют собой вполне самостоятельные предикативные единицы, отвечающие нормам как устной, так и письменной речи.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Р. Х. ХАЛИКОВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БАШКИРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ БАШКИРИИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ (XVII—XIX ВЕКА)

Известно, что словарь каждого языка обогащается как за счет его собственных внутренних ресурсов, так и путем заимствований из других языков. Последний процесс тесно связан с историей народа, с историей его взаимосвязей и контактов с другими народами. Весьма показателен в этом отношении башкирский язык.

Письменные памятники сохранили немало фактов взаимовлияния русского и башкирского языков, возникшего на основе исторически сложившихся политических, экономических и культурных взаимоотношений между русским и башкирским народами.

Проблемам русско-башкирских языковых контактов были посвящены работы Н. К. Дмитриева, К. З. Ахмерова, Д. Г. Киекбаева, Р. Н. Терегуловой, Т. М. Гарипова, Г. Б. Хусаинова, Л. Л. Аюповой¹ и других исследователей.

Взаимосвязи русского и башкирского народов имеют глубокие исторические корни. Поэтому не случайно Н. К. Дмитриев настоятельно рекомендовал изучать историю русско-башкирских языковых отношений с возможно более отдаленного времени².

Самые ранние русские заимствования в башкирском языке датируются VII—VIII веками. Именно в это время «на юго-западе Башкирии появляются булгары, часть которых вошла в состав башкирского народа (бюлярский и байлярский башкирские роды)»³. А. П. Смирнов отмечал, что между населением Булгарского государства и представителями русских княжеств существовала тесная племенная близость⁴. Эти контакты оказали значительное влияние на язык и тех булгар, которые вошли в состав башкирского народа. Большую роль в заимствовании русских слов сыграли и половцы (кыпчаки, кыпчакский род)⁵, также

¹ Н. К. Дмитриев. Русско-башкирские языковые отношения. — «Строй тюркских языков». М., 1962, стр. 433; *его же*. Башкирские заимствования из русского языка. — Там же, стр. 443 и др.; К. З. Ахмеров, Р. Н. Терегулова. Сравнительная грамматика русского и башкирского языков. Уфа, 1963; Р. Н. Терегулова. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа, 1957; Ж. Ф. Киекбаев. Хазерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө, 1966; Т. М. Гарипов. Процессы языкового взаимодействия в Башкирии. Уфа, 1972; Г. Б. Хусаинов. Батырша хатының лексик һәм грамматик үзен-сәлектәре. — «Башкортостан укытыусыһы», 1977, № 1, стр. 30—34; № 3, стр. 28—31; Л. Л. Аюпова. Особенности развития лексики русских говоров БАССР в условиях межъязыкового общения. — «Лингвогеография, диалектология и история языка». Кишинев, 1973, стр. 246—248 и др.

² Н. К. Дмитриев. Русско-башкирские языковые отношения, стр. 467.

³ С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 329.

⁴ А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 153.

⁵ С. И. Руденко. Указ. раб., стр. 329.

вошедшие в состав башкирского народа и принесшие с собой такие древнерусские слова, как *ызба* 'изба', *мейес* 'печь' и т. п. На это в свое время указал Л. П. Якубинский: «В словаре половецкого языка „Codex Cumanicus“ (XIII в.) отмечены древнерусские слова *изба*, *печь* и др.»⁶. По мнению В. В. Радлова, язык памятника «Codex Cumanicus» необходимо причислить к той семье тюркских наречий, в которую входят иртышские, киргизские, башкирские и волжские наречия⁷. А. М. Ахунзянов справедливо утверждает, что заимствование некоторыми тюркскими народами восточнославянского слова *солома*, встречающегося в памятнике «Codex Cumanicus», следует отнести к XIV веку. Под воздействием заимствовавших языков данное слово утратило окончание и видоизменилось: в татарском оно преобразовалось в *салам*, в башкирском в *һалам*, в чувашском в *улам*⁸. Таким образом, можно считать, что русская лексика стала проникать в башкирский язык, как, впрочем, и в другие тюркские языки, например, в татарский⁹, достаточно рано.

После присоединения башкир к Русскому государству (XVI в.) процесс обогащения башкирского языка русскими заимствованиями приобрел принципиально новые черты. Н. К. Дмитриев отмечал, что в эпоху Ивана Грозного началось непосредственное бытовое общение русских и башкир, и последующие исторические события неизбежно отражались на развитии русско-башкирских языковых отношений¹⁰. Совместная борьба в ополчении Минина и Пожарского (XVII в.), регулярная служба башкир в постоянном русском войске после введения кантонного управления, участие башкирских конников в Отечественной войне 1812 года — все это усилило связи башкирского и русского народов, а также их языковые контакты.

С XVI века русская лексика начинает проникать в язык башкир и письменным путем. Присоединение башкир к Русскому государству и последовавшее за этим развитие производительных сил, экономики и культуры Башкирии способствовало тому, что в этот период в жизни башкир активизируется деловая переписка, узакониваются земельные и другие имущественные отношения, оформляются выплаты по законам централизованного государства и т. п. К этому времени относится и появление в делопроизводстве первых документов на русском языке, преимущественно рукописных — летописей монахов и писцов, грамот московских государей, посланий воевод и обращений приказчиков, различных донесений, челобитных, так называемых «экстрактов» правительственных канцелярий о происходивших событиях и т. п.¹¹ По своему характеру язык этих рукописей был великорусским, базировавшимся на московском говоре и включавшим элементы церковно-славянской письменности¹².

Проникновению русских слов и целых речевых оборотов в башкирский язык способствовали переводы на тюрки деловых бумаг, указов, манифестов, рапортов и многочисленных документов, связанных с совместной борьбой русских и башкир против иноземных захватчиков, а

⁶ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 350.

⁷ В. В. Радлов. О языке куманов. По поводу издания куманского словаря. (Приложение к 48 тому Записок имп. Академии Наук, № 4). СПб., 1884.

⁸ А. М. Ахунзянов. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968, стр. 68.

⁹ А. М. Ахунзянов. Русские лексические заимствования, вошедшие в основной словарный фонд и словарный состав татарского языка. Автореф. докт. дисс., М., 1955, стр. 10.

¹⁰ Н. К. Дмитриев. Русско-башкирские языковые отношения, стр. 467.

¹¹ Т. М. Гарипов. Процессы языкового взаимодействия в Башкирии. — В сб.: «Языковые контакты в Башкирии». Уфа, 1972, стр. 23.

¹² Там же.

также с выступлением населения против гнета царского правительства во времена Степана Разина и Крестьянской войны 1773—1775 годов под предводительством Емельяна Пугачева и Салавата Юлаева. Эти и другие исторические события явились решающим фактором для активизации языковых контактов русского и башкирского народов и взаимного влияния их языков.

Известно, что одной из наиболее распространенных и важных форм языкового развития, находящихся в непосредственной зависимости от исторических и социальных условий, является «своеобразие взаимодействия неродственных языков (славянских, финно-угорских и тюркских)»¹³.

Октябрьская революция разделила историю русско-башкирских языковых отношений на два периода, резко отличающихся по своему характеру¹⁴.

Изучению русской лексики, вошедшей в башкирский язык после победы Октябрьской революции был посвящен ряд специальных работ¹⁵, что же касается дооктябрьского периода, то, к сожалению, можно назвать лишь отдельные статьи и разделы некоторых монографий¹⁶. Следует при этом отметить, что общего знакомства с письменными памятниками дооктябрьского периода недостаточно для раскрытия сущности русско-башкирских языковых отношений, например, XVII—XIX веков. Только тщательное и всестороннее исследование лексики башкирских письменных памятников более раннего периода может пролить свет на эту проблему, позволяя датировать то или иное заимствование.

На наш взгляд, эпистолярные, актовые и летописные башкирские источники XVII—XIX веков являются той документальной базой, на основании которой с наибольшей точностью можно установить факты проникновения в башкирский язык русской лексики.

Авторами и переводчиками деловых бумаг в большинстве случаев были представители местного башкирского населения, получившие образование в медресе и поступившие на русскую «государственную службу». Эти люди активно служили самодержавию в проведении им колониальной политики на Урале и в Поволжье. При этом они невольно оказывались естественными распространителями русской культуры и русского языка среди башкир. Русская лексика усваивалась этими чиновниками как устным, так и письменным путем и через них проникала в широкие массы, часто в деформированной форме, а иногда и с измененным значением.

Со временем позиции русского языка в дореволюционной Башкирии все более укрепляются, сферы его функционирования значительно расширяются: вслед за официально-канцелярским стилем деловых бумаг в башкирский язык проникают «жанровые элементы языка церковных книг и богослужений, с одной стороны, а с другой — изящной словесности Башкирии»¹⁷.

¹³ В. В. Виноградов, Б. А. Серебренников, В. В. Решетов, Ю. Д. Дешериев. Основные итоги и задачи разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР. — В кн.: «Вопросы развития литературных языков народов СССР». Алма-Ата, 1964, стр. 22—23.

¹⁴ Н. К. Дмитриев. Русско-башкирские языковые отношения, стр. 467.

¹⁵ См., например: Р. Н. Терегулова. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа, 1957.

¹⁶ Т. М. Гарипов, В. М. Мустафин. Из наблюдений над русскими заимствованиями дореволюционного периода в башкирском языке. — «Русский язык в Башкирии. Ученые записки. Серия филологических наук», вып. 23, Уфа, 1968, стр. 83; Ж. Ф. Киекбаев. Рус теленән үзләштерелгән һүзәр. — «Хәзерге башкорт теленек лексикаһы һәм фразеологияһы», Өфө, 1966, стр. 108—109.

¹⁷ Т. М. Гарипов. Процессы языкового взаимодействия в Башкирии, стр. 23.

В XVIII веке на территории Башкирии открываются русские школы, в которые принимаются и дети нерусских народностей¹⁸. Прогрессивные представители башкирской интеллигенции такие, как М. Уметбаев, М. Кулаев и другие, уже в первой четверти XIX века призывают башкирское население овладевать русским языком. В результате со временем получило широкое распространение русско-башкирское двуязычие, и прежде всего среди населения, проживающего на востоке Башкирии (современный миасский говор восточного диалекта башкирского языка). Носители этого говора издавна находились в тесном контакте с русскими. Многовековая совместная жизнь и работа (сооружение трактовых дорог, связывающих центральную Россию и Сибирь, возведение металлургических заводов на Урале и т. д.) сильно отразились как на быте и психологии, так и на языке (лексике) русских и башкир: широкое распространение среди тех и других получило двуязычие¹⁹.

Развитие экономики и культуры Башкирии, появление новых общественно-политических понятий повлекло за собой обогащение башкирского языка новыми словами и выражениями. Русские лексические заимствования, активно пополнявшие башкирский язык в период XVII—XIX веков, были продиктованы условиями самой жизни.

В лексико-семантическом отношении русизмы в письменном языке башкир XVII—XIX веков можно подразделить на следующие группы²⁰:

I. **Канцеляризмы**. I. Слова, относящиеся к административно-управленческому аппарату: *губирна кансаларе* 'губернская канцелярия', *камисия* 'комиссия', *брисутсва* 'присутствие', *бравинса кансаларе* 'провинциальная канцелярия', *ратуша* и др.

2. Слова, обозначающие лицо, имеющее определенное отношение к административно-управленческому аппарату: *архиварич* 'архивариус', *исбрауник* 'исправник', *инспектыр* 'инспектор', *атбитчик* 'ответчик', *бисар* 'писарь', *рейхсикритар* 'рейхсекретарь', *ысбидитил* 'свидетель', *сикритар* 'секретарь', *управляйущий* 'управляющий' и т. д.

3. Слова, обозначающие названия деловых бумаг: *билит* 'билет', *грамут* 'грамота', *давирнус* 'доверенность', *дагавур* 'договор', *данашенже* 'донесение', *инструксийа* 'инструкция', *купийа* 'копия', *купчий* 'купчая', *упис* 'опись', *атбиска* 'отписка', *придписаний* 'предписание', *бригавур* 'приговор', *прошенже* 'прошение', *ырпурт* 'рапорт', *разбиска* 'расписка', *ыскаска* 'сказка', *указ*, *чилабитнай* 'челобитная' и др.

II. Значительную группу русизмов в письменном языке башкир XVII—XIX вв. составляет **военная лексика**, к которой относятся: 1. Слова, обозначающие лиц, имеющих военные звания: *ваевуда* 'воевода', *гвардий майур* 'гвардии-майор', *финарал* 'генерал', *финарал губирнатыйр* 'генерал-губернатор', *капитан* 'капитан', *майур* 'майор', *афисир* 'офицер', *сутник* 'сотник', *урэдник* 'урядник', *харунжа* 'хорунжий' и др.

2. Слова, обозначающие предметы и явления, связанные с военным бытом: *ваеннай* 'военный', *вайскавуи* 'войсковой', *фарнизун* 'гарнизон', *дивизионый* 'дивизионный', *камандуший* 'командующий', *мундир*, *пикет*,

¹⁸ «Очерки по истории Башкирской АССР». Т. I, ч. I, Уфа, 1956, стр. 285—286.

¹⁹ Н. Х. Максимова. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976, стр. 246.

²⁰ При написании данной статьи были использованы материалы, извлеченные из Центрального государственного архива древних актов: ф. 248, дд. 1133, 1525, 1533, и др.; ф. 7, д. 1781 и т. д.; Центрального государственного исторического архива, ф. 1356, д. 63; ЦГА БАСР, ф. 6, оп. 1, дд. 12376, 1237 и т. д.; Государственного архива Оренбургской области, ф. 3, оп. 1, дд. 151, 10802; ф. 6, оп. 3, д. 244 и др.; Государственного архива Куйбышевской области, ф. 155, оп. 1, дд. 2729, 4261; ф. 174, оп. 1, д. 1084 и др.; Государственного архива Челябинской области, ф. 6, оп. 1, дд. 13, 28, 120 и т. д.; «Башкирские шежере». Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960.

бахуд 'поход', *бахутнай* 'походный', *сикунд мауырский* 'секунд-майорский', *ыслужывай* 'служивый', *балит* 'эполеты' и др.

III. Слова, обозначающие лицо, имеющее какой-либо титул, гражданское звание или полномочие: *вибиршык* 'выборщик', *дипутат* 'депутат', *исбрауник* 'исправник', *импратур* 'император', *кенэз* 'князь', *нэзирэтил* 'надзиратель', *намисник* 'наместник', *палач*, *бамшык* 'помещик', *брикашик* 'приказчик', *сар* 'царь' и др.

IV. Русизмы, обозначавшие единицы административного деления царской России конца XVII—XIX века: *вулус* 'волость', *ғубирна* 'губерния', *кантун* 'кантон', *укруғ* 'округ', *браунсэ* 'провинция', *өйэз* 'уезд'.

V. Значительную группу составляют слова, связанные с сельским хозяйством: 1. Наименование сенокосных угодий, земельных участков: *выпас*, *ушаска* 'участок', *нариз* 'нарез', *атбут* 'отвод', *угодийа* 'угодье'.

2. Орудия труда: *бурана* 'борона', *сийалка* 'сеялка'.

3. Наименования лиц, имеющих отношение к сельскому хозяйству: *вутчиник* 'вотчинник', *зимләмир* 'землемер', *керәстийән* 'крестьянин', *брибушник* 'припущенник'.

4. Прочая лексика связанная с сельским хозяйством: *балутнай* 'болотный', *вутчинай* 'вотчинный', *мижа* 'межа', *мижавуй* 'межевой', *абрук* 'оброк', *силский* 'сельский' и др.

VI. Слова, обозначающие признак, особенность предмета или лица: *унутринай* 'внутренний', *виданый* 'выданный', *висчайшай* 'высочайший', *главнуй назначин* 'главный назначенный', *ниудубный* 'неудобный', *нижний*, *асубинуй* 'особенный', *будлинуй* 'подлинный', *батумствинуй* 'потомственный', *буштавай* 'почтовый', *разнуй* 'разный', *удубнуй* 'удобный', *ыштрафнуй* 'штрафной' и др.

VII. Слова, обозначающие название производства и лиц, связанных с тем или иным производством: *завутчик* 'заводчик', *рабутник* 'работник', *забут* 'завод', *фабрик* 'фабрика', *фабрикант*.

VIII. Названия месяцев: *ғыныуар* 'январь', *фибрал* 'февраль', *март*, *април* 'апрель', *май*, *июнь*, *июль*, *авгус* 'август', *сентэбр* 'сентябрь', *үктэбр* 'октябрь', *нуябр* 'ноябрь', *дикабр* 'декабрь'.

IX. Слова, обозначающие меру длины и веса: *аршин*, *дисэтин* 'десятина', *бот* 'пуд', *сажын* 'сажень'.

X. Слова, выражающие различные действия: *жалауат* 'жаловать', *мижауат* 'межевать', *абискават* 'обыскивать', *убийавит* 'объявить', *балучит* 'получить', *принуждать*, *срамить*, *трибавать* 'требовать', *утверждать*.

XI. Изредка встречаются слова с абстрактным значением: *ғрубус* 'грубость', *нужа* 'нужда'.

XII. Слова, относящиеся к религии: *духовнуй сабраниа* 'духовное собрание', *диак* 'дьяк', *керәшен* 'крещеный', *бун* 'поп', *сабурнай* 'соборный' (мулла), *указнуй* 'указной' (мулла), *сиркәу* 'церковь'.

Займствованная русская лексика в письменном языке башкир XVII—XIX вв. далеко не исчерпывается перечисленными семантическими группами. Имеется целый ряд слов, не входящих в приведенные выше рубрики: *кенәгә* 'книга', *бервай* 'первый', *план*, *бушлин* 'пошлина', *тутә* 'тетя', *фармална* 'формально', *тулке* 'только', *учителский* 'учительский' и др.

Башкиры в XVII—XIX веках иногда использовали также кальки и полукальки русских выражений: *үзен үзе атаучы Бугачев* 'самозванец Пугачев', *тел язык* (пленный, от которого можно получить нужные сведения), *дошманлар ғәскәриндән тотолған ике тел* 'пойманных два вражеских языка', *юрмалы бушта* 'на́рочная, специальная почта', *буштавай юл* 'почтовая дорога', *утлы туб вә кылыч илә* 'огнем и мечом' и др.

Отдельные русские слова, заимствуясь башкирским языком, меня-

ли свою семантику и приобретали новое значение. Так, слово *рапорт* употреблялось в смысле «прошение», слово же *билет* имело значение «документ, справка на разрешение чего-либо»: *рәхимле бадышаһымыз Бетр Федорович хәҙрәтенең указы буйынча бирүлде ошбу билит* 'согласно указу его величества падишаха Петра Федоровича дан сей билет' и т. п.

Русская лексика, проникая в язык башкир XVII—XIX веков, подвергалась значительным фонетическим изменениям в соответствии с законами звукового строя башкирского языка. Для русских заимствований характерны следующие чередования:

а) в области гласных: *а—э* (*кәмисийә* 'комиссия', *кәнсәләр* 'канцелярия', *назирәтил* 'надзиратель' и др.); *о—а* (*каманда* 'команда', *асубый* 'особый', *батумственный* 'потомственный', *балучил* 'получил' и др.); *о—у* (*бурана* 'борона', *вулус* 'волость', *гуспадин* 'господин', *думахазиян* 'домохозяин', *кантун* 'кanton', *нуябр* 'ноябрь', *тулке* 'только' и т. д.); *е—и* (*билит* 'билет', *губирна* 'губерния', *дипутат* 'депутат' и др.);

б) в области согласных: *п—б* (*дабурус* 'допрос', *атбиска* 'отписка', *бульза* 'польза', *буштавай юл* 'почтовая дорога', *буп* 'поп', *Битыр* 'Петр', *бисыр* 'писарь', *батпис* 'подпись', *бот* 'пуд'); *ц—с* (*сар* 'царь', *кәнсәләр* 'канцелярия', *афисер* 'офицер', *сиркәү* 'церковь'); *ч—ш* (*буштавай юл* 'почтовая дорога', *нәшәлник* 'начальник'); *б—в* (*булус* 'волость', *фибрал* 'февраль', *бур* 'вор'); *щ—ш* (*убишества* 'общество', *брибушники* 'припущенник', *бамушник* 'помощник' и др.).

В письменном языке башкир XVII—XIX веков фонетические деформации русизмов не ограничиваются перечисленными звуковыми соответствиями. Заимствованные слова подвергаются также и комбинаторным изменениям, вызванным так называемыми фонетическими процессами (появлением протезы, эпентезы, апокопы).

При стечении нескольких согласных в начале слова прибавляются гласные *а, ы, э* (протеза): *асторожка* 'сторожка', *ыстаршына* 'старшина', *ыстан* 'стан', *эслитства* 'следствие'.

Внутри заимствованного слова для разрядки стечения согласных вставляются гласные *е, э* (эпентеза): *керәстийән* 'крестьянин', *кенәгә* 'книга', *кенәз* 'князь'.

Наблюдается выпадение гласных и согласных звуков в конце слова, приводящее к его сокращению (апокопа): *ратуш* 'ратуша', *фабрик* 'фабрика', *әйәз* 'уезд', *балит* 'эполеты' и т. д.

В указанный период русские заимствования являлись одним из важнейших источников пополнения башкирского языка. Часть из этих заимствований в процессе эволюционного развития языка выпала из его активного словаря полностью; другая — перешла в пассивный словарь и в разряд историзмов; третья — сохранилась и функционирует в современном башкирском литературном языке и его диалектах.

После присоединения в 1557 году к Русскому государству в Башкирии появились русские поселенцы. В результате непосредственного и тесного языкового общения русских с башкирами в русскую речь местного населения стала активно проникать тюркская лексика.

Влияние отдельных национальных языков на русский язык, к сожалению, до последнего времени не было объектом специального исследования. Лишь совсем недавно стали появляться отдельные публикации, посвященные этой проблеме²¹.

²¹ И. Бажина. К вопросу о киргизских заимствованиях в русском языке. — «Советская тюркология», 1972, № 5, стр. 32—45; Ш. Каримходжаев. Особенности освоения русским языком каракалпакских заимствований. — «Советская тюркология», 1976, № 5, стр. 28—42.

Как и в других языках, в русском заимствование коснулось прежде всего сферы лексики. «Процесс освоения русским языком некоторых заимствованных фактов, — как отмечает Н. М. Шанский, — не был явлением отрицательным: напротив, он обогащал наш родной язык, делал его более емким, выразительным и развитым»²². Тюркские заимствования в русском языке относятся, как правило, к терминологической лексике, ибо «заимствования из других языков всегда широко представляли и представляют терминологические наименования»²³, а также — к экзотическим словам, «придававшим речи особый колорит»²⁴.

Безусловно, в процессе обогащения русского языка тюркизмами участвовали все или большинство тюркских языков нашей страны. Известную роль в этом сыграл и башкирский язык, хотя масштабы и характер его влияния на русский значительно слабее, нежели воздействие русского языка на башкирский. Тем не менее письменные памятники XVII—XIX веков подтверждают факт пополнения русского языка тюркизмами и через башкирский язык²⁵.

Если принять во внимание, что тюркизмы проникали в русский язык главным образом с востока, то нужно будет признать, что башкирский язык, подобно татарскому, чувашскому и некоторым другим в обогащении русского языка тюркскими словами играл особую роль, чему способствовали и непосредственные контакты русского и башкирского народов. Судя по всему, тюркизмы в исследуемый нами период проникали в русский язык преимущественно устным путем. В более позднее время они, конечно, заимствовались и через различные письменные источники.

Тюркские заимствования в языке русского населения, проживавшего в Башкирии в XVII—XIX веках, с тематической точки зрения были весьма разнообразны. Прежде всего это были слова, относящиеся к бытовой лексике: *юрта* 'жилье кочевников', *аршин* 'мера длины', *казна* 'деньги; место хранения денег и ценных вещей', *табун*, *япанчы* 'разновидность верхней одежды' и т. д.; названия различных видов деловых бумаг, документов: *ярлык* 'жалованная грамота', *тамга* 'клеймо, знак', *ясак* 'дань, подать', *шерть* 'клятва, договорные отношения; присяга мусульман на подданство', *шертовать* // *дать шерть* 'дать клятву' и др.; слова, обозначающие лицо, деятеля: *талмач* 'переводчик', *абыз* 'секретарь', *тархан* 'лицо, занимавшее среднее положение между служилыми и ясачными подданными', *ясатчик* // *ясайник* 'плательщик подати', *батыры* 'лица, в отличие от тарханов, не свободные от платежа ясака, но выступавшие в роли старшин', *ясырь* 'пленник, невольник', *аманатчик* 'заложник' и т. д.

Тюркизмы в русских источниках, составленных на территории Башкирии, весьма разнообразны по форме и употребляются в различных сферах. Большая их часть — это корневые слова; например, *юрта*, *тамга*, *ясырь*, *аманат* и т. д.

Другой вид тюркизмов — это активно усвоенные в соответствии с русскими словообразовательными моделями корневые слова; ср.: *талмач* 'переводчик' > *талмачил* 'переводил' («...талмачил Мишка Сокуров,

²² Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1972, стр. 87.

²³ В. П. Даниленко. Заимствования из других языков. — «Исследования по русской терминологии», М., 1971, стр. 34.

²⁴ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 214.

²⁵ «Материалы по истории Башкирской АССР». Ч. 1, М.—Л., 1936; И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве. Ч. 2, СПб., 1799; П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. III, 2. 1772 и 1773, СПб., 1788 и др.

прозвище Ширяев»); *ясак* 'дань, подать' > *ясáтчик* // *ясáшник* 'тот, кто платит ясак (дань)', *аманат* 'залог; заложник' > *аманáтчик* 'заложник', *аманат* > *аманáтцкий двор* 'двор, где содержались заложники' и т. д.

Засвидетельствован также широкий круг функционирования тюркизмов в письменном языке русских, проживавших на территории Башкирии; ср.: *куничный ясак*, *окладный ясак*, *бобылий ясак*; *ясачные башкирцы*, *ясачный сбор*, *ясачные книги*, *ясачные люди*, *ясачное сословие*, *ясачный двор*, *ясачные волости*, *ясачные мягкие рухляди* (то есть *пушинный ясак*) и т. д.

Чрезвычайно интересно представлены в письменных источниках XVII—XIX веков собственные имена башкирского (тюркского) происхождения: *Ишинбайко Кулушев*, *Ямбердейка Алимбетов*, *Ахтайка Рягимгулов*, *Ильчебайка Бекпердеев*, *Ишмамет Ямангулко*, *Ямангузейка*, *Уразманка* и т. п. Очень много в текстах топонимической лексики — названий волостей, на которые была поделена Башкирия (*Минская*, *Табынская*, *Кыпчакская*, *Бурзянская*, *Демская*, *Гайнинская* и т. д.), и гидронимов (реки: *Белая*, *Карамалы*, *Ерезен* и т. д.).

Таким образом, после присоединения Башкирии к Русскому государству в русский язык через башкирский проникло множество тюркизмов, закрепившихся в нем и обогативших его словарный состав.

Это историческое событие было важным не только в политической и экономической жизни двух братских народов, оно явилось также знаменательным этапом и в истории развития русского и башкирского языков, обусловив их взаимовлияние.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции внесла качественно новые элементы в многовековой процесс взаимодействия и взаимообогащения русского и башкирского языков.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В. Г. РОДИОНОВ

К ОБРАЗУ ЛЕБЕДЯ В ЖАНРАХ ЧУВАШСКОГО ФОЛЬКЛОРА

В чувашском языке водоплавающих птиц обычно различают по родам в зависимости от среды обитания. Например, слово *кавакал* означает домашнюю утку. Диких же уток называют *кайяк кавакал*. Подобным же образом различают и гусей: под словом *хур* подразумевается одомашненный гусь, а под словом *хуркайяк* или *кайяк хур* — дикий гусь. В представлении чувашей лебедь является дикой, неприрученной, гусеподобной птицей. Для его обозначения существует ряд слов: *акйш*¹, *хуракйш*² и *хуркайяк акйш*³. Во всех вариантах, как мы видим, встречается слово *акйш*, которое образовалось в результате слияния двух тюркских слов: *ак* 'белая' и *кыш* 'птица'. Подобное название лебедя встречается в основном у кыпчакоязычных тюрков: татар, башкир, казахов и др.⁴. У остальных тюркоязычных народов бытуют совершенно иные формы: *куу* (тел., алт., шор., кирг., г.-алт.), *кува* (якут.) и *куб* (кумык., уйг.). В древнетюркском словаре встречается только одна форма: *кугу*⁵.

Очевидно, слово *аккыш* является вторичным по отношению к другим, наиболее древним лексическим формам (*куу*, *кува*, *куб*, *кугу*). Оно сложилось, по-видимому, в результате табуирования как самой птицы, так и ее названия. В данном случае можно реконструировать исчезнувшую форму слова, обозначавшего лебедя, примерно как *хйв*. Слово *акйш* в чувашский язык проникло, скорее всего, через татарский или башкирский языки.

Чуваши считают лебедь белой птицей из рода диких гусей (*хуркайяк акйш*). Очевидно, слово *хуркайяк* первоначально означало всех диких гусеподобных птиц, входивших в семейство *шыв кайяк* (*сунатля кайяк*) — водоплавающих птиц типа уток, казарок и т. п. Поэтому в устном народном творчестве один образ птицы часто заменяется другим, например, дикий гусь лебедем или даже голубем. В связи с этим в настоящей статье образ лебедя жестких семантических рамок не имеет.

Анализ фольклорного материала показывает, что образ лебедя в народном словесном творчестве имеет несколько уровней или слоев. Аспекты изучения этих неодинаковых единиц различны. Образы их можно анализировать в рамках отдельного сюжета или мотива. В таком

¹ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Т. 1, Казань, 1928, стр. 93.

² Там же, т. 16, стр. 191.

³ Там же, стр. 193.

⁴ См.: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 23.

⁵ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 464.

случае должны учитываться особенности жанра, к которому относится исследуемый текст. Если же говорить о мифологических представлениях о лебедях в целом, то здесь необходимо учитывать закономерности общественно-социальной жизни этноса, его истории и культурно-идеологической эволюции.

Образ лебедя встречается в следующих семантических планах: 1) лебедь как родовой тотем, 2) «лебединое» происхождение фольклорных героев, 3) мотив превращения колдуньи (*тухатмаш*) в гуся, 4) мотив спасения героя с помощью превращения его в лебедя, 5) мотив извещения лебедем о пленении героя, 6) космический сюжет и мотив превращения лебедя в невесту.

1. Лебедь как родовой тотем. В процессе практической деятельности первобытных людей, как известно, возникло осознание ими общности, единства коллектива. Тогда же сложилось убеждение, что все члены племени и тотемы тождественны и составляют единое целое⁶.

Возникновение подобной формы религиозного сознания связано с образованием родового строя. А расцвет птичьих культов, как известно, имел место более четырех тысяч лет назад — в эпоху позднего неолита.

У чувашей лебедь был священной птицей. Убийство лебедя считалось тягчайшим преступлением, таким же, как убийство матери.

Табуирование лебедя наблюдается и в фольклоре других тюркоязычных народов. Например, киргизы считают, что, убивая лебедя, человек, несомненно, накликает на себя и свое семейство несчастье⁷. Якуты также опасались нанести вред своей тотемной птице⁸.

В башкирском национальном эпосе жена Урал-Батыра после смерти своего мужа обернулась лебедушкой и вывела птенцов, от них и пошло лебединое племя⁹.

Несколько слов следует сказать и о мифической птице *Кумай* (*Хумай*). В башкирском фольклоре *Хумай* — родоначальница лебединого племени. Вот что говорит Хумай, обращаясь к погибшему Уралу: «В облике птицы останусь навек, снесу неоплодотворенное яйцо: Родится дитя — птицей будет [оно]. Словно помыслы чистые твои. Белым будет его цвет...»¹⁰.

В казахских мифах *Кумай* предстает в виде гигантской птицы *Шынырау*, высиживающей птенцов на ветвях огромного дерева или на вершине высокой скалы. Врагом *Шынырау* является змей, охотящийся за ее птенцами¹¹.

Мотив вражды гигантской птицы со змеем имеется и в чувашском фольклоре. Но там птица называется не *Кумай*, а *Амәрткайяк* 'орел'. Она помогает герою сказки в благодарность за то, что он в свое время спас ее птенцов от змея¹².

В фольклоре алтайцев *Умай* — женское божество, добрая, чистая дева, покровительница детей¹³. Кумандинцы считали, что это божество помогает женщинам при родах, а сагайцы называли ее матерью огня¹⁴.

Сравнивая эти легенды, можно сделать следующие выводы: 1) во

⁶ Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М., 1965, стр. 332—333.

⁷ «Киргизско-русский словарь». М., 1965, стр. 117.

⁸ И. С. Гуревич. Космогонические представления и пережитки тотемистического культа у населения Оленекского района. — «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 130.

⁹ «Башкирский народный эпос». М., 1977, стр. 368.

¹⁰ Там же, стр. 367.

¹¹ «Казахские сказки о животных». Алма-Ата, 1979, стр. 222.

¹² «Чаваш халăх сăмахлăхĕ», т. I. Шупашкар, 1973, стр. 197—198.

¹³ С. В. Иванов. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1979, стр. 65.

¹⁴ И. А. Манжигеев. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978, стр. 89.

всех версиях Кумай отождествляется с родоначальницей-матерью, 2) Кумай имеет облик гигантской птицы.

На наш взгляд, вполне допустимо этимологизировать слово Кумай как сочетание слов *ку* 'лебедь', *эме* 'женщина', 'самка' и аффикса звательного падежа *-й*, выражающее значение «лебедь — мать наша»¹⁵. Возможно, *ку* означало не только лебедя, но и всех гусеподобных птиц. Дальнейшие изыскания в этой области могли бы дать более полное объяснение генезиса данного мифического существа.

Тотемистическое почитание лебеда встречается и в фольклоре монголоязычных народов. Например, по поверью дербютов, лебеда убивать было грешно и опасно (могло привести к смерти)¹⁶.

По древнебурятской мифологии лебедь был прародителем бурятского племени хоринцев и рода хангинцев¹⁷. В китайском источнике сохранилась наиболее древняя легенда, выводящая генеалогию тюрков от рода Со и волчицы. Впоследствии старший внук волчицы превратился в лебедя¹⁸. С этой точки зрения большой интерес представляют хуннские изображения на ножках из захоронений VI—VIII веков нашей эры на реке Верхний Чулым и в Верхнем Приобье¹⁹. В верхней части ножен изображен воин на коне, ниже — трижды повторяющееся изображение пар лебедей. Некоторые исследователи непосредственно связывают данное изображение с поздним вариантом тюркской генеалогической легенды²⁰.

Культ лебеда (белого гуся) можно обнаружить в обряде жертвоприношения. Например, чувашский поэт XIX века Максим Арзамасов писал, что один ключ, окрестности которого носят название *киреметь*, посвящен «великой богине (*Аслă ырă*), которой чуваша молятся с приношением в жертву белых гусей», причем бедные приносят каждые три года, а богатые — ежегодно²¹.

Во время обряда *чӳклем* (осеннее жертвоприношение в честь нового урожая) в жертву приносили дикого гуся. К «Великому Доброму Духу» (*Аслă ырă*) была обращена молитва *хӳр чукӳ*. Обряд *сӗрен* тоже сопровождался жертвоприношением гуся.

Обычай жертвоприношения гуся встречается и у других тюркоязычных народов. Например, по поверью крещеных татар, того, кто ежегодно в день Покрова приносит в жертву гуся, всевышний не наказывает ни болезнями, ни падежом скота²².

Можно утверждать, что лебедь (белый гусь), как птица-тотем, встречается в фольклоре многих тюркоязычных и монголоязычных народов. Очевидно, в эпоху расцвета птичьих культов тюрко-монгольские племена проживали совместно и имели одни и те же тотемы. А роды, имевшие своим тотемом лебеда, вероятнее всего, занимали господствующее положение по отношению к остальным. В связи с этим представ-

¹⁵ Г. Н. Потанин пишет, что *ку-катун*, встречающееся в тюрко-монгольском фольклоре в образе девы-лебеда, этимологизируется как *ку* 'лебедь' и *катун* 'женщина' (см.: Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. СПб., 1899, стр. 102).

¹⁶ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4, СПб., 1883, стр. 132.

¹⁷ И. А. Манжигеев. Указ. раб., стр. 89.

¹⁸ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. I, М.—Л., 1950, стр. 222.

¹⁹ «Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь». Вып. 4, Новосибирск, 1974, стр. 145—146.

²⁰ «Казахские сказки о животных», стр. 228.

²¹ «Известия Общества археологии, истории и этнографии» (далее — ИОАИЭ), вып. III, Казань, 1884, стр. 286.

²² Я. Д. Коблов. Мифология казанских татар. — «ИОАИЭ», т. XXVI, вып. 5, Казань, 1910, стр. 458—459.

ляет интерес этноним *куман* — самоназвание племенного союза, из которого впоследствии образовались народы кыпчакской группы тюркских языков — татары, башкиры, казахи, каракалпаки и др. В большинстве исторических работ устанавливается связь между рекой *Куу* 'лебедь' и названием *Куман/Кубан*²³. Данный этноним образовался, как утверждают исследователи, из слова *ку* 'лебедь' и форманта имени деятеля — *ман*²⁴. Выше отмечалось, что словосочетание *аккыш* встречается главным образом у кыпчакоязычных тюрков, то есть потомков древних куманцев. Можно утверждать, что данное название вытеснило исконно тюркскую форму *ку* (*кугу*, *куба*) в результате табуирования как самой птицы, так и обозначающего ее слова. Так было и с исконно чувашской формой, восстанавливаемой примерно как *хăв*. Табуированное название лебедя предки чувашей заменили словом, заимствованным из кыпчакских языков. Подобные замены слова-табу были широко распространены у многих тюрко-монгольских народов. Кроме лебедя, у чувашей были табуированы, например, слова *кашкăр* 'волк', *шăши* 'мышь' и названия некоторых других зверей.

В монгольских языках лебедь обозначается словом *хун*²⁵. Палатальный вариант последнего в монгольском языке образует слово со значением 'человек', 'люди'²⁶. Сопоставление этих двух слов позволяет вывести из их основы известный этноним *хун* 'гунны'. Нет ли здесь прямых связей? Тогда можно было бы допустить, что вожди, возглавлявшие племенной союз хуннов (гуннов), считали своим предком лебедя. Отождествление личности с тотемом встречается в фольклоре многих народов²⁷. Поэтому можно предположить, что слово-тотем постепенно приобрело значение: *хун* 'лебедь-тотем' > *хун* 'лебединец' > *хун* 'человек', 'люди' > *хун* 'название родоплеменного объединения'. Наши предположения, разумеется, требуют дополнительных подтверждений.

Таким образом, основой возникновения образа лебедя в чувашском фольклоре следует считать тотемистическое представление о происхождении первобытных родов, относящееся к эпохе тюрко-монгольской общности. Эти мотивы сохранились в фольклоре большинства тюркских и монгольских народов.

2. «Лебединое» происхождение фольклорных героев. В чувашском фольклоре часто говорится о «лебедином» происхождении героев. Для примера можно привести широко известное предание о *Сарă паттăр* (богатыре Сары), крылатом герое, сила которого заключалась в его крыльях²⁸.

Национальный эпический герой *Сарă паттăр*, освободивший свой народ от ига Казанского ханства с помощью русских²⁹, в преданиях имел «лебединое» происхождение. Это объясняется тем, что люди считали родовой тотем источником силы и защитником своего рода.

Во многих чувашских сказках повторяется мотив чудесного рождения будущего героя, очевидно получивший свое развитие из тотемистических представлений. В дальнейшем, после замены тотемов куль-

²³ «Казахские сказки о животных», стр. 228.

²⁴ О. Т. Молчанова. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979, стр. 241.

²⁵ Ц. Д. Номинханов. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975, стр. 192.

²⁶ «Монголо-русский словарь». М., 1957, стр. 574.

²⁷ Л. С. Грибова. Пермский звериный стиль. М., 1975, стр. 37.

²⁸ Научный архив Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики (далее — НА ЧНИИ), отд. III, ед. хр. 213, стр. 262—263.

²⁹ См. предание о Сары: С. М. Михайлов. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972, стр. 331—332.

том предков, происхождение человека от птицы или зверя отрицалось, и возник мотив брачных запретов.

В некоторых чувашских сказках невеста героя тоже лебединого происхождения: девы-лебеди купаются в озере, их видит герой сказки, влюбляется в младшую из сестер и прячет ее белую одежду, оставленную на берегу. Старшие сестры, испуганные героем, улетают, а младшая — остается с ним.

Можно считать, что осознание происхождения своего рода от птицы-тотема в фольклоре приняло форму лебединого происхождения героев.

3. Мотив превращения колдуньи в гуся. В чувашских сказках колдуны (*тухатмашсем*) часто превращаются в лебедя, в другую птицу или в зверя. Любопытно, что птицей могли обернуться только колдуньи, а зверем — колдуны.

Сюжеты сказок о колдунах сходны с сюжетами сказок о героях, добывающих себе невест-лебедушек. Однако вместо невесты выступает колдунья, которая в связи с этим, приобретает новые, обычно отрицательные черты. Богатырь сражается с колдуньей и побеждает ее. После смерти колдуньи родник, в котором она купалась в облике гуся, высыхает.

Данный сюжет имеет и более поздние варианты. Он обычно включается в рассказ о поведении колдунов в ночь *калӑм* (чувашский языческий весенний праздник, связанный с культом предков). Нередко встречаются тексты, где сюжет борьбы героя с колдуньей отсутствует, но имеется мотив превращения колдуньи в гуся. Думается, что последний развился из известного сюжета, который мы называем космическим.

4. Мотив спасения героя с помощью превращения его в лебедя. В чувашском фольклоре бытует сюжет спасения героя с помощью превращения его в лебедя. Подобные сюжеты чаще всего связываются с падением либо столицы Волжской Булгарии (*Пӱлер*), либо Казанского ханства (*Хусан*). В одном из них говорится: «Когда начал гореть *Пӱлер*, ханские дочери забрались на мечеть. Когда мечеть загорелась, девушки превратились в лебедей и улетели. А улетая, они предсказали: в будущем на этом месте [вместо города] будет расти только кустарник»³⁰.

Это предание, очевидно, отражает исторические события XIII века — падение Великого города в 1236 году. Как известно, *Пӱлер* был столицей Волжской Булгарии до татаро-монгольского нашествия, после чего уже не восстанавливался.

Особенно интересны отдельные места предания. Например, ханские дочери предсказывают будущее города. Данная деталь встречается и в преданиях об основании Казани, и в исторических песнях о падении Казани. В преданиях о взятии русскими Казани в лебедя превращается не дочь хана, а сам хан: «Наши чувашки о царе Иване Грозном не знают, а о татарском хане Эдигере того же времени существует отдельное предание. В нем говорится, что тот хан Эдигер поднялся на мечеть, превратился в лебедя и улетел в Турцию»³¹. Аналогичные мотивы бытуют и в фольклоре казанских татар.

В исторических же песнях сохранился наиболее ранний мотив. Героиней их является жена хана, которая превращается не в лебедушку, а в орлицу. Подобные образно-семантические сдвиги в пределах нескольких жанров закономерны. Можно сказать, что один и тот же мо-

³⁰ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Т. 10, Чебоксары, 1936, стр. 79.

³¹ НА ЧНИИ, отд. 1, ед. хр. 237, стр. 89.

тив спасения героя, обернувшегося птицей-тотемом, по-разному трансформировался в преданиях и исторических песнях.

У чувашей существовало поверье, что если над деревней пролетит лебедь, то там должен произойти пожар. Такое поверье могло возникнуть под влиянием трагических событий XIII века, приведших к падению столицы Волжской Булгарии. Но оно могло быть и результатом тотемистических представлений.

У бурят существует легенда, повествующая о том, что некий охотник разорил гнездо лебедя и забрал его птенцов к себе домой. Лебедь в отместку поджег весь улус: он прилетел с горящей головней в клюве и бросил ее на крышу дома. Поэтому якуты и буряты, когда над юртой пролетает лебедь или орел, плещут вверх молоко или водку³². Вероятно, подобный обычай, объясняющийся страхом перед птицей-тотемом, некогда существовал и у чувашей.

Два упомянутых мотива (спасение героя, превращающегося в лебедя, и пожар как следствие мести птицы-тотема) в чувашском фольклоре сосуществовали, очевидно, одновременно и независимо друг от друга. Оба они возникли на основе тотемистических представлений.

Спасение героя, превращающегося в лебедя, описывается и в тюркской генеалогической легенде: сын лета, обернувшись лебедем, улетает в горы и спасает своих братьев. Связь сюжета о спасении дочерей болгарского хана, превратившихся в лебедей, с этой легендой не вызывает сомнений. Можно предполагать, что у болгар была своя версия тюркской (хуннской?) генеалогической легенды.

5. Мотив извещения лебедем о пленении героя. Этот мотив существует в различных версиях тюркского героического сказания об Алпамыше. В. М. Жирмунский в статье, посвященной вопросу связей сказания с богатырскими сказками, пишет о том, что в древнейшей форме богатырской сказки этот мотив был распространен среди населения предгорий Алтая уже в VI—VIII веках. Отсюда он был занесен огузами в низовья Сырдарьи, что засвидетельствовано памятниками IX—X веков, а вместе с сельджуками проник в Закавказье и Малую Азию. Благодаря передвижению кыпчакских племен на запад сказание это в XII—XIII веках попало в Башкирию и на Волгу³³. По мнению ученого, из множества версий — огузской («Бамси-Бейрек» и анатолийские сказки о Бейреке), кунгратской (узбекский, каракалпакский и казахский эпосы), кыпчакской (татарская, башкирская и казахская сказки) — ни одна не была источником для другой. Лишь алтайская богатырская сказка «Алып-Манах» дает представление о наиболее архаической версии сказания об Алпамыше³⁴.

Алтайская версия. Однажды пролетающая стая диких гусей сталкивает в яму с героем одного из стаи, «чтобы богатырю помощь оказать». На крыльях этого гуся Алып-Манах пишет слова приветствия своим родным. Гусь прилетает на стойбище Байбарака; на реке его замечает сестра богатыря Эрке-коо. Родные, узнав о бедственном положении пленника, решают послать ему на выручку его названного брата, богатыря Ак-Кобена³⁵.

Кунгратская версия. Однажды в темницу Алпамыша залетает раненный охотником дикий гусь. Алпамыш, залечив его рану, посылает

³² В. М. Михайловский, Шаманство. (Сравнительно-исторические очерки). — «Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. 75, М., 1892, стр. 41.

³³ В. М. Жирмунский. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. — «Тюркский героический эпос», Л., 1974, стр. 218.

³⁴ Там же, стр. 217.

³⁵ Там же, стр. 211.

его к своим родным с письмом, написанным кровью. По дороге, у горы Шамакан, искусный стрелок, уже ранивший этого гуся во время первого перелета, снова пытается подстрелить его в надежде исцелиться его желчью от болезни, несмотря на то, что старуха-мать просит его пощадить посланца, летящего с письмом на крыле. Но стрела на этот раз не достигает цели, и гусь, благополучно долетев до кунгратских кочевий, опускается на озеро Бабир-коль, где сестра героя Калдыргач находит письмо. По ее просьбе для спасения Алпамыша в страну калмыков отправляется Караджан³⁶.

Кыпчакская версия. Однажды мимо ямы, в которую был заточен Алпамыш, пролетали дикие гуси. Он подзывает их к себе, однако они пролетают мимо; и лишь один, летевший отдельно от других, спускается к нему, и на его пере Алпамыш пишет письмо своей жене Барсын-Хылуу, которая, найдя потом перо, узнает, что муж ее жив³⁷.

Огузская версия. В данной версии мотив принесенной птицей вести о пленении героя отсутствует.

Сравним некоторые сходные места в этих версиях сказания об Алпамыше.

1. Эпизод встречи героя с птицей. Во всех вариантах птица — это дикий гусь. В алтайской версии он залетает в яму, чтобы помочь герою. В кунгратской и кыпчакской версиях помощь птицы мотивируется ранее оказанной ей героем услугой. Например, в варианте М. Ахметова (татарская версия) Алпамыш когда-то вырастил гуся, который впоследствии доставляет жене узника письмо³⁸. Очевидно, подобный мотив возник позднее. В алтайской версии сказания гуси сами изъявляют желание помочь герою, а в остальных версиях они помогают ему в благодарность за прежнее доброе отношение. Можно предположить, что мотив оказания птицей помощи герою генетически связан с мотивом спасения героя, превращающегося в лебедя. Оба мотива могли возникнуть из тотемистических представлений о том, что тотемы способны помочь людям в трудных обстоятельствах.

Во всех версиях птицы встречаются с героем, находящимся в яме. Только в огузской версии герой заключен в крепость. Любопытно, что в этой версии мотив оказания птицей помощи герою отсутствует. Очевидно, яма и гусь как детали сюжета выполняли какую-то общую функцию, возникшую на основе конкретного мифа.

2. Эпизод извещения птицей близких героя о его пленении. В алтайской версии о пленении героя первой узнает его сестра Эрке-коо. В кунгратской — письмо пленника находит тоже сестра героя Калдыргач, и по ее просьбе спасти Алпамыша отправляется Караджан. В казахско-татарской народной сказке письмо героя находит сестра его жены, а в казахской сказке «Джелкилдек» письмо брата-пленника отцу читает сестра героя. Данный эпизод, как отмечает В. М. Жирмунский, сохраняет традиционную форму — подчеркивается роль сестры. Во многих чувашских сказках сестра (обычно единственная) вызывает из беды своих братьев. Очевидно, данный мотив впоследствии слился с мотивом спасения героя птицей-тотемом, и возник ряд новых мотивов, связанных с приносимой лебедем вестью о пленении героя.

Чувашская версия. В чувашском фольклоре целостного сказания

³⁶ В. М. Жирмунский. Указ. раб., стр. 123.

³⁷ Там же, стр. 169.

³⁸ См.: А. А. Велитова. Татарская версия эпического сказания «Алпамыш». — В кн.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960, стр. 175.

об Алпамыше не сохранилось. Но некоторые мотивы его можно обнаружить во фрагментах сказаний об *Улӑн*.

Слово *Улӑн* восходит к древнетюркской лексической форме *алп*³⁹. Оно входит и в состав имени *Алпамыш* (*Алп-Манас*). Легенды и предания, связанные с чувашским *Улӑн*, до настоящего времени не исследованы как в сравнительно-историческом, так и в структурно-поэтическом плане. В сказании об *Улӑн* можно обнаружить ряд общих мотивов и эпизодов, совпадающих с различными версиями сказания об Алпамыше. Сходство обнаруживается и в мотиве извещения лебедем о пленении *Улӑн*, вступившего в борьбу с татарскими завоевателями. Попав в плен, герой просит пролетающего дикого гуся сообщить сородичам-чувавам о его беде. Птица выполняет его просьбу⁴⁰.

В этой версии сказания, очевидно, нашел отражение период борьбы чувашей с иноземными захватчиками в XIII—XIV веках. Вместе с тем в ней можно обнаружить и более древние черты, характерные для алтайской версии сказания. В частности, помощь дикого гуся мотивируется его добротой (в отличие от ворона и сороки, уклонившихся от оказания помощи).

Эпизод с гусями, приведенный в чувашской версии сказания об Алпамыше, нередко встречается и в других фольклорных жанрах, например, в песнях. Обычно это диалог сестры героя с лебедем. Узнав от птицы о судьбе отца и старшего брата, она спрашивает о младшем брате:

— *Ки-ик! ки-ик! хуракӑш,
Пирн шӑллӑма куртӑн-и?
Пӗлтӗртенне пӗлместӗр:
Пу сӗ епле сӗрет-ши?*

— *Итлӗр, сире калам-и?
Мӑн уй-хирсем варринче,
Тӑшман ачипе юнашар,
Штык тирӗннӗ, выртать вӑл.*

*Хура сӑхан кӗтӗпе
Сырса илнӗ вӗсене.
Ки-ик! ки-ик! терӗм те,
Кранк! Кранк! терӗс мана...*

Песня завершается многозначительной строфой:

*Ки-ик! ки-ик! хуракӑш
Вӗлтти-вӗлтти турӑ те
Пирӗн куслан сухалчӗ,
Пирӗн ӗмӗр иртӗр пуль*⁴¹.

— 'Ки-ик! ки-ик! лебедушка,
Нашего младшего брата не видела ли?
С прошлого года не знаем:
Жив ли он [досл.: голова его как ходит]?

— Угодно ли, вам я расскажу?
Посреди больших полей,
Рядом с вражеским воином,
Пронзенный острием он лежит.

Стая черных воронов
Окружила их трупы.
Ки-ик! ки-ик! — кликала я,
Кранк! кранк! — ответили мне [вороны].

'Ки-ик! ки-ик! лебедушка
Помахала крылышками
И исчезла за горизонтом.
Так, пожалуй, улетает [проходит] и
наша жизнь'.

Эпизод встречи героя с птицей у чувашей сохранился и в песнях-пеитах о войне. И пеиты, и лирические песни создавались на основе богатых традиций эпического творчества народа.

Мотив извещения лебедем о пленении героя в чувашском фольклоре претерпел ряд трансформаций и изменений. Самый ранний зафиксирован в сказании о пленении Улыпа.

6. Космический сюжет и мотив превращения лебедя в невесту. В свое время Н. И. Золотницкий высказал предположение, что русское название Млечного Пути взято из греческого мифа, согласно которому бог Сатурн пожирал своих детей, рождаемых его женой Реей; родив Юпитера (Зевса) и тайно от мужа отдав его на воспитание, она сказала Сатурну, что бросила ребенка на землю, тогда как ею был брошен ка-

³⁹ «Древнетюркский словарь», стр. 36—37.

⁴⁰ НА ЧНИИ, отд. III, ед. хр. 454, стр. 4.

⁴¹ «Чаваш халӑх сӑмахлӑхӗ». 3 т., Шупашкар, 1978, стр. 164—165.

мень, завернутый в кожу, напитанную ее молоком, и он, пролетая оставил на небе молочный след — Млечный Путь⁴².

У чувашей Млечный Путь называется *Хуркайăк сӳлӗ* 'дорога диких гусей'. Такое же значение имеют названия Млечного Пути и у других народов Поволжья. Нередко Млечный Путь отождествляется с дорогой к Молочному озеру. Так, в чувашской исторической песне-пенте татарский хан в облике лебеда улетает к Молочному озеру⁴³. Лебеди, по верованию чувашей, жили у Молочного озера, прилетая туда осенью по Млечному Пути. Представление о подобном озере существовало и у других народов. Буряты считали, что Млечный Путь образован молочными каплями, пролитыми из груди праматери *Манзан Гүрмэ төөдэй*⁴⁴. Матерью мифического родоначальника бурятского племени эхиритов было Молочное море, а отцом — Сумару-гора⁴⁵. Г. Н. Потанин писал, что и тюркское *сӱт куль*, и монгольское *сум-Далай* — это «Молочное море», «которое в сказках является постоянно рядом с мировой горой Сумар; если под последней можно угадывать, в виду некоторых намеков... Полярную звезду, то под Молочным морем может скрываться Млечный Путь»⁴⁶.

В фольклоре многих народов мира существует сюжет, связанный с космическим Молочным озером. Небесный охотник подкарауливает купающихся в Молочном озере дев в облике лебедей, прячет белое одеяние одной из них, и она становится женой охотника. В монгольской версии у Большой Медведицы (*Кудая*) было семеро дочерей. Они в облике лебедей летали на Золотое озеро⁴⁷. В чувашской сказке говорится, что в Молочном озере жила солнцеликая девочка, поймать ее мог только тот, кто оседлает богатырскую кобылицу⁴⁸. В другой сказке герой добывает невесту следующим образом: «Подстрелил он лебедушку из лука, говорят, и та превратилась в девушку, говорят»⁴⁹.

Этот сюжет, несомненно, возник из древних космогонических мифов. Существование различных мотивов в сюжете объясняется особенностями первобытного мировоззрения. В данном случае обнаруживается синтез двух мотивов: женитьбы героя и брачных запретов. По мнению некоторых исследователей, все эти мотивы связаны с тотемизмом, с представлением первобытного человека о связи его рода с животным миром, с божественным родоначальником, тотемом⁵⁰. Связь такого космического сюжета с мотивом брачных запретов показана В. М. Жирмунским⁵¹.

Миф с космическим сюжетом встречается в различных жанрах чувашского фольклора. Кроме того, в них часто имеется описание обряда, близкого к космическому сюжету — это проводы в рекруты (*салтак йасатни*). Молодые парни ходили по деревне, держась за руки: *карталанса сӱренӗ* 'ходили наподобие улетающей стаи птиц'. Покидающий родных и земляков также сравнивал себя с гусем:

⁴² Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875, стр. 160, сн. 72.

⁴³ И. Тӑхти. Поэзи, проза, публицистика. Шупашкар, 1979, стр. 164.

⁴⁴ И. А. Манжигеев. Указ. раб., стр. 25.

⁴⁵ Там же, стр. 95.

⁴⁶ Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе, стр. 63.

⁴⁷ Там же, стр. 119.

⁴⁸ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 232, стр. 214—215.

⁴⁹ НА ЧНИИ, отд. III, ед. хр. 408, стр. 17.

⁵⁰ В. М. Жирмунский. П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей». — «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973, стр. 180.

⁵¹ Там же, стр. 179—183; его же. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. — В кн.: «Сравнительное литературоведение», Л., 1979, стр. 211—214.

Полкӑн, полкӑн хоркайӑк,
Кӑр каять те сур килет.
Эпир савнашкал килес сок⁵².

Акӑш вӑссе ситмен сӑре
Ситет салтак пуçсем⁵³.

‘Стаи гусей за стаями
Осенью улетают, весною прилетают.
Мы, не сможем так возвратиться’.

‘Лебеди до тех мест не долетают,
Куда доходят солдатские головы’.

Подобных мотивов в рекрутских песнях очень много. Герой их часто уподобляется улетающей птице, что наводит на мысль о неслучайности такого сравнения.

Героя (будущего солдата) благословляли родители словами: *Сӑт сӑлӑне кайса сӑ сӑлӑне таврӑн* ‘Уходи по молочному пути и возвращайся по масляному пути’. В ряде солдатских песен поется о том, что героя ожидает путь, пролегающий через звезды. Можно предположить, что рекрутские песни вобрали в себя миф с космическим сюжетом. Герой отправляется по Млечному Пути к Молочному озеру. Естественно, в подобных песнях мотив «добывания невесты» отпал, как лишний элемент в сюжете, хотя встречаются и такие строки: «Сквозь звезды видится дорога, Не по ней ли мы уйдем? Сквозь солнце видится девушка, Не суженая ли она наша?»⁵⁴.

Мотив «добывания невесты» сохранен в чувашском свадебном обряде. Ритуал сбрасывания белого покрывала с головы невесты перекликается с мотивом превращения лебедя в жену героя из космического сюжета.

Приведенный обзор различных мотивов и сюжетов, связанных с образом лебедя, свидетельствует о том, что образ лебедя в чувашском фольклоре имеет давнюю историю и восходит к тотемистическим представлениям древних предков чувашей.

⁵² НА ЧНИИ, отд. I, ед. хр. 183, стр. 125.

⁵³ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Т. 12, Чебоксары, 1937, стр. 247.

⁵⁴ «Чӑваш халӑх сӑмахӑхӗ», 3 т., стр. 112.

ОНОМАСТИКА

С. М. МОЛЛАЗАДЕ, Н. Г. БАЙРАМОВА

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДА В ТОПОНИМИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Этнографические топонимы, составляющие значительную часть топонимии Азербайджана, являются одним из достоверных источников изучения этногенеза азербайджанского народа и истории его материальной и духовной культуры. Известный советский этнограф академик Ю. В. Бромлей, подчеркивая важность изучения этнонимов и топонимов для характеристики этносов, пишет: «На стыке этнографии с лингвистикой (а отчасти и географией) лежит и чрезвычайно трудоемкая „зона“ топонимических исследований»¹. Эти исследования, как известно, позволяют с достаточной точностью определить, какие племена и народности участвовали в этногенезе того или иного народа, а также проливают свет на его обычаи, обряды, религиозное мировоззрение и т. п. Еще в 20-х годах академик А. Самойлович отмечал, что «по названиям населенных пунктов этнического происхождения и по племенным и родовым названиям можно судить о том, какие древние и позднейшие племена участвовали в образовании азербайджанцев»². Поэтому не удивительно, что почти все исследователи (историки, этнографы, лингвисты), изучая историю формирования азербайджанского народа и его языка, так или иначе обращались к этнонимам и этнотопонимам. Причем объектом их исследований были этнотопонимы, в состав которых ими включались и этнографические топонимы, отражающие обычаи, обряды, быт и другие сферы народной жизни. Таким образом, в азербайджанской топонимике по сей день нет четкой границы между этнотопонимами и этнографическими топонимами, хотя это, конечно, не одно и то же.

Этнотопонимы, восходящие к названиям конкретных этносов, с лингвистической точки зрения могут быть образованы тремя способами: лексическим, морфологическим и синтаксическим. Этнотопонимы, образованные лексическим путем, обычно субстантивизированы, например: *Билесувар, Аваран, Хазаркала, Хазарюрд, Кенгерли, Кебирли, Тарнаут, Джелаир, Кыпчак, Халадж, Гаджар* и т. п. Все они восходят к одноименным этнонимам. Подобных этнотопонимов в Азербайджане насчитывается несколько сотен и они частично изучены. Иной характер имеют этнографические топонимы. Здесь наблюдается интересное явление, имеющее важное научное значение для изучения истории и этнографии азербайджанского народа. Дело в том, что большинство топонимов, образованных от названий занятий, ремесел, профессий и т. п., одновре-

¹ См.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, стр. 223.

² См.: А. Самойлович. Кавказ и турецкий мир. — «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1926, № 2, стр. 7.

менно были и этнотопонимами. Древнее азербайджанское население подразделялось на отдельные элаты и кланы по характеру своих занятий: одни занимались различными отраслями сельского хозяйства (землепашеством, садоводством, бахчеводством, скотоводством, коневодством, птицеводством и т. д.), другие — ремеслами. В районах и зонах со сходными природными условиями часто развивались аналогичные виды хозяйственных занятий и ремесел. Например, в северных и западных районах, включая зону муганско-мильских степей, издревле занимались животноводством и птицеводством. Поэтому в этих зонах получили распространение этнотопонимы Dāvāči 'верблюдовод', İlxuşu 'табунщик', Guşçu (Guşçular) 'птичник (птицеводы)', Dapaşu 'телятник', Gagamanly 'люди, разводящие баранов крупной породы', Sobansuynag 'хижина пастуха', Goşgar 'племенной баран', Daşayul 'загон, обнесенный каменным забором' и др. Так именовались тюркоязычные племена, участвовавшие в этногенезе азербайджанцев.

Для изучения истории и исторической этнографии азербайджанского народа особый интерес представляют этнографические топонимы, образованные от слов, обозначающих вид и форму одежды, цвет и форму бороды, шеи, ногтей, характеризующие отдельные элаты, кланы и патронимы как в этническом, так и в религиозном отношениях. Компонентами большинства этих топонимов являются слова: aḡ 'белый', gaḡa 'черный; большой, крупный', saḡu 'желтый; старший, большой', guḡtuḡu 'красный', ala 'пестрый' и т. д. В состав этнотопонимов входили также слова, обозначающие в основном качественные прилагательные: gaḡaraḡag (gaḡarbörk) 'черношапочные', gaḡadonly 'люди в черном одеянии', gaḡasuxa 'чернобурочные', gaḡagaşly 'чернобровые', gaḡabojunlar 'черношеие', gaḡadyrḡag 'люди с черными ногтями', gaḡabaldyr 'люди с черными голеньями', gaḡasagḡal 'чернобородые', gaḡaxançally 'люди, носящие кинжал с ножами черного цвета', gaḡaḡullar 'черные рабы', gaḡagojunlu. Последний этноним на русский язык обычно ошибочно переводится как «люди, имеющие черного барана». Однако, думается, что этот этноним связан не столько с овцеводством, сколько с культом черного цвета. Причем слово gaḡa в азербайджанском языке обозначает не только цвет но, и «большой», «крупный», «великий», «старший». А. Н. Кононов, говоря о многочисленных значениях слова *қара* в тюркских языках, пишет: «В некоторых устойчивых словосочетаниях *қара* имеет ряд дополнительных значений: 1. 'Большой', 'крупный', 'обильный'... 2. 'Главный', 'великий', 'могучий', 'сильный'... В указанных значениях это слово широко использовалось и используется в личной ономастике у тюрков: Кара-хан, герой эпоса, отец Огуз-хана; Кара-хан, основатель династии Караханидов; Кара Караев, современный азербайджанский композитор...»³.

Говоря о значении *Қара деңиз* 'Черное море', автор со ссылкой на В. В. Бартольда отмечает, что *қара* здесь означает не 'черное', а 'большое, могучее, страшное'⁴.

К данному семантическому полю относится и ойконим (этнографический топоним) Gagamanly 'люди, разводящие баранов крупной породы', где man означает «баран»⁵ (Ср.: Mangyşlak 'кишлак овцы').

В топонимии Азербайджана, да и Закавказья в целом, наряду с

³ А. Н. Кононов. Семантика цветообозначений в тюркских языках. — В кн.: «Туркологический сборник. 1975», М., 1978, стр. 161—162.

⁴ Там же, стр. 164.

⁵ См.: З. А. Хасиев. О некоторых топонимах, связанных с животноводством. — «Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана», Баку, 1973, стр. 73—74.

Garagojunlu существует и этноним Aḡgojunlu, представляющий собой название другого крупного тюркского этноса, объектом культового поклонения которого, по-видимому, был баран с белой шерстью. Кроме того, в Азербайджане много топонимов, включающих слово аḡ: Aḡgaja, Aḡdāgā, Aḡdaš, Aḡjazu и др. В данном случае, на наш взгляд, аḡ обозначает не белый цвет, а выражает понятие «высокий» и «большой». По этому приведенные названия означают: «высокая (большая) скала», «высокая (большая) гора», «большое ущелье» и «большая (широкая) степь». Однако в этнографических топонимах Aḡkōjnāk 'белорубашечные', Aḡbašlar 'белоголовые', слово аḡ обозначает уже белый цвет. Цвет обозначен и в сочетаниях Sarykōjnāk 'желторубашечные', Garakōjnāk 'чернорубашечные', Garabojunlar 'черношени'. Но в гидронимах, оронимах и адонимах: Sarygaja букв. 'желтая скала', Saryjoḡuš букв. 'желтый подъем', Sarygaš букв. 'желтый холм', Sarysu букв. 'желтая река' (в Варташенском и Куткашенском районах) слово sary, возможно, здесь также употребляется в значении «большой, великий», «широкий, просторный».

А. Н. Кононов отмечает, что sary «в значении „большой“» зарегистрировано в киргизском словосочетании *сары жол* 'большая выючная или скотопрогонная дорога'⁶, а Е. Койчубаев говорит об употреблении этого слова в составе казахских топонимов в значении «широкий», «обширный», «просторный»⁷.

Немалый интерес представляет отражение в топонимии религиозного мировоззрения азербайджанцев. Это прежде всего топонимы, образованные от слов oḡag 'очаг' и pīg 'святилище', и тесно связанные с понятием огня, то есть с одним из древнейших религиозных культов азербайджанцев — огнепоклонством. На местах выделения естественного подземного газа горели «вечные огни», у которых создавались святилища — oḡag (очаг); например, Joloḡag 'святилище у дороги', Oḡagjurd 'край со святилищем', Oḡagly 'местность со святилищем' и т. д. Аналогичные названия были широко распространены по всей территории Азербайджана. Иногда такие названия давались отдельным ущельям, горам, хребтам и т. д.; например: Oḡagdārā 'ущелье со святилищем' или 'святое ущелье', Oḡagtāpā 'священный холм' или 'холм со святилищем' и т. д.

К. Т. Каракашлы отмечает, что между селениями Амирвар и Габахтепе Ханларского района имеется священная пещера *Гариняк загаси* 'пещера черной коровы', а у селения Татев Зангезурского района Армянской ССР — *Өкүз зијарәт* 'святилище быка'. Эти названия восходят к глубокой древности, ко временам язычества и первобытнообщинного строя. В упомянутых названиях нашел отражение древний культ животных периода распространения тотемизма⁸. Сказанное, думается, может быть отнесено ко всем святилищам, в названия которых входят слова *очаг* и *пир*. Примеры топонимов, образованных со словом pīg: Pīrday 'священная гора' и 'гора со святилищем', Pīrkānd 'святое село' и 'село со святилищем', Gaḡapīg 'черное святилище' или 'большое, главное святилище' и т. д. Известны случаи, когда священными считались отдельные лица, и их имена с добавлением слов pīg или oḡag превращались в ойконим, ороним или адоним; например, названия селений: Pīrhāsānli, Pīrḡamal и т. д.

В связи с распространением в Азербайджане ислама возникли де-

⁶ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 176.

⁷ См.: Е. Койчубаев. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974, стр. 190—192.

⁸ К. Т. Каракашлы. Материальная культура азербайджанцев. Баку, 1964, стр. 25—26.

сятки топонимов, образованных от мусульманских религиозных званий и титулов; например: *İmamly/İmamlar* 'с. Имамов', *Äfändilär* 'с. Эфендиев', *Gazylar* 'с. Казиев', *Mollalar* 'с. Мулл', *Sejidl/Sejidlär* 'с. Сеидов' и т. п.

Весьма ярко отражены в азербайджанской топонимии классовые различия, существовавшие в старом Азербайджане; например: *Gullar* 'с. Рабов', *Dilänčilär* 'с. Нищих', *Pijadalar* 'с. Пеших', *Jalavaž* 'с. Неимущих', *Bäjli* 'бекское поместье', *Naḡabad* 'ханское поместье', *Minbaşı* 'поместье тысячника' и т. д.

Выяснить историю возникновения всех этих этнографических топонимов почти невозможно. Лишь те из них, которые связаны с этнонимами, могут быть как-то датированы. Такая трудность связана в основном с тем, что нет еще полной ясности ни в вопросе этногенеза азербайджанского народа, ни в вопросе формирования общенародного азербайджанского языка. Настоящее исследование должно представить интерес и с этой точки зрения, ибо почти все этнографические топонимы состоят из азербайджанских слов и формантов, входящих в исконную лексику азербайджанского языка. К тому же почти все этнографические топонимы отличаются прозрачной семантикой. Даже основы, некогда заимствованные из арабского и персидского языков, уже издавна укоренились в лексическом составе азербайджанского языка (например, *шејх/ших*, *имам*, *сејид*, *молла*, *эфанди*, *газы* и т. п.).

В топонимии Азербайджана условно можно выделить два пласта: огузский и кыпчакский. Последний, пожалуй, ярче выражен в диалектах и говорах азербайджанского языка. Топонимы с компонентами *оба* и *бинә*, например, более характерны для кыпчакского пласта азербайджанской топонимии⁹ и представлены главным образом в северной зоне территории Азербайджанской ССР, то есть там, где кыпчакский слой издавна считается преобладающим¹⁰; например: *Palçyğoba*, *Zuxuloba*, *Quxugoba*, *Salahoba*, *Gadaşoba*, *Ortaoba* и другие — в Хачмасском, Кусарском и Кубинском районах; *Bajrambinä*, *Bozbinä*, *Dombabinä*, *Häsänbinä*, *Zoḡalbinä*, *Azlygbinä* и другие — в Белокаменском и Закатальском районах.

Огузский пласт в топонимии представлен повсеместно и довольно богато. Отдельные этнонимы и этнографические топонимы можно датировать, исходя из письменных источников. Однако четкую закономерность в этом вопросе установить не удается. Условно одну часть топонимов можно датировать III—VIII веками, другую часть — IX—X веками, остальные — XI—XV веками. Прозрачная семантика большинства этнографических топонимов указывает на то, что многие из них возникли после XI века¹¹. С точки зрения топонимической классификации, этнографические топонимы могут быть подразделены на ойконимы, оронимы, гидронимы и адонимы. Причем часть названий совпадает. Например, в Варташенском и Куткашенском районах некоторые из них образованы от слова *Sary*—*Sarygaja* 'высокая (большая) скала', *Sarysu* 'желтая (большая) река', *Saryza düzü* 'большая (обширная) равнина', а в Кяхском районе имеется ойконим *Sarybaş* 'большая (желтая) голова'.

⁹ Подробнее об этом см.: Г. Ә. Гејбуллајев, Г. Ч. Чавадов. Оба адлы кәндләримизин тәшәккүлү тарихинә даир. — «Доклады Академии наук Азербайджанской ССР», том XXVI, 1970, № 8, Баку, стр. 89—92.

¹⁰ Об этом см.: М. Ш. Ширалиев. Кыпчакские элементы в азербайджанском языке (на материале диалектов и говоров). — В кн.: «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков», Ташкент, 1965, стр. 5—17.

¹¹ См. работы Г. А. Гейбуллаева, В. Л. Гукасяна, А. А. Гусейнзаде и др.

Среди этнографических топонимов преобладают **ойконимы**: Bayban-lar 'садоводы', Gullar 'рабы', Garadolag 'носящий черную повязку', Garadonlu 'носящий черную одежду', Garalar 'черные, негроидные', Garazalar 'черноватые', Auköjnäk 'носящий белую рубашку', Sarybulag 'желтый ключ (родник с водой желтого цвета)', Gygmyzysaggallar 'краснобородые', Dämircilär 'кузнецы', Guščular 'птицеводы', Bostančylar 'орородники', Gazančylar 'котельщики (мастера по изготовлению котлов)' и т. п. Общее количество таких ойконимов около трехсот.

Гидронимы: Aučaj/Ayšu 'белая река', Aygöl 'белое озеро', Auköprü 'белый (большой) мост', Garačaj/Garasu 'черная река', Saryčaj/Sarysu 'желтая река', Gyzylsu 'красная река' и др.

Оронимы: Ayday 'белая (высокая) гора', Aygaja 'белая (высокая) скала', Bozday 'серая гора', Gabanday 'кабанообразная гора', Garagaja 'черная (большая) скала', Gyzylgaja 'красная скала', Däväboynu 'гора, напоминающая по очертаниям шею верблюда' и т. д.

Адонимы: Saryjoxuş 'желтый (большой) подъем', Sarygaş 'желтый (обширный) холм', Ayjazy 'белая (широкая) степь', Garajazy 'черная (широкая) степь', Ažupohur 'пруд с соленой водой', Aučala 'белая (большая) яма' и т. д.

С точки зрения лингвистической классификации этнографические топонимы могут быть подразделены на простые, производные и сложные имена, образующиеся лексическим, морфологическим и синтаксическим способами. Из лексических способов используются в основном два типа. При первом из них имена, не принимая словообразовательных аффиксов, употребляются в качестве географических названий. Последние структурно делятся на две группы: 1) на топонимы, выраженные простыми (безаффиксальными) именами: Tovuz, Covdar, Zeškär, Bayban и др.; 2) на топонимы, выраженные сложными именами, то есть: а) в которых оба компонента являются именами существительными (например: Čobanday 'пастушья гора, гора чабана', Ajbazar 'медвежий рынок', Dämircidam 'дом кузнеца', Mollaoba 'село моллы', Čobansyňag 'убежище чабана' и т. д.); б) в которых первые компоненты являются прилагательными, а вторые — существительными; эти топонимы обозначают социальный или религиозный титулы, должность, форму одежды, бороды, головных уборов, особые приметы в одежде, на теле и т. п. Это одна из наиболее распространенных групп этнографических топонимов; например: Garapapag/Garabörk 'черношапочный', Garadolag 'носящий черную повязку', Garabaldyr 'черноголенный', Garasaggal 'чернобородый', Auköjnäk 'белорубашечный', Saryköjnäk 'желторубашечный' и т. д.

Второй тип лексического способа образования топонимов заключается в субстантивизации имен существительных, относящихся к различным лексическим группам; например: Gošgar (гора и река), сёла — Bojag, Auköjnäk, Saryköjnäk, Garabužag, Covdar, Jalavaž, Tovuz, Garadāgā и многие другие. Большинство этнографических топонимов образуется морфологическим путем, то есть присоединением к основе слова аффиксов. Согласно исследованиям Г. Н. Бушуевой и одного из авторов данной статьи, в образовании топонимов участвуют почти все словообразовательные аффиксы¹². Однако в активном балансе находятся в основном четырехвариантные аффиксы -ли, -чи, -лик и аффикс множественности/сбирательности -лар/-ләр. «Даже поверхностное сопостав-

¹² См.: «Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР». М., 1971, стр. 268—274; С. М. Моллазаде. Топонимия северных районов Азербайджана. Баку, 1979, стр. 43—89.

ление собранных фактов и их количественный анализ ясно показывают, что большая часть топонимов, выраженных производными словами, образована с помощью аффикса *-лы, -ли, -лу, -лү*. Это вполне закономерно, так как указанный аффикс с древнейших времен и до наших дней является одним из наиболее широко распространенных словообразовательных средств азербайджанского языка»¹³.

Сказанное подтверждается примерами этнографических топонимов, относящихся к группе палеотопонимов Азербайджана. В образовании производных этнографических топонимов участвуют в основном аффиксы *-li, -či, -lar/-lär*, а из глагольных формантов — *-an, -än*. Аффикс *-li* в этнографических топонимах преобладает. «Этнотопонимы в Азербайджане в большинстве случаев имеют окончания принадлежности *-лы/-ли* (1060 сел) и окончания множественности *-лар/-ләр* (212 сел). Окончания *-лы/-ли* и *-лар/-ләр* показывают, что в данном населенном пункте первоначально обосновалась определенная часть той или иной этнической общности или племени. Этнотопонимы Команлы, Кенгерли, Караманлы, Карадонлу, Казахлы, Дукерли, Караборклу, Абдаллы и другие свидетельствуют о том, что население этих сел принадлежало к команам, кенгерам, караманам, карадонам, казахам, дукерам, караборкам, абдалам»¹⁴.

В целом, с этим утверждением следует согласиться, ибо *-li* часто выполняет функцию аффикса принадлежности. В современном азербайджанском языке этот аффикс функционирует в качестве его форманта, образующего атрибутивные слова (прилагательные): *команлы* 'человек из племени Коман', *кенгерли* 'человек из племени Кенгер' и т. д. В данном случае речь идет о принадлежности к определенному этносу или местности, ср.: *Sirvan—şirvanly* 'Ширван—ширванец', *Mugan—muganlı* 'Мугань—муганец' и т. п. В этнографических топонимах типа *Garabörklü, Garadonlu* и т. д. семантика слов с аффиксом *-ly, -lu, -li* несколько иная: человек характеризуется по манере одеваться, по бытовым или имущественным и другим признакам: *Garadonlu* 'в черном одеянии', *Alagurşagly* 'в пестрой повязке', *Garamanly* 'имеющий баранов крупной породы' и т. д.

Этнографические топонимы с аффиксом *-li* можно подразделить на следующие группы:

а) образованные присоединением аффикса *-lu/-ly/-li* к названиям, обозначающим профессии или занятия: *Dälläkli, Minbaşly, Tarxanlı, Caparly, Xälfäci, Därzili, Sofulu, Garabäjlü, Goçulu, İmamly, Mollaly, Sejidli, Bäjli, Axundlu* и др.;

б) образованные присоединением аффикса *-lu/-ly/-li* к названиям, обозначающим форму одежды, бороды, головного убора и т. д.: *Garadonlu, Garaханçally, Alaçadyrly, Kämärli, Alaxançally, Kilsäli, Garažanly, Garadaşly, Ätjemäzli* и т. д.;

в) образованные присоединением аффикса *-lu/-ly/-li* к названиям продуктов питания, плодов и ягод, животных, а также к названиям племени, клана, патронима: *Nämirlü, Kährizli, Gajmagly, Dyzagly (Tuzagly), Üzümlü, Äzgillü, Fyndygly, Almaly, Alçaly, Armudlu, Saxyrlı, Däjirmanly, Garagurdlu, Badamly, Keçili* и т. д.

В некоторых случаях в этнографических топонимах отмечается выпадение аффикса *-li* и его вариантов; например, субстантивированные: *Gararapag, Garabörk, Garadolag, Garasaggal, Garadyrnag, Garabaldyz,*

¹³ См.: С. М. Моллазаде. Указ. раб., стр. 43.

¹⁴ См.: Г. А. Гейбуллаев. О некоторых закономерностях в образовании топонимии Азербайджана. — «Известия АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права». Баку, 1975, № 1, стр. 101.

Аүкөјпәк и т. д. исторически употреблялись с *-ly* (Garabörklü—Garabörk, Аүкөјпәкли—Аүкөјпәк и т. д.).

Аффикс *-ci*, присоединяясь к основам, образует этнографические топонимы с семантикой профессий, рода занятий и т. п. При этом иногда образуются субстантивированные имена, к которым добавляется второй (или третий) компонент сложных топонимов (например: Danaçyly, Mollaçybinä, Dämirçidamy, Iolçubäjlil и т. д.): Danaçy, Däväci, Gazançy, Bostançy, Canaçy, Axtaçy, Gara dämirçi, Garasuçu, Gorçy, Gamuşçu, Ilxuçy, Sörbaçy и др.

Часть этих имен-топонимов с *-ci* субстантивировалась, вследствие чего для обозначения тех же понятий к ним были добавлены аффиксы *-ly*, *-lar*, *-lär*: Gorçulu, Guščular, Parasçylar, Dämirçilär, Dilänçilär, Gazaxjolçular, Arabaçylar, Galajçylar, Ilxuçylar и т. д.

Аффикс *-lar/-lär* как аффикс множественности, собирательности широко представлен в этнографических топонимах, обозначая не столько множественность, сколько принадлежность: Baybanlar, Galajçylar, Ilxuçylar, Bozrapaglar, Şişrapaglar, Dilänçilär, Darğalar, Pijadalar, Cäläbilär, Xugmanlar, Garalar, Sofular, Zallar и др. Эти топонимы фактически означают место проживания представителей различных профессий, занятий и т. д. Количество этнографических топонимов с аффиксом *-lar/-lär* велико.

Преобладающими среди этнографических топонимов являются сложные по структуре, образованные в основном синтаксическим способом. Это объясняется тем, что географические объекты в Азербайджане во многих случаях обозначаются описательными терминами. Кроме того, формы одежды, отличительные знаки на теле, на одежде, названия хозяйственных объектов, святынь и т. п. в большинстве случаев обозначаются определяемыми и определяющими компонентами.

Следовательно, в образовании этнографических топонимов используются по меньшей мере два (иногда три) слова с различной семантикой, одно из которых обозначает объект, а другое выступает в качестве конкретизирующего показателя. Такая семантическая связь между двумя лексическими единицами выражается определительными словосочетаниями, принадлежащими к числу основных синтаксических средств словообразования в азербайджанском языке. Можно выделить две группы этнографических топонимов:

а) первые компоненты которых выражены прилагательными (в основном обозначающими цвет), а вторые—существительными, нередко с аффиксами множественности или принадлежности; например: Ayoçlan, Aşbaşlar, Garapapag, Garadonlu, Garaxançally, Alaçadyrly, Sarybaş, Iolçubäjlil и т. д. Как видно из этих примеров, слова *ay*, *gaga*, *sary*, *ala* закономерно выступают в качестве первого — определительного компонента;

б) первые компоненты которых выражены существительными, а вторые — глаголами, прилагательными или также существительными. Закономерность образования сложных топонимов остается той же, причем нередко определяемый компонент (иногда и определительный компонент) употребляется с аффиксом принадлежности; например: Danaçybaşy, Däväbojnı, Äjemäzli, İnäkboyan, Argyugan, Minbaşyly, Axtaçy, Muçan, Guşçu Ajrum, Săbätkeçmăz и др.

Встречаются и более сложные этнографические топонимы, состоящие из трех компонентов, причем один из них нередко употребляется с аффиксами принадлежности *-li*, *-ci*. Состав компонентов бывает разный, и четкой закономерности образования подобных сложных топонимов

нет: в одних случаях первые и третьи компоненты представлены существительными, а вторые — прилагательными (Pis+gara+çuxa, Dārā+gara+bulag, Səj+gara+gojunlu), в других случаях первым компонентом является прилагательное, а вторым и третьим — существительные (Aγ+gajaly+baš).

Таким образом, этнографические топонимы, состоящие почти исключительно из исконных азербайджанских слов, представляют значительный интерес как с точки зрения изучения истории и этнографии азербайджанского народа, так и истории и исторической лексики азербайджанского языка.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Г. ДЕРФЕР

ХАЛАДЖСКИЙ ЯЗЫК — НЕ ОГУЗСКИЙ

В своей рецензии на «Словарь халаджского языка»¹ А. М. Щербак сделал попытку доказать, что халаджский язык, не будучи азербайджанским (халаджский язык отождествлял с азербайджанским Ф. Р. Зейналов), якобы является одним из огузских языков. При этом он, к сожалению, не учел две наши работы о месте халаджского языка среди других тюркских языков и об огузских заимствованиях в нем², где показано, что в халаджском языке действительно имеются огузские элементы, как, например, и в крымско-татарском и кумыкском языках (аналогично этому в чувашском языке имеются казанско-татарские элементы, что иллюстрирует общеизвестный факт внутритюркского обмена словами и формами). В халаджском языке существуют два огузских пласта: 1) сравнительно новый азербайджанский пласт, особенно в некоторых северных говорах, отражающий сокращение первоначальных долгот гласных (например: *gajin* 'родственник со стороны жены' наряду с исконным халаджским *gādin*, ср. туркм. *gājın*) и 2) более старый огузский пласт, отличающийся сохранением долготы гласных (например: *dām* 'крыша'). Оба эти пласта составляют в совокупности в халаджском словаре около пяти процентов его состава. Сюда же относятся и приводимые А. М. Щербаком слова *dāniš* 'говорить', 'разговаривать', *bile* 'сам'. Однако эти заимствования отнюдь не входят в основу халаджского языка.

Многие особенности, упоминающиеся А. М. Щербаком для подтверждения огузского характера халаджского языка, являются малоубедительными, поскольку они имеются и во многих неогузских тюркских языках. Так, переход начального *b->m*- перед носовым согласным (*ben* 'я' > *men*) известен во многих тюркских языках; переход начального *b->v*- в некоторых словах, часто употребляемых в качестве энклитик, наблюдается также и в новоуйгурских диалектах, причем халаджские слова *vā*- 'связывать' и *vaşaq* 'половина' показывают, что это явление не связано с огузским влиянием; глагол *bul*- 'находить' был хорошо известен в тюрки караханидского периода, а сейчас отмечается в якутском языке, причем он не зафиксирован в таких огузских языках, как азербай-

¹ А. М. Щербак. [Рец. на:] G. Doerfer und S. Tezcan. Wörterbuch des Chaladsch (Dialekt von Charrab). Bibliotheca Orientalis Hungarica, XXVI, Budapest, 1980, 232 стр. — «Советская тюркология», 1982, № 3, стр. 98—101.

² G. Doerfer. 1) Zur Stellung des Chaladsch im Kreise der Türksprachen. — Rocznik orientalistyczny, t. XXXIX, z. 2. Warszawa, 1978, стр. 15—31; 2) Oghusische Lehnwörter im Chaladsch. — Harvard Ukrainian Studies, vol. III/IV, 1979/1980 (Eucharisterion. Essays presented to Omeljan Pritsak), part I, стр. 189—204.

байджанский и туркменский; употребление в сложениях с деепричастиями глагола *-bil-* в значении «мочь, уметь» известно также в казахском, киргизском, казанско-татарском и башкирском языках (например: башк. *jödb-bilä* 'умеет плавать') и т. д.

С помощью такого метода, который учитывает в халаджском языке все то, что указывает на случайную общность или сходство с огузскими языками, и игнорирует явные отличия, можно объявить «огузским» любой тюркский язык, а не только халаджский. Ведь тюркские языки весьма близкородственны. Поэтому упомянутым методом можно было бы доказать тождественность халаджского языка, например, узбекскому (ср. халадж. *til* 'язык', *kel-* 'приходить', *höl-gür* 'чтоб тебе пусто было' = узб. *til*, *kel-*, *ol-gur*) или даже тувинскому (на основе халадж. *-d-* в *hadaq* 'нога' = тув. *adaq*). Однако подобный метод, разумеется, несостоятелен.

При классификации тюркских языков и определении места халаджского языка среди них гораздо важнее учитывать отличия этого языка от огузских языков. Речь идет о многих словах и формах, отсутствующих в огузских языках и не обнаруженных ни в одном старом огузском источнике, которые придают халаджскому языку столь своеобразный облик. Нет надобности, на наш взгляд, приводить здесь типичные халаджские слова, не встречающиеся на огузской почве: сам. А. М. Щербак привел некоторые из них (стр. 100). Другие примеры приведены нами в журнале «*Rocznik orientalistyczny*» (т. 39, стр. 24—26). Ограничимся лишь выборкой некоторых характерных фонетических и морфологических явлений.

1. др.-тюрк. *-d-* (или скорее *-δ-*) отражено в халаджском как *-d-*, а не как *-j-* (халадж. *hadaq* 'нога' — тур. *ajak*, азерб. *ajag*, туркм. *ajaq*);

2. *-ñ->-п-*, а не *-j-* или *-jXn-* (*quon* 'овца' — *kojun*, *gojun*, *qojun*);

3. *-g/-γ* сохраняется (*sāruγ* 'желтый' — *sary*, *sary*, *sāry*);

4. *-g/-γ-* сохраняется (*tolγan-* 'гулять', *jalya-* 'лизать' — во всех огузских языках *dolan-*, *jala-*);

5. дательный падеж на *-ka* (*qūz-qa* 'девушка' — *kyz-a*, *qyz-a*, *qūz-a*);

6. исходный падеж на *-dA* (*hev-de* 'из дома' — *ev-den*, *äv-den*, *öj-den*);

7. инфикс *-d-* у некоторых местоимений (*men-di-če* 'у меня' — *ben-de*, *men-de*, *men-de*);

8. 'я есмь' (нем. *ich bin*) после гласных *-rsAm* (*Ali-rsem* 'я — Али' — *Ali-jim*, *Ali-jem*, *men Ali*);

9. 'он есть' (*er ist*) = *-Ar*, *-ri*, *-Ari* < *erür* — огузск. *-dyr* < *turur* (*havul-ar* 'хорошо' = *es ist gut* — *ijī-dir*, *jaxšy-dyr*, *jagšy-dyr*);

10. будущее время на *-GA* (производное от повелительного наклонения, см. далее, например: халадж. *je-kel-ge* 'он придет' — *gel-ežek*, *gel-ežek*, *ol gel-žek*);

11. своеобразные формы повелительного наклонения, не встречающиеся в других тюркских языках³ (формы типа *al-ta* 'пусть возьмет', *je-ke* 'приходи' — *al-syn*, *gel-sin* и т. п.);

12. формула проклятия и благословения на *-GUr* (подобная упомянутой форме *höl-gür*, ср. также *kuog ol-γur* 'пусть ослепнет' — *kög alasy*, указанная Махмудом Кашгари типично огузская форма на *-Asu* в халаджском языке не отмечена, но зато есть известная многим тюркским языкам форма на *-GUr*);

³ См.: G. Doerfer. Der Imperativ im Chaladsch. — «*Finnisch-ugrische Forschungen*», Bd. XXXIX, Hf. 3. Helsinki, 1972, стр. 295—340. (В ближайшее время последуют дополнения).

13. причастие на -Gili (kel-gili 'приходящий', соответствующее приблизительно турецкому gel-işi и фактически родственное древнетюркскому -XGLI);

14. форма долженствования на -GULUK (al-yuluq 'он должен взять' — al-maly и т. п.);

15. деепричастие на -dI (в соответствии с огузским деепричастием на -р, неизвестным халаджскому языку, фактически родственно древнетюркскому -dI в отрицательном деепричастии на -mAdI);

16. деепричастие на -GAlI (boşladuq var-γali 'мы начали идти' — var-maγa başladyk; суффикс отличается от турецкого -AlI не только по форме, но также и по значению и синтаксическому употреблению, зато совпадает с древнетюркским);

17. аорист на -jUr после гласного (boşla-jur 'он начнет' — başla-г сходно почти во всех тюркских языках, если не считать вторичных форм, подобных азербайджанским диалектным, где наряду с başla-г есть başdy-jar, по аналогии с at-ar; в халаджском суффиксе точно отражается др.-тюрк. başla-jur, к которому также восходит и якут. bastыр).

Еще раз остановимся на -d/-d-, сохранившемся в халаджском языке (hadaq 'нога', bidik 'большой' и т. д.). По свидетельству Махмуда Кашгари, огузы уже в XI веке знали изменение -δ->-j- (и фактически нет ни одного старого огузского памятника, который этому противоречил бы: везде встречаются формы, подобные азерб. ajag, böjök). Почему же следует считать халаджский язык странным «огузским», если он не испытал характерной для огузских языков уже в XI веке звуковой эволюции, но сохранил -d-, как и отдаленный от него тысячами километров тувинский?

Но, если все же, основываясь на упомянутом выше методе, признать халаджский язык огузским, то тогда, чтобы быть последовательными, придется объявить огузскими все без исключения тюркские языки, с чем, разумеется, ни один тюрколог согласиться не может.

Итак, халаджский язык — не огузский.

Перевел с немецкого И. Г. Добродомов.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

В. Д. АРАКИН

ВЫДАЮЩЕЕСЯ ОТКРЫТИЕ XIX ВЕКА

(К 90-ЛЕТИЮ ДЕШИФРОВКИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ НАДПИСЕЙ)

В XIX веке были сделаны два выдающихся открытия в области языкознания, имеющие непреходящее значение для всей истории мировой культуры. Одно из них — дешифровка Ж. Ф. Шампольоном (1790—1832) древнеегипетских иероглифов; второе — дешифровка орхонских надписей на древних памятниках. Эти памятники были обнаружены в 1889 году русским археологом и этнографом Н. М. Ядринцевым (1842—1890) во время экспедиции к верховьям реки Орхон, притока реки Селенги, организованной Троицкосавско-Кяхтинским отделением Русского географического общества. Надписи, высеченные на трех сторонах двух обелисков, лежавших на земле, выполненные таинственными, никому до того времени не известными знаками, принадлежали, как было установлено, некогда обитавшему в этих краях и упоминаемому в летописи китайской династии Тан (608—907) народу *тукюз*, говорившему на исчезнувшем, как поначалу решили, языке. На четвертой стороне обоих обелисков был высечен китайский текст. Это открытие в дальнейшем было расценено как «событие эпохального значения» [1].

Н. М. Ядринцев обследовал найденные памятники и сообщил о своей находке в Петербург. Сообщение Н. М. Ядринцева произвело на ученых круги сильное впечатление, и вскоре были направлены в Сибирь две специальные экспедиции — одна, организованная Академией наук, во главе с В. В. Радловым и вторая, снаряженная Финно-угорским обществом, во главе с А. Гейкелем. На основе собранных ими материалов были изданы фундаментальные труды — «Атлас древностей Монголии» [2] и атлас «Inscriptions de l'Orkhon, recueillies par l'expédition finnoise» [3]. В результате исследования текста китайской надписи [4] на обелисках удалось установить, что один из них, достаточно хорошо сохранившийся, был воздвигнут по распоряжению китайского императора в честь Кюэ-Тегина (или в тюркской передаче Кюль-Тегина), умершего в 731 году; второй обелиск, расколотый на две части, был сооружен в память Бильге-хана (или Моги-лянь [7, 156], или же Би-гя-кэ-хань в китайских надписях [7, 152]) — старшего брата Кюль-Тегина, умершего в 734 году.

Издание загадочных надписей поставило перед учеными задачу огромной научной важности — прочесть таинственные надписи. За труднейшее дело их расшифровки и последующего перевода взялись крупнейшие лингвисты того времени — датский ученый Вильгельм Томсен (1842—1927), «обладатель весьма разносторонней и широкой филологической эрудиции» [5, 18], и петербургский академик В. В. Радлов (1837—1918), блестящий знаток многих тюркских языков. Путем выдающихся

интуитивных догадок и остроумных, но строго научных сопоставлений В. Томсену удалось еще летом 1893 года определить язык надписей как тюркский, а также дать правильное звуковое значение трех согласных в слове «к^аг^ан» (кит. кэ хань), довольно часто встречающихся в надписях в сочетании с собственным именем.

Анализ звукового значения неизвестных знаков орхонских надписей позволил В. Томсену определить состав орхонского алфавита в количестве 38 знаков, из числа которых он смог в первую очередь определить три гласных. Сопоставление некоторых наиболее распространенных в тексте надписей слов *tānri* — небо, *кюльтегин* — имя собственное — Кюль-Тегин (кит. кюэ-тегин, или в пекинском варианте произношения *кюэ-тэцзинь*) [4, 2] и тюркского слова *тюрк* послужило В. Томсену отправной точкой для дальнейшей работы [8, 3].

Исторической датой дешифровки орхонского алфавита считается 25 ноября 1893 года, «самый тревожный день» [9, 7], когда В. Томсен до конца уяснил себе систему неизвестного алфавита и, с учетом закона сингармонизма, столь характерного для тюркских языков, в течение одного дня полностью расшифровал его. К этому времени В. В. Радлов смог определить звуковое значение 11 букв орхонского алфавита [5, 19]. Через четыре дня после своего открытия В. Томсен уже сообщал об этом в письме к В. В. Радлову, с которым он работал в тесном контакте. Получив сведения о полной дешифровке неизвестного алфавита, В. В. Радлов приступил к прочтению и переводу надписей и благодаря прекрасному знанию тюркских языков определил язык надписей как древнетюркский. Вскоре, 19 января 1894 года, он представил в Академию наук свой вариант перевода надписей на русский язык, открыв перед востоковедами разных стран новую, до того неизвестную страницу жизни многочисленных древних кочевых тюркских племен, с ее постоянными междоусобными войнами, военными походами и борьбой с соседним Китаем, правители которого пытались силой распространить свою власть на сопредельные земли. Глубокое знание В. В. Радловым тюркских языков привело В. Томсена в восхищение, и он в письме к русскому ученому, признаваясь в этом, прямо писал: «Что касается толкования и перевода самих надписей, то я только сожалею, что я не Радлов» [6, 19].

О своем замечательном открытии В. Томсен поведал ученому миру в кратком сообщении под скромным заглавием «Дешифровка орхонских и енисейских надписей. Предварительное сообщение» [10, 285—299], опубликованном в Известиях Датского Ученого общества и изданном отдельным оттиском в следующем, 1893 году [11]. Перевод этого необыкновенного «сообщения» на русский язык был сделан в том же году В. Р. Розеном и опубликован в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» (ЗВОРАО).

Ни Н. М. Ядринцев, обнаруживший знаменитые обелиски с орхонскими надписями, ни даже сам В. Томсен, дешифровавший эти надписи [8, 217], не могли в полной мере оценить огромного научного значения этого открытия, они и не предполагали того обилия сведений и исторических фактов, которые скрывали таинственные письмена, столь мастерски прочитанные и переведенные В. В. Радловым.

В своем докладе в Академии наук 19 января 1894 года В. В. Радлов поведал ученым-востоковедам, что древнетюркские письмена содержат сведения о некогда существовавшем Восточно-тюркском каганате, центр которого находился на реке Орхон, а население состояло из множества кочевых и оседлых племен. Названия последних стали известны лишь после прочтения надписей. Эти племена говорили на языках, родственных существующим в настоящее время языкам тюркских народов.

Еще в 1885 году Н. М. Ядринцев высказал предположение, впоследствии столь блестяще подтвержденное обнаруженными им памятниками, что неизвестные и непонятные письмена, упоминающиеся в китайских летописях [7, 156], и надписи на памятниках, хранящихся в Минусинском музее, по всей видимости, принадлежат народам тюркской этнической группы, а возраст самих памятников исчисляется примерно двумя тысячелетиями. «Подобные могильники и монументы могут быть приписаны только Тукю или уйгурам», — писал он впоследствии, рассказывая о своей находке [5, 30].

Урочище Кошо-Цайдам, где столь длительное время находились никому не ведомые ценнейшие памятники исчезнувшей самобытной культуры, благодаря находке Н. М. Ядринцева привлекло внимание ученых всего мира и, естественно, прежде всего русских и финских.

Тексты первоначальных переводов знаменитой надписи на памятнике в честь Кюль-Тегина (+731), а затем и надписи на памятнике Бильге-хану указывали на то, что обе они были сделаны одним и тем же лицом — Йоллыг-тегином, ближайшим родственником покойного хана.

Свой предварительный перевод, имевший исторически важное научное значение как для тюркологии, так и для истории тюркских народов, В. В. Радлов опубликовал в 1897 году [12], внося, таким образом, выдающийся вклад в отечественную тюркологию.

Совершив открытие, В. Томсен и В. В. Радлов продолжали работу по совершенствованию текстов первоначальных переводов, уточняя их отдельные места. Результаты своих разысканий В. Томсен опубликовал через несколько лет в книге «Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées» [8], где детально описан и проанализирован дешифрованный им алфавит. Чтение этого материала, изобилующего многочисленными примерами, представленными как знаками орхонского алфавита, так и латинской транскрипцией, поражает глубиной проникновением исследователя в фонетику древнетюркского языка, звуковой строй которого характеризовался наличием небной гармонии гласных (об этом свидетельствует существование в алфавите двух комбинаторных вариантов согласных), на что со всей определенностью указывает автор. Помимо этого, древнетюркский алфавит, содержащий, как установил В. Томсен [7, 7], 38 знаков, имел еще специальные знаки для обозначения фонемы [k]: перед или после [y]; перед или после лабиализованных заднего ряда [o, u] и, наконец, перед или после лабиализованных гласных переднего ряда [ö, ü]. Необходимо отметить, что орхонский алфавит включал особые знаки для, видимо, достаточно часто встречающихся звуко сочетаний [nd], [nč] и [ld], что в известной степени находит отражение и в современных тюркских языках. Удивляет прозорливость и лингвистическая последовательность датского ученого, сумевшего проникнуть в глубины древнего алфавита, столь четко отражающего звуковой строй языка.

В. В. Радлов также продолжал исследование текстов надписей на древних памятниках. Этому способствовало и открытие новых памятников древнетюркской письменности — Онгинского, обнаруженного в 1891 году также Н. М. Ядринцевым на берегах р. Онгин; памятника Тоньюкуку, найденного супругами Е. Н. и Д. Н. Клеменц в 1897 году и представляющего «особый интерес как для историка, так и для лингвиста» [8, 16].

Результатом огромной работы по изучению древнетюркских текстов явился фундаментальный труд В. В. Радлова «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge» [12], в котором маститый ученый дал первый в истории тюркологии обстоятельный очерк грамматики древне-

тюркского языка (стр. 1—129), представил в русской академической транскрипции известные к тому времени древние тексты, а также их усовершенствованный перевод (стр. 130—159) и, наконец, составил древнетюркский глоссарий (стр. 159—181). Тем самым ученый заложил прочную научную основу тюркологии, составляющей гордость и славу отечественной филологии.

В ноябре 1983 года исполнилось девяносто лет со времени дешифровки орхонских надписей и их перевода на русский язык. За эти годы исследование замечательных орхонских памятников было успешно продолжено. Только библиография А. Н. Самойловича [13, 55—80], опубликованная им в 1914 году, насчитывает не одну сотню работ. Выдающийся вклад в эту область науки внес С. Е. Малов (1880—1957), осуществивший, ставшие классическими, издания памятников древнетюркской письменности [16; 17; 18]. Наши отечественные тюркологи продолжали и продолжают исследовать памятники орхонского письма и обнаруживать новые. Литература по «орхонике» продолжает обогащаться и пополняться все новыми и новыми научными трудами. В числе наиболее значительных работ следует назвать в первую очередь «Древнетюркский словарь» [14], представляющий собой фундаментальный коллективный труд, содержащий всю древнетюркскую лексику и обильно снабженный выдержками, почерпнутыми из текстов орхонских и других памятников древнетюркского письма. Особый интерес и ценность представляет также «Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII—IX вв.)» [15], принадлежащая перу академика А. Н. Кононова. Это издание, являющееся первым после В. В. Радлова систематическим описанием языка орхонской письменности, включает весьма интересную главу (пятую), в которой дан краткий, но очень содержательный очерк истории изучения фонетики и грамматики (морфология и синтаксис) языка орхонских надписей [15, 7—42].

Значительную работу по обнаружению, прочтению и переводу древнетюркских памятников проводит сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР С. Г. Кляшторный, опубликовавший ряд исследований по памятникам орхоно-енисейской письменности, в том числе книгу «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии» [19].

Большая и продуктивная работа по исследованию орхоно-енисейских надписей проводится и многими другими исследователями, в том числе и из тюркоязычных республик и областей.

Постепенное накопление фактического текстового материала по древнетюркской письменности создало благоприятную почву для подготовки и сделало необходимым издание капитального научного труда, где были бы собраны все известные в настоящее время древнетюркские (орхоно-енисейские) тексты с соответствующими комментариями и подробной библиографией. Над этой проблемой плодотворно работают С. Г. Кляшторный и Д. Д. Васильев, готовящие «Корпус древнетюркских надписей». Хотелось бы надеяться, что столетие со времени открытия и дешифровки древнетюркской письменности будет ознаменовано изданием этого труда, что явилось бы достойной данью памяти [6, 15] Василия Васильевича Радлова и Вильгельма Томсена, которого В. Р. Розен назвал «Шампольоном сибирских и монгольских писем» [20, 324].

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. (Дюктябрьский период). Л., 1982, стр. 307.

2. «Атлас древностей Монголии, изданный по поручению Академии Наук В. В. Радловым». Т. I—IV, СПб., 1892—1899.
3. «Inscriptions de l'Orkhon, recueillies par l'expédition finnoise 1890, et publiées par la Société Finno-Ougrienne». Helsingfors, 1892.
4. В. П. Васильев. Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. — «Сборник Трудов Орхонской экспедиции», III, СПб., 1897.
5. А. Н. Самойлович. Вильгельм Томсен как тюрколог. — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества», т. XV, вып. 1, 1912, СПб., 1914.
6. А. Н. Самойлович. Вильгельм Томсен и тюркология. — В кн.: «Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти». (Очерки по истории знания, IV). Л., 1928.
7. Э. Кох. О двух камнях с китайскими надписями. — «Записки восточного отделения Русского археологического общества», V, вып. 1, 1891, стр. 147—156.
8. V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par Vilh. Thomsen. Helsingfors, 1896.
9. В. В. Бартольд. Томсен и история Средней Азии. — В кн.: «Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти». (Очерки по истории знания, IV). Л., 1928.
10. V. Thomsen. Oversigt over det Danske Vidensk. Selsk. Forh. 1893. (Bulletin de l'Académie R. des sciences et des lettres de Danemark, 1893).
11. V. Thomsen. Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'énisséï. Notice préliminaire. Copenhagen, 1894.
12. W. Radloff. Die alttürkische Inschriften der Mongolei. Neue Folge, SPb., 1897.
13. А. Н. Самойлович. Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности. — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества», т. XV, вып. 1, 1912, СПб., 1914, стр. 55—80.
14. «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
15. А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.
16. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
17. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
18. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.
19. С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
20. В. Р. Розен. Suut cuique. По поводу дешифровки орхонских и енисейских надписей. — «Записки восточного отделения Русского археологического общества», т. VIII, 1890.

Н. ОРАЛБАЕВА, Ж. БАЛТАБАЕВА

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ НУЛЕВОЙ ФОРМЫ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Тюркологи давно обратили внимание на стилистические функции падежных форм, в том числе нулевой формы родительного падежа.

О функционировании нулевой формы родительного падежа в стилистических целях А. З. Гаджиева пишет следующее: «В осложняемых сочетаниях повторяющиеся аффиксы родительного падежа в зависимости от стилистической цели сокращаются»¹.

Употребление нулевой формы родительного падежа в качестве стилистического средства отмечалось и казахскими лингвистами. Так, на стилистические неудобства в связи с применением казахского аффикса родительного падежа указывал еще С. Аманжолов: «В литературном языке нежелательно употребление двух-трех слов подряд в аффиксальной форме родительного падежа. Они осложняют понимание содержания предложения»². О стилистических функциях падежных форм писали также М. Балакаев и другие казахские языковеды: «Грамматическое явление, которое требует к себе особого внимания в системе стилистики слова, — это аффиксы падежей имен существительных»³.

Ф. М. Мусабеева считает нежелательным употребление даже двух стоящих рядом слов в аффиксальной форме родительного падежа: «Два слова, употребляющиеся рядом, могут принимать формы родительного падежа. Такое нагромождение в стилистическом отношении считается нецелесообразным, поэтому одна из этих падежных форм (в первом слове) опускается»⁴.

М. Томанов по данному вопросу пишет: «Употребление именительного падежа в функции родительного падежа в современном языке получило стилистическую, иногда стилистико-грамматическую окраску»⁵.

Таким образом, как мы видим, языковеды отмечают стилистическое значение категории склонения, в том числе и нулевой формы родительного падежа.

Важную роль выполняет нулевая форма родительного падежа в оформлении компонентов изафетной конструкции — самой активной

¹ А. З. Гаджиева. Осложнение именных словосочетаний в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс., Баку, 1966, стр. 38.

² С. Аманжолов. Септік жалғауларының қызметі. — «Тіл мәселелері», Алматы, 1936, стр. 22.

³ М. Балакаев, Е. Жанпейісов, М. Томанов, Б. Манасбаев. Қазақ тілінің стилистикасы. Алматы, 1966, стр. 132.

⁴ Ф. М. Мусабеева. Стилистика имен существительных в современном казахском языке. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1974, стр. 30.

⁵ М. Томанов. Основные вопросы исторической морфологии казахского языка. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1975, стр. 48.

и частотной конструкции в языке. Изафетная конструкция может включать до четырех-пяти слов, стоящих (кроме последнего) в родительном падеже. Однако чаще всего такая конструкция состоит из трех компонентов.

Поскольку в одном предложении может быть две и более изафетных конструкций, что ведет к загромождению его аффиксальными формами родительного падежа, возникают значительные стилистические неудобства. Поэтому использование нулевой формы родительного падежа позволяет освободиться от избыточности указанных аффиксальных форм.

М. Б. Балакаевым приводится ряд примеров, иллюстрирующих осложнение стиля родительного падежа в изафетных конструкциях: *Темірбектің інісі* 'брат Темирбека'; *Темірбектің інісінің пальтосы* 'пальто брата Темирбека'; *Темірбектің інісінің пальтосының түймесі* 'пуговица от пальто брата Темирбека'; *Темірбектің інісінің пальтосының түймесінің бауы* 'петля для пуговицы пальто брата Темирбека'⁶.

В приведенных изафетных конструкциях употребление от двух до четырех следующих друг за другом слов с аффиксальными формами родительного падежа создает совершенно явные стилистические неудобства. Использование же в подобных случаях нулевой формы родительного падежа устраняет погрешности стиля: *Темірбек інісінің пальтосының түйме бауы*.

В последней конструкции два слова из четырех употреблены в нулевой форме родительного падежа, что привело к образованию двух групп слов, отделяющихся друг от друга паузой: 1) *Темірбек інісінің* и 2) *пальтосының түйме бауы*. Такая группировка слов внутри конструкции облегчает речь. Правда, в последней группе отмечается тесная связь *түйме бауы* 'петля для пуговицы' с другой группой. В аффиксальном оформлении данной конструкции необходимо подчеркнутое произношение каждого слова; употребление же в подобных оборотах нулевой формы избавляет говорящего от необходимости повторения одного и того же аффикса в нескольких словах, устраняя тем самым языковую избыточность.

Однако это отнюдь не означает, что изафетная конструкция должна сплошь состоять только из слов, стоящих в нулевой форме родительного падежа. Такое построение свойственно изафетной конструкции с одним компонентом в форме родительного падежа (*мектеп үйі*), получившей в тюркологии наименование II типа изафета. Сложная изафетная конструкция редко состоит исключительно из аффиксально оформленных компонентов, чаще компоненты находятся и в аффиксальной, и в нулевой форме.

В изафетных конструкциях с двумя компонентами в форме родительного падежа в большинстве случаев только один сохраняет его аффиксальную форму; например: *Бұған оның қайраты жететініне сенеді* (М. Ауэзов) 'Он верит, что у него хватит сил'. В данном случае в аффиксальной форме выступает первый компонент (*оның*). Подобные конструкции распространены в языке, но это не единственный вариант, например: *Жомарт енді колхоз жерінің картасын алды* (Г. Мустафин) 'Жомарт теперь взял в руки карту земельных участков колхоза'.

Как видно из примеров, аффиксальная и нулевая формы в таких конструкциях постоянного места не имеют. Обе формы могут находиться как в препозиции, так и в постпозиции. Наличие аффиксальной формы у компонентов зависит от тех же условий, которые вообще определяют употребление аффиксальной и нулевой формы родительного паде-

⁶ М. Балакаев, Т. Қордабаев. Қазіргі қазақ тілі грамматикасы. Синтаксис. Алматы, 1961, стр. 36.

жа; например: *Сұрақ Бейсеннің фамилиясының тұсында тұрса да, өз басына төнген шоқпар сияқты* (Г. Мустафин) 'Хотя вопросительный знак стоял против фамилии Бейсена, ему показалось, что дубина занесена над ним самим'. В примере имеется изафетная конструкция *Бейсеннің фамилиясының тұсында*. Допускаются варианты этой конструкции типа *Бейсеннің фамилиясы тұсында* и *Бейсен фамилиясының тұсында*. Однако здесь оба имени существительных стоят в родительном падеже, то есть аффиксально оформлены, ибо в тексте им придается особое значение.

Присутствие аффиксальных форм в подобных словосочетаниях может быть обусловлено и другими причинами. Например: *Бұл айтыстар халықтың әдет-салтының түр-түріне қарай лайықталып туған өз қалпында орындалады* (М. Ауэзов) 'Эти айтысы, возникшие в результате приспособления к различным бытовым традициям народа, исполняются без изменения'. В данную изафетную конструкцию включены два парных слова, что повлияло на аффиксальное оформление компонентов. Первый компонент словосочетания оформлен аффиксом, ибо на нем фиксируется внимание, в противном случае было бы записано: *Халық әдет-салтының түр-түріне*. Таким образом, в данном случае употребление аффиксальной формы определяется целью высказывания, а также составом второго компонента.

Иногда в изафетных конструкциях функционирование слов в аффиксальной форме родительного падежа зависит от того, какой частью речи они выражены. Так, например, местоимение в родительном падеже большей частью выступает с аффиксом: *Атқамінер атаулының бәрінің алдынан Оразбай өз ниетін танытып, өтіліп алды* (М. Ауэзов) 'Оразбай в присутствии всех аткаминеров выразил свои намерения'; *Ондай жиын мекені алыс-тартысқа түсетін рулардың ешқайсысының ортасында болмай, аулақ жерде болғаны дұрыс* (М. Ауэзов) 'Такие сборища должны проходить подальше от враждующих между собою родов'.

Обычно возвратное местоимение употребляется в нулевой форме, в том числе и в изафетной конструкции. Позиция возвратного местоимения в подобных конструкциях также обуславливает выбор его формы. Если возвратное местоимение находится в препозиции, то второе слово конструкции оформляется аффиксально, так как само местоимение бывает безаффиксным. Например: *Назыкешті өз үйінің қасына түсіріп, атын жетелеп алып келді* (Г. Мусрепов) 'Оставив Назыкеш возле своего дома, на поводу привел коня'. Здесь второе слово, стоящее в родительном падеже, употреблено с аффиксом. Это произошло в результате того, что возвратное местоимение находится в препозиции по отношению ко второму компоненту, сочетающемуся со служебным именем.

Когда возвратное местоимение является вторым словом, стоящим в родительном падеже, оно имеет безаффиксную форму, а первый компонент конструкции оформляется аффиксом; например: *Бұндай жандар туралы елдің өз ішінде ескілі-жаңалы әңгіме өте көп* (М. Ауэзов) 'О таких людях среди самого народа ходит очень много новых и старых рассказов'; *Кейде батырлардын өз араларында да қақтығыс болып қалағыны бар* (М. Ауэзов) 'Иногда даже среди самих батыров случаются стычки'.

В тех изафетных конструкциях, где нет возвратного местоимения, первый компонент словосочетания включает аффикс в том случае, если второй компонент сочетается со служебным именем; например: *Бірі оқыған, бірі оқымаған екі маманның іс үстінде кездескені осы* (Г. Мустафин) 'Только теперь встретились два специалиста, один образованный, другой без образования'; *Әдетте қолға тұратын жуас малды бала-*

шағаға дейін басынып, әр кісінің тақымы астында бір кететіні сияқты, заты жуас Жалмұратты бұл өңір тегіс мазақтайтын (А. Нуршайков) 'Над тихим Жалмуратом, напоминающим мирное животное, которое, даже оседланное детьми, не кусается, посмеивались все в округе'.

В изафетных конструкциях с тремя компонентами в родительном падеже, в большинстве случаев один из них выступает в нулевой форме. Существуют четыре вида аффиксального и безаффиксального оформления таких конструкций.

1. Слово в нулевой форме родительного падежа находится между двумя словами, оформленными аффиксами родительного падежа. Например: *Бұл топ — Абайдың өз үйінің қонағы* (М. Ауэзов) 'Эта группа — гости собственного дома Абая'; *Оның үстіне мен Абайдың өз шығармаларының сөздік қорынан да мейлінше пайдаландым* (М. Ауэзов) 'К тому же я пользовался словарным богатством собственных произведений Абая'.

2. Последнее слово из трех, входящих в конструкцию, находится в нулевой, а первые два — в аффиксальной форме родительного падежа. Например: *Айтатын сөзді біреу ауызға салмай-ақ біздің жұрттың өз жүрегі нұсқайды* (М. Ауэзов) 'Наши люди сами находят нужное слово без напоминания других'.

3. Первые два слова конструкции — в нулевой, последнее слово — в аффиксальной форме родительного падежа. Например: *Жолаушылар совхоз партия комитетінің секретары Атабек Асылбековтың үйіне бас қосысты*. (М. Ауэзов) 'Путники собрались в доме секретаря партийного комитета совхоза Атабека Асылбекова'; *Кешкі астың алдында дағдылы сул бағы орындығының қасында отырған Әсияға ұшыраса бере, сол хабарын айтты* (М. Ауэзов) 'Перед вечерним ужином он сообщил Асие, привычно сидевшей возле цветочной клумбы'.

4. Первое слово из трех, входящих в конструкцию, стоит в нулевой форме, последующие два — в аффиксальной форме родительного падежа. Например: *Дауылжелінен түрілгендей, үй иесінің тымағының бір құлағы түріле бастапты* (Г. Мусрепов) 'Уши ушанки хозяина дома задралась, будто были приподняты сильным ветром'.

Таким образом, наличие аффиксальной и нулевой форм родительного падежа создает большие возможности для их использования в изафетных конструкциях в стилистических целях. Причем, комбинация этих двух форм придает изафетным конструкциям выразительность и способствует лучшей передаче мысли.

Нулевая форма родительного падежа создает возможность разнообразить оформление однородных членов предложения, формируя различные модели однородных членов.

Наличие в предложении, кроме однородных членов, и других слов в родительном падеже приводит к его стилистической монотонности, например: *Әке-шеше, туған-туысқан, ғашық жар, бала-шағаның хабары қайсысының болсын тілінің ұшында, жүрек түбінде* (З. Шашкин) 'Вести от отца и матери, родственников, любимой, детей у каждого на кончике языка, в глубине сердца'.

В этом предложении родительный падеж повторяется семь раз. Поэтому автор в стилистических целях четыре раза употребил нулевую форму и три раза аффиксальную. Иначе предложение было бы тяжеловесным и даже в определенной степени трудным для восприятия.

Нулевая форма родительного падежа способствует созданию разнообразных моделей однородных определительных членов. В большинстве случаев только последний компонент предложения оформляется аффиксально, все препозиционные компоненты выступают в нулевой форме.

В казахском языке препозиция нулевых и постпозиция аффиксальных форм родительного падежа однородных членов предложения распространяется и на те группы слов (собственное имя и глагол, парные слова и т. д.), которые обычно употребляются в аффиксальной форме; например: *Екі шал Ырғызбай тобына сәлем беріп, ауыл-аймақ, мал-жанның амандығын сұрады* (М. Ауэзов) 'Двое стариков, поздоровавшись с группой Иргизбая, стали расспрашивать о здоровье и благополучии аулов-аймаков, скота-животных'.

Вместе с тем в другой модели однородных определительных членов средний компонент употребляется без аффикса, первый и третий — с аффиксом. Например: *Қорқыт туралы қазақ аңызы тарихтың, дәуір, заманның бірде-бір елесін, долбарын бермейді* (М. Ауэзов) 'Казахская легенда о Коркуте не дает никакой исторической, эпохальной, вековой картины, никакого представления'.

Необходимость смешанного оформления однородных членов возникает в тех случаях, когда они соединяются союзом *мен* 'и'. При этом в нулевой форме выступает однородный член, непосредственно предшествующий этому союзу; например: *Бықсып жанған қидың, дүрілдеп жанған баялыш пен қарағанның исі келеді* (Г. Мусрепов) 'Доходят запахи кизяка, гудящего в огне баялыша и караганника'.

Таким образом, данный союз требует нулевой формы родительного падежа и не сочетается с его аффиксальной формой.

Союз *мен*, требующий постановки предшествующего слова в нулевой форме падежа, на последующие слова подобного влияния не оказывает; например: *Бірақ алыс жүрсе де, сол Абайда ақыл мен қайрат, тіл мен тәлімнің мол екенін әкесі танытын* (М. Ауэзов) 'Хоть и издалека, но отец знал хорошо, что Абай богат умом и энергией, языком и воспитанием'.

Союзы вносят разнообразие в предложения с однородными членами, способствуя их ритмичности и выразительности. В таких случаях первый компонент выступает без падежного аффикса, а второй — с аффиксом. Это одна из активных моделей казахского языка; например: *Сондай ұйқы мен ояудың, түс пен өңнің арасында әсіресе шаршаған күнгі ұйқыда болатын қызық бір, аралық хал еді* (М. Ауэзов) 'Это было странное состояние между сном и бодрствованием, сном и явью, которое возникает при дневном томительном сне'.

Иногда аффиксальные и нулевые формы, чередуясь, создают ритмичные пары. Например: *Керей, Матайдың, Мұрын, Сыбанның да тәліп жатқан мырза, төрелері осында* (М. Ауэзов) 'Здесь мырзы и туре из Кирея, Матая, Мурына, Сыбана'.

Иногда все компоненты однородных определительных членов предложения имеют одинаковую форму: нулевую или аффиксальную. Например: *Реніш, ыза, намыс үні қатты шықты* (М. Ауэзов) 'Голос огорчения, гнева, самолюбия прозвучал громко'; *Мынау сөз іштегі жатырқаудың салқындықтың ызғары* (М. Ауэзов) 'Эти слова его — признак отчуждения и холодного отношения'. В первом примере все однородные члены не оформлены аффиксально в связи с тем, что они выражают не принадлежность, а различные отношения предметов. В последнем примере однородные члены оформлены аффиксально, ибо автору необходимо обратить на них внимание.

Таким образом, однородные члены предложения — это постоянная сфера функционирования нулевой формы родительного падежа, способствующей созданию их различных моделей.

Параллельное функционирование нулевой и аффиксальной форм

родительного падежа особенно характерно для поэтического стиля. В поэтическом языке нулевая и аффиксальная формы родительного падежа используются для создания рифмы и слогового соответствия стихотворных строк: «Одним из давно известных приемов казахской поэзии является опускание некоторых аффиксов; в случаях несоответствия стихотворного размера — отбрасывание аффиксов родительного падежа или притяжательности... даже в ситуациях, требующих их наличия»⁷.

*Шалқыды энші, күйші айтыстары,
Түбінде сол қайыңның, сол қайыңның.*
(Ж. Молдағалиев).

‘Разгорается айтыс певцов и музыкантов,
Под той березой, под той березой’.

В стихотворении одновременно функционируют и аффиксальная, и нулевая формы. В первой строке два однородных члена предложения выражены нулевой формой родительного падежа. Использование аффиксальной формы сделало бы стих четырнадцатисложным, что в данном случае недопустимо, ибо стихотворение в целом написано одиннадцатисложным стихом. Для слогового соответствия первой и второй строк во второй дважды повторяется словосочетание *сол қайыңның*.

Безаффиксная форма используется поэтами и для создания рифмы:

*Жып-жылы желін еседі,
Аравия теңізі.
Толқынды толқын кеседі,
Қалады тулап кеме ізі.*
(Ж. Молдағалиев).

‘Теплый ветерок навевает
Аравийское море.
Волна волну разбивает,
Рябью остается след корабля’.

Здесь *Аравия теңізі* — номинация с застывшим составом, рифмуется со словосочетанием *кеме ізі* с нулевой формой слова *кеме*.

В поэзии употребление аффиксальной, либо нулевой формы родительного падежа определяется теми же закономерностями, что и в прозе. Однако в казахской поэзии решающее значение имеет размер слога. Функционирование аффиксальной, либо нулевой формы родительного падежа вносит свои коррективы. Например:

*Құрманның үлесіне жақсы ат тиіп,
Жалына қолы жетті. Мақсат биік.
Сағырбай ұрпақтары аттанарда
Естілді ел ішінен «Ақсақ киік».*
(Х. Ергалиев)

‘На долю Курмана достался конь,
Руки коснулись гривы. Высока цель.
Перед отправкой внуков Сагирбая
Слышалась в ауле мелодия «Аксақ киик»’.

В приведенном стихотворении собственные имена (*Қурман* и *Сагирбай*) оформлены по-разному: первое из них приведено в аффиксальной форме, второе — в нулевой. Грамматически эти имена должны быть оформлены аффиксами, однако в данном случае определяющим является метрический размер стихотворной строки.

При инверсии обычно употребляется аффиксальная форма родительного падежа. Однако в стихотворении это правило часто нарушается для слогового равновесия; например:

⁷ Р. Ф. Сыздықова. Абай өлеңдерінің синтаксистік құрылысы. Алматы, 1970, стр. 133.

*Құм ұйтқып ұсақ іздер болды ғайып,
Түбінде кәрі бұта бұл мұңайып.*

(Х. Ергалиев)

‘Вихрит песок, мелкие следы исчезли
Под старым кустом, стало грустно’.

Таким образом, нулевая форма родительного падежа употребляется в казахском языке параллельно с аффиксальной и несет особую, только ей свойственную, функциональную нагрузку.

Г. Н. ЗИКРИЛЛАЕВ

СИСТЕМА ФОРМ УСЛОВНО-ЖЕЛАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследования последних лет позволили выявить наличие сопряженных значений в грамматических формах¹, что подтверждается, в частности, при изучении системы условно-желательного наклонения в узбекском языке методом компонентного анализа в сочетании с контекстуальным.

Данное сообщение посвящено выявлению релевантных сем форм условно-желательного наклонения, проявляющихся в соответствии с их автосемантической и синсемантической в нейтральном или благоприятном контекстах. В автосемантических формах релевантные семы маркированы, и потому для их реализации достаточна нейтральность контекста (в приведенной ниже таблице отмечается знаком +), в синсемантических же формах к релевантным семам имеется лишь нейтральное отношение, поэтому их проявление зависит от благоприятности контекста (в таблице отмечается знаком +/—). Формы условно-желательного наклонения могут употребляться также в конкретизирующем контексте, где релевантные семы уточняются или усиливаются.

Форма на -са. Для данной формы релевантны семы «реальное условие», «реальное желание», «будущее время», «настоящее время» и «непосредственное обращение к слушающему», проявляющиеся в благоприятных контекстах.

Проявлению модальных сем способствует ударение. Если ударение падает на -са, то выражается сема «реальное условие», если же — на предыдущий слог, то — «реальное желание»: *айтсанг* 'если ты скажешь' — *айтсанг*² 'ты сказал бы'. Следовательно, для выражения семантической стороны модальных сем минимальный контекст является достаточным, однако для реализации их синтаксической стороны необходимо функционирование формы на -са в более широких контекстах.

Языковые факты показывают, что для семы «реальное условие» характерны синсемантические, а для семы «реальное желание» — авто-

¹ См.: В. Н. Ярцева. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков. — В сб.: «Типология грамматических категорий», М., 1975; С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Ташкент, 1969; *его же*. К истолкованию многозначности грамматических форм. — «Вопросы языкознания», 1973, № 6; *его же*. Курс турецкой грамматики. Части I и II, Л., 1975, 1977; Х. Г. Нигматов. Морфология языка восточно-тюркских памятников XI—XII веков. Автореф. докт. дисс., Баку, 1978; *его же*. О характере грамматического значения тюркских форм и категорий. — «Советская тюркология», 1980, № 6; и др.

² «Ҳозирги замон ўзбек тили». Тошкент, 1957, стр. 422.

семантические синтаксические структуры. В связи с этим благоприятные для каждой из них контексты следует рассмотреть отдельно.

Типичный для семы «реальное условие» контекст — это сложноподчиненное предложение с придаточным условия, где соотнесенное действие в качестве оказуемого главного предложения способствует реализации синтаксической стороны данной семы: *Факультетга борсангиз бошимиз осмонга етади, Обид Йўлдошевич* (П. Қодиров «Уч илдиш») 'Если вы придете на факультет, мы будем очень рады, Абид Юлдашевич'. В этом контексте соотнесенное действие представлено формой на *-ади*, и действие в форме на *-са* выступает как условие его совершения.

Если предложение со сказуемым в форме на *-ади* вопросительное, то в соответствии с коммуникативным заданием изменяется характер модальной семы формы на *-са*: *Боланг қизни уйга бошлаб келса нима қиламиз?* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Что нам делать, если твой сын приведет девушку домой?'

В контекстах, где соотнесенное действие представлено синтетическими побудительными формами, действие в форме на *-са* является условием для выражения волеизъявления говорящего, то есть условием побуждения: *Осмон қўлингизда бўлса ташлаб юборинг!* (П. Қодиров «Уч илдиш») 'Сделайте все, что в вашей власти!'

В соответствии с требованиями акта коммуникации в качестве соотнесенного средства могут выступать также другие формы изъявительного, повелительно-желательного наклонений и т. д.³ Эти средства, в зависимости от характера своих релевантных сем, способствуют проявлению релевантных сем формы на *-са* или подавляют их.

Следует отметить, что не только выбор форм соотнесенного действия, но и его место связано с задачами и требованиями коммуникативного акта. Как правило, соотнесенное действие следует за формой на *-са* и выполняет функцию сказуемого главного предложения (см. приведенные выше примеры); оно может также и предшествовать ей: *Бу фикрни миянгдан чиқариб ташла, агар ҳақиқий қизим бўлсанг!* (Ҳ. Усмонов «Сирли соҳил») 'Выкинь эту мысль из головы, если ты мне настоящая дочь'.

Главное предложение может быть эллиптическим или неполным: *Бу кишига ўн кун муҳлат берсак кифоя!* (А. Қаҳҳор «Синчалак») 'Достаточно, если дадим этому человеку десять дней сроку'.

Функцию соотнесенного средства могут выполнить и второстепенные члены предложения: *У чинакам биров ҳавас қилса арзийдиган йигит бўлган эди* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Он вырос парнем, достойным искреннего восхищения'; *Лекин мен кимлар борса яхши бўлишни ҳам ўйлаган эдим* (П. Қодиров «Уч илдиш») 'Но я думал и о том, кого лучше послать'. Действие в форме на *-са* в первом контексте соотнесено с определением, во втором — с дополнением.

Соотнесенное средство вообще отсутствовать, если акт коммуникации не требует его употребления: *Гавҳар, мен сиздан бир нарсани сўрамоқчи эдим. Хафа бўлмасангиз...* (П. Қодиров «Уч илдиш») 'Гавхар, я хотел бы у вас что-то спросить. Если вы не обидетесь...'.

Если необходимо уточнение или усиление семы «реальное условие», то в контексте употребляются такие лексические средства, как *агар*, *мабодо*, *башарти*, *борди-ю* и др.

Благоприятные для синтаксической стороны семы «реальное желание» контексты — независимые предложения.

В единственном числе I-го лица говорящий является субъектом дей-

³ «Узбек тили грамматикаси». I т. «Морфология». Тошкент, 1975, стр. 467.

ствия, и форма на *-са* обозначает его желание совершить действие. Говорящий очень часто обращается к своему собеседнику: *Бир кунгина қишлоққа бориб келсам, шунга нима дейсиз?* (С. Аҳмад «Хижрон кунлари») 'Что вы скажете, если я съезжу на денек в деревню?'; *Битта гапирсам майлими?* (С. Аҳмад «Хижрон кунлари») 'Можно мне сказать хоть одно слово?'. В первом контексте говорящий хочет узнать мнение слушающего, во втором — просит его разрешения совершить действие. Если опустить выделенные средства, то указание на причастность слушающего к действию исчезает, поэтому сему «непосредственное обращение к слушающему» нельзя считать релевантной для единственного числа 1-го лица. Во множественном числе данная сема заключена в самой форме имплицитно, так как в качестве субъекта действия выступает не только говорящий, но и его собеседник, в связи с чем говорящий обращается к нему и выражает свое желание совершить действие совместно: *Энди дарсни ҳам бошқа жойда тайёрласак* (А. Қаҳҳор «Сароб») 'Хорошо бы нам теперь и уроки делать в другом месте'.

Во 2-м лице коммуникативная сема проявляется не только во множественном, но и в единственном числе, так как исполнитель действия — слушающий, и говорящий вынужден обращаться к нему и просить его совершить действие, используя форму на *-са*: *Синглим, тугам узилибди, игна билан ипингизни бериб турсангиз* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Сестра, оторвалась моя пуговица, не дали бы вы иголку с ниткой'.

В соответствии с условиями акта коммуникации говорящий может требовать у слушающего совершить действие. Значит, во 2-м лице модальная сема имеет несколько разновидностей.

В 3-м лице модальная сема проявляется как желание говорящего, а коммуникативная сема отсутствует, так как субъект действия не принимает участия в коммуникативном акте, и говорящий лишен возможности непосредственно обращаться к нему. Из этого следует, что выражение семы «непосредственное обращение к слушающему» ограничено (в таблице отмечается знаком (+)/—).

В прямой речи форма на *-са* выражает желание не только говорящего, но и слушающего, а также лица, не принимающего участие в коммуникативном акте, что обусловлено формой лица действия авторской реплики:

Борса (-м, -нг), — $\left\{ \begin{array}{l} \text{дедим.} \\ \text{дединг.} \\ \text{деди.} \end{array} \right. \text{'Ходил бы он (я, ты) — } \left\{ \begin{array}{l} \text{сказал я'.} \\ \text{сказал ты'.} \\ \text{сказал он'.} \end{array} \right.$

В соответствии с требованиями акта коммуникации сема «реальное желание» может усиливаться при помощи частиц, вспомогательных глаголов, а также лексических средств, таких как *қани энди, кошки, шояд, зора* и др.

В некоторых контекстах лексическое средство выполняет двоякую функцию — во-первых, способствует проявлению модальной семы, во-вторых, усиливает ее: *Мен бошқа жойдан бериладиган ерни хоҳласам-чи* (А. Қаҳҳор «Қўшчинор чироғлари») 'А если я хочу получить землю в другом месте?'. Если опустить лексическое средство в этом контексте, то последний утрачивает свою синтаксическую целостность. При проведении такого эксперимента в последующем контексте можно заметить определенное отношение к семе «реальное условие», поэтому для выражения семы «реальное желание» необходимо употребление лексических средств: *Қани энди Лутфиниса шу топда ёнида бўлса...* (С. Аҳмад

Қирқ беш кун») 'Как было бы хорошо, если бы сейчас Лутфиниса была рядом с ним'.

Эмоциональное отношение говорящего к семе «реальное условие» выражается интонацией (см. приведенные выше примеры), к семе «реальное желание», кроме того, — и лексическими средствами: *Ё касал бўлиб қолдимикан? Қўрган туши бежиз бўлмаса-я!* (У. Усмонов «Сирли соҳил») 'Неужели заболел? Неужели его сон в руку?'

Форма на *-са* может употребляться повторно в одном и том же контексте, где проявление модальной семы обусловлено характером синтаксической структуры. Так, в сложноподчиненных предложениях в придаточном предложении выражается сема «реальное условие», в главном — сема «реальное желание»: *Агар малол келмаса, эрта яна бир келсангиз* (О. Ёкубов «Диёнат») 'Если вам не трудно, придите завтра еще раз'.

В сложносочиненных и бессоюзных предложениях проявляется только сема «реальное желание»: *Алоқа бўлимидаги ўртоқларга тайинлаб қўйсангиз, баъзи-баъзида Москва билан боғланишимга ёрдам беришса* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Не попросите ли вы товарищей из отделения связи, чтобы они помогли мне иногда связываться с Москвой'.

По требованию акта коммуникации характерный для синтаксической стороны семы «реальное условие» контекст может стать благоприятным для семы «реальное желание»: *Қани энди оёқларим бутун бўлса. Шу бугун кетардим* (С. Аҳмад «Хижрон кунлари») 'Были бы ноги мои целы. Сегодня же я бы уехал отсюда'. Если в этом контексте опустить лексические средства, то он станет благоприятным для синтаксической стороны семы «реальное условие» и, в соответствии с этим, место ударения изменится, вследствие чего предложение с формой на *-са* приобретет синсемантичность и станет выполнять функцию придаточного предложения. В следующем контексте проявление модальных сем так же зависит от места ударения: *Онаси, сен шофёр боланинг олдида бориб дамингни олиб турсанг, ўғлинг билан бир-икки оғиз гаплашиб олардим* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Мать, ты пошла бы к шоферу и отдохнула там, а я бы немного поговорил с твоим сыном наедине'.

Эти факты наглядно показывают, что в форме на *-са* к обоим модальным семам проявляется одинаковое, то есть нейтральное, отношение⁴.

Проявлению временных сем способствует лексическое средство, каковым является обычно семантика глаголов. Так, если глагол предельный⁵, то в форме на *-са* в минимальном контексте проявляется сема «будущее время» (1), если — неопределенный,⁶ то сема «настоящее время» (2): *Қайёқда борсанг орқангдан соядек эргашаман* (С. Аҳмад «Қирқ беш кун») 'Куда бы ты ни пошел, я тенью буду следовать за тобой'; *Ўзинг тузатишни билсанг, мен асбоб топиб бераман* (А. Қаҳҳор «Сароб») 'Если ты сможешь починить сам, я найду инструмент'.

Если глагол нейтральный к данным признакам, то минимальный контекст не может быть благоприятным для временных сем, в связи с чем требуется дополнительное средство, в соответствии с которым проявляется либо сема «настоящее время» (1), либо «будущее время» (2):

⁴ Форма на *-са* выражала желание в тюркских языках и в прошлом. См., в частности: Э. Тенишев. К истории условного наклонения. «*Studia turcica*» Ed. L. Ligeti. Budapest, 1971; Х. Г. Нигматов. Морфология языка восточно-тюркских памятников XI—XII веков. Автореф. докт. дисс., Баку, 1978; А. Хожиев, А. Султонов. Шарт майли формаси бош маъносининг келиб чиқиши. — В журн.: «Ўзбек тили ва адабиёти», 1973, № 2.

⁵ С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959.

⁶ Там же.

Майда-чуйда олайми? — Ол! Бор бўлса — ол! (О. Ёкубов «Диёнат») 'Кое-что взять? — Возьми! Если есть — возьми!'; Мажлис бўлса бошланғич ташкилотларни мустаҳкамлаш керак деймиз (П. Қодиров «Уч илдиз») 'Если будет собрание, то скажем, что необходимо укреплять первичные организации'.

Временные семы могут уточняться, для чего служат лексические средства.

Форма на -са эди. Для этой формы релевантны две модальные и три временные семы, которые проявляются в благоприятных контекстах.

Модальные семы имеют общность, благодаря чему они проявляются как ирреальное условие⁷ и ирреальное желание.

Синтаксическая сторона семы «ирреальное условие» характеризуется тем, что форма на -са эди сочетается лишь с формой на -ар эди, выражающей ирреальное следствие: *Ёшлигингда ўлиб кетсанг эди, бундай гапларни эшитмаган бўлардим (Ойбек «Қутлуг кон») 'Если бы ты умерла в детстве, таких разговоров о тебе я не слушала бы'.*

Для усиления данной семы, как впрочем и семы «ирреальное желание», служат те же средства, что и в форме на -са.

Семантическая сторона семы «ирреальное желание» характеризуется отсутствием разновидностей, тогда как ее синтаксическая сторона совпадает с таковой в форме на -са, то есть форма на -са эди также употребляется в автосемантических синтаксических структурах: *Қандай қиз экан, бир кўрсам эди (А. Қаҳҳор «Сароб») 'Что за девушка. Увидеть бы раз'; Унинг мақсадларини билсангиз эди! Бу одам нималар ҳақида ўйлаб юрганини билсангиз эди! (О. Ёкубов «Диёнат») 'Если бы вы знали его намерения! Если бы вы знали, о чем думает этот человек!'*

Видно, что эмоциональное отношение говорящего к действию в форме на -са эди обусловлено интонацией. Для этой цели служат также лексические средства (междометия), сочетаемость которых в определенной степени отличается от формы на -са: *Мен охирги кунларни соат сааб кеч қилар эдим. Ҳар кунги почтага қатнаб... Эҳ, билсангиз эди! (П. Қодиров «Уч илдиз») 'Проводил я ночи напролет без сна. Каждый день бегал на почту... Эҳ, знали бы вы!'*

Модальные семы могут проявляться в одном и том же контексте, если в нем содержатся средства, способствующие проявлению их обеих: *Агар шу сердаромадлигига меҳнатни оз талаб қилса эди! (А. Қаҳҳор «Қўшчинор чироғлари») 'Если бы при такой прибыльности требовалось бы немного меньше труда'. В этом контексте выражению семы «ирреальное условие» способствует лексическое средство (агар), а семы «ирреальное желание» — фонетическое.*

В форме на -са эди первый компонент указывает на настоящее или будущее время, а второй — на прошлое, в связи с этим в ней содержится нейтральное отношение к трем временным семам, которые реализуются благодаря лексическим средствам (см. примеры, приведенные выше).

Форма на -ётса. В составе данной формы семантическая сторона семы «условие» нивелируется под воздействием первого компонента, но ее синтаксическая сторона сохраняется. В связи с этим контекст содержит соотносительное действие, представленное, как правило, формами прошедшего времени изъявительного наклонения: *Бир кунги пахта ортиб шаҳарга кетаётсам, учқўприкда бир ошнам учраб: «Э, аканг тирик экан, шаҳарда кўрдим, келаётпти» деб қолди (А. Қаҳҳор «Қўшчинор чироғлари») 'Однажды, нагрузив хлопок и направляясь в город, я встретил*

⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 234.

одного своего приятеля, который сказал: — «О, оказывается, твой брат жив, я видел его в городе, возвращается». В этом контексте форма на *-ётса* выполняет функцию сказуемого придаточного предложения времени и выражает длительное действие, имевшее место в прошлом. Следовательно, в ней проявлены семы «длительность», «прошедшее время» и «реальность».

Форма на *-ётса* выражает те же семы и в контекстах, где соотношенное действие представлено формами настоящего времени. Следует сказать, что в таких случаях данные формы транспонируются в типичные для форм прошедшего времени контексты, и их можно заменить последними: *Кеч кириб штабга хат ташлаб қайтаётган эдим. Ўзимиз дабдала қилган танк ёнидан ўтаётсам ичидан одам овози келяпти. Немисча гапирипти* (С. Аҳмад «Хижрон кунлари») 'Вечером, оставив письмо в штабе, я возвращался. Прохожу мимо подбитого нами танка, слышу, доносится человеческий голос изнутри. По-немецки говорит'.

Из сказанного следует, что для формы на *-ётса* релевантны три семы, одна из которых модальная, другая временная, третья аспектуальная. На основе модальной семы форма на *-ётса* составляет общность с формами изъявительного наклонения, но по своему синтаксическому свойству она идентична с формами условно-желательного наклонения. Таким образом, данная форма, в отличие от других, несет в себе особенности двух наклонений, что складывается из взаимодействия ее компонентов.

Форма на *-ган бўлса*. Для этой формы релевантны семы «реальное условие», «прошедшее время» и «перфектность», степень отмеченности которых неодинакова. Так, первые две семы проявляются в нейтральном контексте, каковым является минимальный контекст. Однако сема «реальное условие» сохраняет и свою синтаксическую сторону, в связи с чем форма на *-ган бўлса* встречается в контекстах, содержащих соотношенное действие: *Шундай деган бўлсам далил кўрсатинглар* (А. Қаҳҳор «Муҳаббат») 'Если я так сказал, то докажите'. В этом контексте соотношенное действие выражено формой повелительно-желательного наклонения. Оно может быть представлено и формами других наклонений или именным сказуемым.

Сема «перфектность» в этой форме проявляется в виде контактности с моментом речи, точнее говоря, результат действия, совершившегося до момента речи, наличествует в момент речи: *Аммо эрингиз шу аҳволга тушган бўлса, биздан нима истайсиз?* (Ҳ. Усмонов «Сирли соҳил») 'Но если ваш муж дошел до такого состояния, то что вы от нас хотите?'. Видно, что проявлению семы «перфектность» способствует лексическое средство. Если в контексте отсутствует подобное средство, то она не реализуется. Следовательно, выражение семы «перфектность» ограничено (в таблице отмечается знаком (+) / —).

Форма на *-ётган бўлса*. В этой форме маркированы семы «настоящее время», «длительность» и «реальное условие», проявляющиеся в нейтральном контексте, каковым является минимальный контекст. Однако из-за синтаксической стороны последней семы форма на *-ётган бўлса* не употребляется в минимальном контексте: *Қийналаётган бўлсангиз айтинг* (С. Аҳмад «Хижрон кунлари») 'Если вам трудно, то скажите'.

Релевантные семы могут проявляться конкретизированно: *Мен ҳозир нима қилаётган бўлсам ҳаммасини ўғлим учун қилаётиман* (А. Қаҳҳор «Қўшчинон чироғлари») 'Все, что я сейчас делаю, я делаю ради своего сына'. В этом контексте уточняется временная сема.

Форма на *-ётган бўлса* может выражать также семы «прошедшее время» и «реальность», но эти семы нельзя считать релевантными для

нее, так как они выражаются при помощи относительных слов и в самой форме на *-ётган бўлса* отсутствует выражение какого-либо отношения к ним: *Гапини қандай гапираётган бўлса ўшандоқ давом эттирди* (С. Ахмад «Уфқ бўсағасида») 'Он продолжал говорить так же, как и говорил'.

В систему условно-желательного наклонения входят также формы *-ган бўлса эди* и *-ётган бўлса эди*⁸, употребляющиеся крайне редко. Эти формы нами не наблюдались, поэтому на них не будем останавливаться.

На основании вышеизложенного представим в таблице набор и степень отмеченности релевантных сем для форм условно-желательного наклонения.

Таблица

Формы	Релевантные семы										
	Реальное условие	Ирреальное условие	Реальное желание	Ирреальное желание	Реальность	Прошедшее время	Настоящее время	Будущее время	Длительность	Идеальность	Непосредствен. обращение к слушающему
<i>-са</i>	+/-	-	+/-	-	-	-	+/-	+/-	-	-	(+)/-
<i>-са эди</i>	-	+/-	-	+/-	-	+/-	+/-	+/-	-	-	-
<i>-ётса</i>	-	-	-	-	+	+	-	-	+	-	-
<i>-ган бўлса</i>	+	-	-	-	-	+	-	-	-	(+)/-	-
<i>-ётган бўлса</i>	+	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-

Из таблицы видно, что для форм условно-желательного наклонения релевантны пять модальных, три временных, две аспектуальные и одна коммуникативная семы, степень отмеченности которых неодинакова; благодаря этому данные формы, во-первых, объединяются в одну систему, и, во-вторых, отличаются друг от друга или от форм других наклонений.

⁸ По утверждению Ю. Саидова, фактически встречается только первая из этих форм, см.: Ю. Саидов. Формы глагола, выражающие нереальность в современном узбекском языке. — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 54.

К. М. АБДУЛЛАЕВ

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Соотношение сложного и простого предложений может быть рассмотрено в двух аспектах. Первый из них заключается в сопоставлении сложного предложения в целом с его составной частью, представляющей собой в структурном плане простое предложение. Данный аспект может считаться в известном смысле динамическим, так как он предполагает глубинный, внутренний анализ. Второй аспект — это выявление специфических черт сложного предложения опять-таки в целом, с одной стороны, и простого изолированного предложения — с другой.

Предложения, входящие в состав сложного комплекса, как бы сливаются в нечто единое, служа общему замыслу и характеризуясь структурной цельностью. Таким образом составные части сложного предложения полностью утрачивают свою самостоятельность, становясь компонентами единого целого. Как справедливо отмечает Н. С. Поспелов, «составные части сложного предложения нельзя рассматривать как отдельные предложения, а только как взаимосвязанные и поэтому несамостоятельные элементы единого синтаксического построения»¹.

Данный тезис находит определенную поддержку С. Н. Иванова, который, ссылаясь на работу Г. Д. Санжеева, пишет: «...Придаточное предложение в составе сложного предложения не является коммуникативно полноценной единицей»². И далее: «В структурном отношении характер этой „неполноценности“ может проявляться по-разному в зависимости от различий в грамматическом строе языков»³.

Таким образом, считать простые предложения, входящие в состав сложных, самостоятельными было бы неправомерным, однако и отрицать то, что они представляют собой аналог самостоятельных предложений, тоже нельзя. Сложное предложение объединяет в своем составе взаимозависимые, хотя порознь и самостоятельные компоненты. Соединяясь вместе структурными и семантическими средствами, эти компоненты в коммуникационном отношении выступают неравноправными, что соответствующим образом оформляется. Последнее осуществляется как при помощи союзов, так и экстралингвистических средств. Это оформление неравенства служит одновременно и монолитному соединению частей. В этом отношении роль союза, соединяющего составные части сложного предложения, весьма велика. Именно союз является средством, на-

¹ Н. С. Поспелов. О грамматической природе сложного предложения. — В кн.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 336.

² С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959, стр. 86.

³ Там же.

рушающим автономную самостоятельность одной из частей (главной или придаточной) сложного предложения. Соединяясь с главной частью сложного предложения и синтаксически, и ритмически, союз (обычно *ки*) максимально ослабляет его структурную целостность; например: *Мэн көрдүм ки...* 'Я увидел, что...'; *Мэн охудум ки...* 'Я прочитал, что...'; *Мэн дедим ки...* 'Я говорил, что...' и т. д. При этом семантико-смысловая незавершенность главного предложения дополняется еще и его структурной открытостью. Следовательно, подобные комплексы не способны самостоятельно участвовать в речевой коммуникации (не учитывая многочисленные стилистические варианты). В этих случаях дополнительная часть, то есть придаточное предложение, выступает своего рода восполняющим средством. Как мы видим, деформированная часть нуждается в восполнении, а восполняющий компонент не может ни структурно, ни семантически отделиться от деформированной части. Обе эти части сложного предложения интенциональны, то есть взаимно предполагают наличие друг друга. Именно деформация одной части приводит к более монолитному слиянию частей сложного предложения. В результате одна из частей сложного предложения оказывается деформированной и семантически, и структурно, в связи с чем, естественно, утрачивает свою самостоятельность в процессе речи.

Однако и восполняющая часть тоже, несомненно, теряет способность функционировать в потоке речи самостоятельно, ибо и семантически, и интонационно она оказывается в полной зависимости от деформированной части. Вместе с тем нельзя, конечно, отрицать того, что аналог восполняющей части в виде отдельного предложения может функционировать вполне самостоятельно; например: *Мэн көрдүм ки, о кәлир* 'Я увидел, что он приходит'. Если деформированная часть *Мэн көрдүм ки...* самостоятельно, в изолированном виде не является структурной единицей, то восполняющая часть данного сложного предложения, то есть *о кәлир*, может функционировать самостоятельно.

В азербайджанском сложном предложении деформированной частью обычно является главное предложение, тогда как придаточное сохраняет свою структурно-семантическую целостность. Сложное предложение организуется именно благодаря тесной взаимообусловленности и спаянности его частей; как раз в этом и заключается, на наш взгляд, его специфика и суть.

Таким образом, сложное предложение отличается от простого, функционирующего изолированно, не только сугубо структурными особенностями, но и своей специфической коммуникативно-семантической установкой. В литературе обычно в качестве отличительных признаков этих синтаксических комплексов акцентируются именно их структурные различия⁴. Поэтому мы здесь остановимся на особенностях коммуникативно-функционального порядка. Думается, что в данном случае целесообразно было бы использовать принципы актуального членения.

Сопоставим два предложения: простое и сложное. Причем возьмем случай, когда сложное предложение представляет собой структурное распространение простого, что окажется неизбежно связанным и с коммуникативно-смысловым распространением. Ср.:

- 1) *Сәнин кәлмәјини мән билирдим* 'Я знал о твоём приезде',
- 2) *Мән билирдим ки, сән кәлмисән* 'Я знал, что ты приехал'.

⁴ См.: В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения. — «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 424; А. Абдурахманов. Основы синтаксиса сложного предложения современного узбекского языка. Ташкент, 1960, стр. 5; Э. Абдуллаев, J. Сејидов, А. Ёсенов. Мүасир Азәрбајҹан дили (синтаксис). Бақы, 1972, стр. 333 и др.

А. Абдуллаев, считая подобные предложения синтаксическими синонимами, пишет: «Один и тот же смысл можно выразить как простым, так и сложным предложениями. Например: *Мэн ешитдим ки, Әһмәд Москвадан җаһытмышдыр* 'Я слышал, что Ахмед возвратился из Москвы' является сложным предложением, а *Әһмәдин Москвадан җаһытмышыны мэн ешитдим* 'Я слышал о возвращении Ахмеда из Москвы' — простым. Эти предложения по смыслу очень близки, даже составляют синтаксическую синонимию»⁵.

Приведенные нами выше предложения по типу ничем не отличаются от предложений в процитированном фрагменте. Первое наше предложение является простым, а второе — сложным. Как нам представляется, формирование сложного предложения, которое, безусловно, является вторичным, в определенной степени зависит от коммуникативно-смысловых целей, которыми руководствуется информирующий, то есть говорящий.

Простое предложение, по сравнению со сложным, передает сообщение максимально нейтральным образом. С этой точки зрения, сложное предложение предстает стилистически не нейтральным, то есть построенным специально, ибо его главная часть по существу не содержит основной информации, а только подготавливает почву для нее. Основная коммуникативная информация заключена в придаточном предложении (ср.: *сән кәлмисән* 'ты пришел'). Таким образом, в данном случае главное предложение выступает своеобразной темой (*мэн билирдим ки...* 'я знал, что...'), а придаточная, восполняющая часть сложного предложения — ремой. Итак, сложное предложение, в сравнении с простым, является, как участник речевой коммуникации, более нацеленным.

Стилизованность (то есть специальная, особая организованность) сложного предложения проявляется еще и в том, что оно в своей первой, то есть в тематической, части не выполнило полностью коммуникативного задания, и поэтому вторая часть является одновременно и восполняющей коммуникативную целостность всего сложного предложения, и структурно-семантическим распространением определенного (пропущенного) члена в главном предложении — в данном случае прямого дополнения. Простое же предложение передает сообщение как бы в процессе его возникновения, то есть оно механически следует за событиями внешнего мира, бесстрастно их отображая. Оно стилистически совершенно нейтрально, в нем нет семантико-структурных окачков, и память не возвращается к уже совершившемуся: информация передается способом постепенного семантического наращивания.

В сложном предложении тематическая часть, то есть его главное предложение, представляет интерес и с точки зрения психологии построения связной речи. В главном предложении находит выражение, помимо заданности темы общей информации, также и такой важный в коммуникации элемент, как момент ожидания. Именно это ожидание и способствует более тесному объединению частей сложного предложения в единое целое в сознании реципиента.

Отметим, что не все типы сложных предложений могут быть в равной степени подвергнуты подобному тема-рематическому (актуальному) членению. Даже один и тот же тип придаточного предложения, в зависимости от местоположения, то есть позиции главного и придаточного предложений, может вести себя, с точки зрения принципов актуального чле-

⁵ Ә. Абдуллаев, Ј. Сејидов, А. Һасанов. Указ. раб.; стр. 333.

нения, по-разному. Для успешного применения данного метода необходимо, чтобы главное предложение занимало препозицию⁶, а придаточное — постпозицию. Обратный порядок частей сложного предложения не дает желаемого эффекта, так как придаточное предложение в принципе не может выполнять функции темы, а главное предложение — ремы. Это можно объяснить тем, что главное предложение деформируется в смысловом аспекте, а придаточное предложение наиболее полно передает информацию в данном контексте. Уточняется же и восполняется именно тема, то есть в данном случае — главное предложение, которое занимает препозицию. Ср.: 1) *Үрәјимә даммышды ки, бу саат кәләчәк-сән* 'Я сердцем чувствовал, что ты сейчас придешь' (придаточное подлежащее). 2) *Елә гачды ки, финишә биринчи чатды* 'Он так бежал, что к финишу пришел первым' (придаточное обстоятельство). 3) *Арзум будур ки, тез бөјүјәсән* 'Я мечтаю о том, чтобы ты быстрее вырос' (придаточное сказуемое). 4) *О елә ушаг тарбијә едиб ки, һамы әһсән дејир* 'Он такого ребенка воспитал, что все восторгаются им' (придаточное определение).

Здесь главные предложения находятся в препозиции. Все эти типы сложных предложений характеризует общая для главных предложений деформированность в семантико-структурном плане и их коммуникативная несостоятельность. Главные предложения в приведенных примерах представляют собой в информационном аспекте пустые ячейки, готовые наполниться реальной информацией.

Возвращаясь к мысли о различиях между сложным и простым изолированными предложениями, следует особо подчеркнуть, что это различие помимо структурного момента содержит еще коммуникативно-смысловой момент. Сложное предложение, будучи специально организованным единством синтаксических комплексов, служит способом наиболее эффективной передачи информации. Таким образом, преднамеренное использование в речи придаточного предложения можно непосредственно связать с коммуникативной установкой говорящего. Подобная рематизация целого синтаксического комплекса является коммуникативно-смысловым условием образования придаточных предложений, условием для их специального обособления — «парцелляции». В заключение отметим, что сложное предложение, вернее определенные его структурные типы, благодаря прозрачному делению частей на тему и рему, то есть резкому структурно-коммуникативному отличию от простого предложения, представляет собой качественно новый этап в синтаксическом способе выражения мысли.

⁶ Ср. мнение академика А. Н. Кононова, который обосновывая препозицию главного предложения в определенных условиях, связывает это с его акцентированностью по отношению к придаточному: «...Логически, а следовательно, и фактически, наиболее акцентированная часть предложения выдвигается вперед...». См.: А. Н. Кононов. Некоторые проблемы исторического синтаксиса тюркских языков. — В сб.: «Восточная филология». Институт востоковедения АН Груз. ССР, Тбилиси, 1973, стр. 173.

Г. И. МАМАНОВА

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ АФФИКСОВ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Аффиксы субъективной оценки занимают значительное место среди изобразительных средств языка. Посредством использования этих аффиксов передаются самые разнообразные эмоции, чувства и т. п. От многих существительных при помощи этих аффиксов образуются формы с уменьшительным, пренебрежительным, ласкательным и другими эмоциональными оттенками значений. Вопрос об аффиксах субъективной оценки в общем связывают с категорией уменьшительности-ласкательности и т. п.

В тюркских языках аффиксы субъективной оценки до сих пор не являлись объектом специального изучения. Некоторые тюркологи, рассматривая аффиксальное словообразование существительных, лишь попутно останавливаются на производных существительных, образованных при помощи аффиксов субъективной оценки.

П. М. Мелиоранский пишет, что «для образования уменьшительных значений употребляются чаще всего следующие суффиксы: а) *-мак/-мек*, б) *-ча*, в) *-ша/-ше*, г) *-қан* и т. п.¹».

А. Н. Кононов, говоря об аффиксах субъективной оценки имен существительных в узбекском языке, называет следующие из них: *-чок*, *-чак*, *-чик*, *-ча*, *-жон*, *-қай*, *-қа*². Он отмечает также, что в турецком языке аффиксальным способом образуются лишь формы с уменьшительно-ласкательным или, реже, уменьшительно-уничижительным значением, а увеличительные, резко пренебрежительные и другие эмоциональные значения передаются синтаксическим или морфолого-синтаксическим способами: например, русскому слову «ручища» в турецком соответствует *büyük el* «большая рука»³.

Авторы «Грамматики тувинского языка» Ф. Исаков и А. Пальмбах указывают, что в тувинском языке, как и в других тюркских языках, уменьшительно-ласкательные формы можно образовывать не от каждого существительного и, тем не менее, эти формы образуются здесь чаще, нежели во многих других тюркских языках. Уменьшительно-ласкательные формы существительных в тувинском языке образуются главным образом при помощи аффикса *-чак/-чык*, представленного различными

¹ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Часть I, СПб., 1897, стр. 30.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 125.

³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 112.

фонетическими вариантами⁴. Аффикс *-чак/-чык* в соответствующей огласовке встречается во всех тюркских языках. Аффикс *-чагаш/-чыгаш*, являющийся вариантом аффикса *-чак/-чык*, помимо тувинского языка используется и в некоторых других тюркских языках, прежде всего в алтайском, хакасском и шорском.

Как отмечает Н. П. Дыренкова: «С помощью аффикса *-чагаш/-чегеш* (являющегося как бы сложным аффиксом *-чак-аш* и *-чек-еш*) образуются имена существительные от односоставных основ на согласный. Примеры: *уулчагаш* 'сын' (от *уул* 'сын'), *кысчагаш* 'девчонка' (от *кыс* 'девица')»⁵.

В «Грамматике башкирского языка» Н. К. Дмитриев пишет: «Аффиксы ласкательно-уменьшительной формы встречаются особенно в фольклорных песнях... Аффикс ласкательной формы звучит *қай, қәй*. Примеры: *ил-кәй* ('сторонушка'), *эсә-кәй* ('матушка'), *ер-кәй* ('землица'), *дус-қай* ('дружок') и т. п.»⁶.

Н. А. Баскаков в работе «Қарақалпақский язык» останавливается на аффиксах ласкательной и уменьшительной формы: *-шақ, -шеқ* (*келіншек* 'невестушка'); *-ша; -ше* (*джолша* 'дорожка') и т. д.⁷

Из приведенного можно сделать вывод, что вопрос об использовании аффиксов субъективной оценки в тюркских языках специально не изучался и в исследованиях о нем говорится лишь попутно, в связи с суффиксальным словообразованием.

В существующих грамматиках казахского языка аффиксы субъективной оценки также рассматриваются лишь в рамках словообразования существительных. Количество этих аффиксов в казахском языке ограничено, однако это компенсируется большим разнообразием присущих им оттенков значений. Например: *Ағатай-ау, мұны мен қайтпекпін?* 'Дядюшка, что я могу с ним сделать?'; *Біздің Нукетай да жігіт болып қалды ғой* 'Наш Нукетай тоже стал джигитом' («Әдебиеттік оқу кітабы»).

Экспрессивные возможности аффиксов субъективной оценки с трудом поддаются точному описанию в связи с тем, что употребление их выражает массу оттенков смысла субъективного характера в зависимости от контекста.

В русском языке насчитывается довольно большое количество суффиксов субъективной оценки со значениями уменьшительности, ласкательности, пренебрежительности, увеличения. К. С. Аксаков писал, что с присоединением этих суффиксов получаются разные формы одного и того же слова, но не образуются новые слова⁸.

Вопрос о суффиксах субъективной оценки в русской грамматической науке освещен значительно шире, нежели в тюркологии. В грамматиках современного русского языка эти суффиксы каталогизируются, указываются некоторые особенности их грамматических связей с производящими основами, отмечается, что употребление их присуще разговорной речи и языку художественной литературы.

В. М. Насилов утверждает, что в тюркских языках аффиксы *-ча, -лык, -сыз* являются не только словообразовательными, но и словоизменительными и вводит для них новое название «аффиксы включения»⁹.

Аффиксы субъективной оценки в казахском языке, не меняя принадлежности слова к данной части речи, образуют особую, специфическую

⁴ Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмах. Грамматика тувинского языка. М., 1960, стр. 70.

⁵ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 32.

⁶ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 70.

⁷ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. М., т. II, 1952, стр. 179.

⁸ К. С. Аксаков. Опыт русской грамматики. М. 1975, ч. II, стр. 61.

⁹ В. М. Насилов. Аффиксы включения. — «Вопросы языка и литературы стран Востока», М., 1958, стр. 31.

для нее грамматическую категорию и привносят в выражаемый смысл ту или иную эмоциональную оценку предмета: уважение, почтение, пренебрежение, уничижение, уменьшительность и т. п. Приведем несколько примеров: 1. *Апатай, сабақтан қалып қоямын ғой* (М. Иманжанов «Таныс қыз») 'Тетенька, я же отстану от занятий', 2. *Таусымақтың иты «Букпа» болуын әркім әртүрлі жориды* (С. Мұқанов «Ботагөз») 'Каждый по-своему истолковывает название горки «Букпа»', 3. *Біздің бастықсымақ ауданға кетіпті* 'Оказывается, наш начальник уехал в район', 4. *Жоқ әшейін бір обашық, — деді* (Б. Майлин «Шұғаның белгісі») 'Нет, просто бугорок, — сказал он'.

В данных предложениях аффиксы *-тай, -сымақ, -шық*, включенные в состав слов *апатай* 'тетенька', *таусымақ* 'горка', *обашық* 'бугорок', *бастықсымақ* 'начальничек', привносят только эмоциональные оттенки в основные лексические значения, не образуя слов с новым значением.

В настоящей статье будут рассмотрены аффиксы субъективной оценки с уменьшительным и ласкательным значениями.

В казахском языке уменьшительно-ласкательный оттенок передается существительным посредством следующих аффиксов: *-шық, -шік, -қай, -ша, -ше, -жан, -шек, -тай*.

Аффиксы *-шық, -шік*, присоединяясь к именам существительным, обозначающим неодушевленные предметы, придают им значение уменьшительности; например: *қалашық* 'городок', *төбешік* 'горка', *көлшік* 'озерко' и т. д. Аналогичный смысл может быть выражен и сочетаниями: *қалашық — кішкентай қала* 'маленький город', *төбешік — кішкентай төбе* 'маленькая гора', *көлшік — кішкентай көл* 'маленькое озеро'. В приведенных примерах аффикс *-шық, -шік*, не меняя лексического значения слова, лишь модифицирует его. Это позволяет нам утверждать, что рассматриваемый аффикс *-шық, -шік* относится к лексико-грамматической категории средств словоизменения с уменьшительно-ласкательным значением.

Другой аффикс субъективной оценки *-ша, -ше* также выражает уменьшительное значение. Сфера применения аффикса *-ша, -ше* шире, нежели аффикса *-шық, -шік*, так как он присоединяется как к названиям неодушевленных предметов, так и к названиям животных; например:

1. *Балалар шиден садақша жасап алды* (С. Айни «Мектеп») 'Дети из чья сделали маленькие луки', 2. *Жанында тұрған қара қобдиша — ескі жолдасы* (Б. Майлин «Толық шығармалар») 'Стоящий возле него старый ящичек — старый друг его', 3. *Мынандай көрпешелердің үстінде өмірінде бір рет отырып па едің? — деді* (С. Айни «Құлдар») 'Сидел ли ты когда-нибудь на таких одеяльцах? — спросил он'.

В словах *садақша* 'маленький лук', *қобдиша* 'сундучок', *көрпеше* 'одеяльце' аффикс *-ша/-ше* не меняет лексического значения слова, а только модифицирует его, придавая ему уменьшительное значение. Следует отметить, что аффиксы *-шық/-шік* и *-ша/-ше* в единичных случаях выполняют и словообразовательную функцию: *үйшік* 'конурка', *кіршік* 'пятнышко', *қарашық* 'зрачок' и т. п. В данном случае выступают не формы субъективной оценки, а самостоятельные производные слова, ибо, например, не каждый маленький дом может быть назван *үйшік*. Точно так же и *қарашық, кіршік* выступают в сочетаниях *көздің қарашығы* 'зрачок глаза', *кіршіксіз таза көңіл* 'душа без соринки' как производные образования с новым лексическим значением. Ср. *ханыша* 'дочь хана', *тайынша* 'бычок', *кітапша* 'брошюра', во всех этих случаях аффикс *-ша* выполняет словообразовательную функцию. Ср. также: 1) *Саулет сендер-*

ге *құдаша болды* 'Саулет вам приходится сватьей', 2) *Білмеймін, жеңешемнен рұхсат сұрайын* (С. Мұқанов «Ботагөз») 'Я не знаю, у тетеньки спрошу разрешения'. В данных предложениях слова *құдаша, жеңеше* не являются уменьшительно-ласкательными образованиями. Аффикс *-ша*, присоединяясь к основам *құда* и *жеңге*, образует новые слова, обозначающие родственные отношения. Женщина преклонного возраста может быть *«құдаша»* для говорящего. В отличие от слов *қобдиша* 'сундучок', *күркеше* 'шалашик', которые употребляются в уменьшительном значении, слова *тайынша* 'бычок', *құдаша* 'сваха' нельзя передать словосочетанием *кішкентай тайын* и *кішкентай құда*.

Аффикс *-ша/-ше*, в отличие от других аффиксов, присоединяется к некоторым качественным именам прилагательным, например: *сұлуша* 'славенькая', *әдеміше* 'хорошенькая', *көкше* 'синеватый', *караша* 'черноватый' и т. п.

Следует заметить, что в казахском языке имеются особые уменьшительно-ласкательные аффиксы *-қан, -шақ*, которые прибавляются только к существительным, обозначающим молодых животных. Эти аффиксы употребляются для выражения ласкового обращения; например: *ботақан* 'верблюжонок', *бұзауқан* 'теленочек', *құшақан* 'ягненок', *құлыншақ* 'жеребеночек'.

Только *лақ* 'козленок' в казахском языке не имеет ласкательной формы. Это можно объяснить тем, что коза по сравнению с остальными животными в хозяйстве казахов занимает второстепенное место и козленка в казахском языке именуют обычно пренебрежительно: *шұнақ, ку шұнақ*.

Аффикс *-тай* наиболее часто образует ласкательно-вежливую форму обращения и его прибавляют к основе слова, обращаясь к старшему; например: 1. *Ағатай, бүгін қонып кетсейші! — деді жалбыр шашты қара қыз* (Б. Майлин) 'Дяденька, останьтесь сегодня ночевать! — попросила смуглая девушка с распущенными волосами', 2. *Айтыы, әже-тай... Айтыы ертегі!* (Б. Майлин) 'Расскажи, бабуся... Расскажи сказку!', 3. *...Жеңешетай, жылама* (И. Жансүгіров) 'Тетенька, не плачь'.

Этот же ласкательно-вежливый оттенок придает аффикс *-тай* и собственным именам, например: *Сәулетай! Кет алысқа, алысқа...* (Б. Майлин) 'Саулетай! Иди далеко, далеко...'; *Биыл Каматай жетінші класта оқиды, келесі жылы Саматай да оқуға түседі* 'В этом году Каматай учится в седьмом классе, на будущий год Саматай тоже пойдет учиться'. Следует заметить, что данный аффикс присоединяется как к полным, так и к усеченным собственным именам. В последнем случае он чаще всего употребляется после согласных *л, м, н*, например: *Әлибек — Әлтай, Қанипа — Қантай, Салиха — Салтай, Қамария — Каматай, Самұрат — Саматай* и т. п.

Ласкательное обращение говорящего к младшему товарищу выражается при помощи прибавления к основе его имени аффиксов *-ш, -кен*; например: *Қалима — Қалыш, Батырбек — Баташ, Садық — Сакен, Пәтима — Пәкен, Қалибек — Қалкен* и т. п.

Аффикс *-ш* один из продуктивных аффиксов в казахском языке. Он употребляется не только с собственными именами, но и с нарицательными именами в притяжательной форме: *әкешім, көкешім, сәулемім, аташым* и т. п. В данных словах выражает чувство умиления: *Шошынба, шошынба, қалқашым!* (Д. Таникеев «Жастық») 'Не пугайся, не пугайся, миленький!'; *Сол жерде жатып, көкешім, менің де қамым жедің бе?* («Алпамыс») 'В чужих краях, родимый, ты заботился обо мне?'.

В современном казахском языке при вежливом обращении к пожи-

лым или молодым уважаемым людям к основам собственных имен прибавляются аффиксы *-ка, -еке*; например: *Жумабек — Жумеке, Қасен — Қасеке, Бекбай — Беке, Мұқан — Мұқа, Нығмет — Ныға, Темірбек — Темеке* и т. д. Аффикс *-еке*, являющийся весьма продуктивным, обычно добавляется к первому слогу слова: *Сәбит — Сәке, Мәжит — Мәжеке* и т. д. Данный аффикс образовался от тюркских слов *ака, аға, әке*. В узбекском языке вежливое обращение выражается путем прибавления к полным собственным именам слова *эка*: *Қасым эка, Турсун эка, Шараф эка* и т. д.

Таким образом, аффиксы *-ш, -кен, -тай* употребляются для придания уменьшительно-ласкательного значения, а аффиксы *-еке, -ка* — для выражения уважения, при обращении к старшему. Например, человека по имени *Жумабай*, старший его по возрасту ласково называет *Жумаиш, Жуматай*, присоединяя к основе имени аффиксы *-ш, -тай*; но при достижении им (Жумабаем) более солидного возраста, младшие к нему обращаются почтительно: *Жумеке*.

В аналогичном случае в русском языке распространенным видом вежливого обращения к собеседнику служит полное имя и отчество. Образование вежливой формы обращения к собеседнику с помощью определенных аффиксов характерно для языков тюркской группы, в частности, для казахского языка.

Аффикс *-жан* также один из продуктивных аффиксов субъективной оценки в тюркских языках. В современном казахском языке слово *жан* 'душа', выполняя функцию аффикса, присоединяется к некоторым собственным именам и к словам, обозначающим родственные отношения; например: *Боряжан, қорқынышты ойлама* (М. Иманжанов «Таныс қыз») 'Боряжан, не думай о страхе'; *Ботажан, сен кел!* — *деді Балтабек* (С. Мұқанов «Ботагөз») 'Ботажан, ты приходи! — сказал Балтабек!'; *Мен кеткен соң, атажан, көрерсің құлдан қорлықты* («Алпамыс») 'Атажан, когда я уеду, тебя будут обижать'.

Аффикс *-жан* в данных примерах выражает ласковое обращение и не обнаруживает непосредственной связи со своим прямым значением «душа». Этот аффикс входит и в состав личных имен, почти утрачивая в этом случае ласкательное значение; например: *Бақытжан, Қадыржан, Қалижан, Әлижан* и т. д.

Аффикс *-сымақ*, присоединяясь к именам существительным, вносит в их значения оттенок пренебрежения, то снисходительного, то выражающего сильное презрение говорящего; например: *Таусымақтың аты «Бұқпа» болуын әркім әртүрлі жориды* (С. Мұқанов «Ботагөз») 'Каждый по-своему истолковывает название горки «Букпа»'; *...батырсымақ манаптар қорғаймыз деді орманды* (Ж. Джабаев «Шығ») '...богатырчики чиновники обещали защитить лес'; *Мына орында бастықсымағымыз отырады* (С. Мұқанов) 'Здесь сидит наш начальник'.

Особенность этих аффиксов субъективной оценки заключается в том, что они не подчиняются законам сингармонизма и присоединяются к основам слов после слогов, оканчивающихся как на согласный, так и на гласный звуки в одном и том же фонетическом варианте.

Таким образом, формы, выражающие эмоционально-экспрессивные оценки, являются внутрикатегориальными формами имен существительных и подлежат выделению в отдельную семантическую группу.

Ю. В. ШЕКА

О СООТНОШЕНИИ ПАРНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТУРЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

С лингвистической точки зрения в турецкой разговорной речи воплощаются как элементы центрального ядра, так и определенной периферийной (обслуживающей лишь сферу устной непринужденной речи) части системы литературного языка. При этом отличительные особенности турецкой разговорной речи связаны именно с элементами периферийной части. Наиболее важные особенности разговорного языка находят широкое отражение в речи персонажей современной художественной литературы, театральных и радио постановок, кинофильмов, что создает благоприятные возможности для их активного изучения.

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые особенности парных членов предложения в турецкой разговорной речи и предпринята попытка определить соотношение собственно парных членов, выполняющих функцию уточнения пропозитивной номинации, и предикативных конструкций, внешне также часто строящихся на употреблении парных членов, однако выполняющих функцию уточнения комплекса предикативных значений предложения.

Предварительно необходимо коротко остановиться на синтаксическом статусе парных членов предложения вообще.

В разговорной речи многих языков весьма распространены такие предложения, в которых синтаксическая позиция подлежащего, сказуемого, прямого и косвенного дополнения может быть представлена соединением двух словоформ, образованным не на основе присловных связей. Например, в русской разговорной речи сказуемое иногда бывает представлено сочетанием двух одинаковых форм разных глаголов: «хочет заливается», «стоит не шелохнется», «успокаивают приходят», «секретари сидели — глаза поднять не смели», «сейчас же бегу напишу письмо», «садись-ка один из вас и пиши, что я говорить буду»¹. Аналогичные примеры из турецкой разговорной речи: *Kapıya kadar gitti durdu dibinde* 'Он дошел до двери и встал на пороге' [3, 175]; *Ben gidip haber vereyim* 'Пойду-ка я сообщу' [3, 174]; *Entarini çikar da giyin* 'Вынь свой халат да надень' [5, 177].

Парные члены предложения следует отличать от однородных членов. Так, в академической грамматике русского языка подчеркивается синтаксическая целостность указанных выше случаев замещения позиции сказуемого двумя одинаковыми формами разных глаголов. Как и в турецкой разговорной речи, управляемое одним из этих глаголов имя может непосредственно соседствовать не с управляющим глаголом, а с

¹ «Русская грамматика». Т. II, Москва, 1982, стр. 240; о соединении словоформ, образованном не на основе присловных связей, см. там же, стр. 90.

другим глаголом парного сказуемого: «сiju смотрю телевизор», «я им задачки прихожу решаю»; ср.: *Hadi şimdi al git beni!* 'Ну давай забирай меня и уезжай!' [8, 459]. Однородные же сказуемые трактуются часто как промежуточная форма между простым и сложным предложением: «я проснулся и пошел домой», «она то посидит, то походит»².

Использование парных членов связано с присущей разговорной речи общей тенденцией к более детальной передаче пропозитивной номинации. В предложениях с парными членами номинация остается единой и целостной, хотя одновременно она и состоит из двух элементов, соответствующих парным членам; например, в предложении: *Gitti güneşe yattı* 'Он пошел да лег на солнце' имеется парное сказуемое, состоящее из двух элементов *gitti* 'пошел' и *yattı* 'лег', которые, однако, мыслятся говорящим как единое целое, передающее одно действие с двумя различными составными элементами. Этим парные члены отличаются от однородных членов предложения. Последние служат для выражения двух отдельных номинаций, соединенных в одном предложении при помощи общего элемента; например, различные действия, выраженные однородными глагольными сказуемыми, могут объединяться в одном предложении при помощи общего субъекта: *Kapısı önünden birkaç kez geçtim, ama kapısını çalmak için yüreklemedim* 'Я прошел несколько раз мимо его двери, но не сумел набраться смелости постучать' [7, 111]. Следует подчеркнуть, что большое значение, с точки зрения различия между парными и однородными членами предложения, имеет интонация. Парные члены произносятся с объединяющей интонацией. Те же члены, произнесенные с разделительной паузой и перечислительной интонацией, составляют уже отдельные части двух расчлененных номинаций. В разговорной речи парные члены предложения встречаются значительно чаще, чем однородные; в письменной же речи, наоборот, употребление однородных членов весьма распространено, а парные члены встречаются редко.

Таким образом, парные члены предложения можно определить как наблюдающееся обычно в разговорной речи замещение синтаксической позиции соединением двух словоформ, образованным не на основе присловных связей и объединенных соответствующей интонацией.

Общей теоретической посылкой в настоящей статье является выделение принципиально различных типов (или аспектов) значений, выражаемых предложением: номинативного аспекта (пропозитивная номинация, то есть как бы лексическое значение предложения), предикативного аспекта (грамматическое значение предложения) и коммуникативного аспекта (выражение актуального членения). Единицы языка, в которых теми или иными способами выражены все эти типы значений, и являются предложениями³. Указанный подход к семантике предложения оказывается весьма плодотворным при рассмотрении особенностей разговорной речи. Так, он позволяет обосновать различие в значении следующих двух предложений: *Kalktı gitti* 'Он встал да ушел' и *Kol saatini kaybetti gitti* 'Он так и потерял свои наручные часы'. Если в первом предложении глагол *gitmek* 'идти, уходить' участвует в создании пропозитивной номинации своим лексическим значением, то во втором предложении *gitmek*, являясь элементом разговорной предикативной конструкции, никак не участвует в пропозитивной номинации и целиком служит лишь для выражения грамматического значения предложения (подчеркивает завершенность действия, обозначенного глаголом *kaybetmek* 'терять').

² «Русская грамматика», стр. 461.

³ О предикативности как грамматическом значении предложения см.: «Русская грамматика», стр. 86; определение предложения см. там же, стр. 89—90.

Остановимся вначале на наиболее важных типах парных членов предложения в турецкой разговорной речи.

Парные подлежащие имеют место тогда, когда говорящий не выделяет отдельно (по смыслу и интонационно) каждый из двух субъектов, объединенных одним действием или признаком. Оба элемента парного подлежащего могут выражать две отдельные стороны общей пропозитивной номинации (см. ниже примеры 1—4), уточнять данную одну и ту же часть номинации (примеры 5 и 6) или передавать субъект номинации как бы приближенно в виде двух одинаково возможных вариантов (примеры 7 и 8): 1) *Ayağında beyaz çizme, pantolon...* 'На ней были белые сапожки, брюки...' [7, 81]; 2) *Azı da bir çoğu da* 'Мало или много, все равно' [8, 25]; 3) *Bir saat daha geçti, ne gelen var ne giden* 'Прошел еще час, никто не пришел и не ушел' [7, 60]; 4) *Ne o bakıyor ne ben* 'Ни он не смотрит, ни я' [7, 81]; 5) *Aç insanda farkında mısınız bir zavallılık, bir yabancılık var* 'Не знаю, заметили ли Вы, в голодном человеке есть какая-то подавленность, отчужденность' [7, 70]; 6) *...Polis mi ne biri (onu) yakalayıp götürmeye kalkmıştı* 'То ли полицейский, то ли еще кто попробовал (его) поймать и забрать' [6, 148]; 7) *Senin peyine otel, lokanta, birader!* 'Дорогой, зачем тебе гостиницы, рестораны!' [7, 50]; 8) *Bunda utanacak, sıkılacak ne varmış!* 'Чего здесь собственно стыдиться да стесняться!' [7, 34].

Как видно из приведенных примеров, парные подлежащие могут располагаться во фразе контактно (примеры 1, 5, 7 и 8) или дистантно, будучи разделены либо общим сказуемым (примеры 2, 3 и 4), либо другими словами (пример 6).

Парные (прямые и косвенные) дополнения связаны со свойственными разговорной речи случаями более детальной передачи объекта действия. Элементы парного дополнения обычно уточняют соответствующую сторону пропозитивной номинации, как бы поясняя друг друга: *Git, suratını büyüğü sabunla da gel!* 'Пойди вымой сначала с мылом лицо да усы!' [4, 283]; *...Her şeyi anlatırım. Parasızlığımı da söylerim, açlığımı da* '...Я все расскажу. Скажу, что и денег у меня нет, и что я голоден' [7, 55]; *Hapisliği, sürgünlüğü yatılı okul mu sapıyor?* 'Он что, в тюрьме да в ссылке хочет жить как в школьном пансионе?' [7, 69]; *Kimi alıyor, seni mi?* 'Кого он берет (в жены), тебя что ли?' [8, 370]; *Soğuk algınlığına, kırıklığa birebirdir* 'Это лучшее средство от простуды и ломоты' [7, 30]; *Yalan! Düşmanlığa söylemiştir, bizi ayırmağa* 'Неправда! Он (это) сказал из-за вражды и желания нас разлучить' [8, 406].

Как и в случае парных подлежащих, здесь также наблюдается как контактное, так и дистантное расположение элементов.

Парные дополнения, как и парные подлежащие, следует отличать от лексических парных словосочетаний, употребляющихся в роли дополнения или подлежащего. Устоявшееся парное словосочетание, несмотря на наличие двух элементов, имеет лишь одно номинативное значение, например, *Zaten bize orada, konu komşu sanki Merih'ten gelmişiz gibi bakıyordu* (-komşuların hepsi) 'Собственно, на нас там все соседи смотрели так, словно мы с луны свалились' [7, 111]; *Bütün malını mülkünü yemişi bitirmiştir* 'Все ее состояние он проел' [7, 47].

Парные сказуемые являются, по сравнению с другими парными членами предложения, наиболее распространенными в турецкой разговорной речи. С точки зрения их номинативной семантики приобретает важность вопрос о соотношении действий или признаков, выражаемых каждым из элементов парного сказуемого. Глаголы, выступающие в роли этих элементов, часто выражают последовательность во времени двух

действий: Mustafa yatağa girdikten sonra analığı lambayı *alıp götürmüş-tü* 'После того, как Мустафа лег в постель, его матушка унесла лампу (букв. взяв унесла)' [8, 44]; Kalk *git!* 'Вставай да уходи!' [8, 207]; Bu tabanca dolu! *Boşalt da ver!* 'Этот пистолет заряжен! Разряди и дай его сюда!' [8, 35].

Иногда действия, обозначенные элементами парного сказуемого, трудно разделить и указать, какое из них предшествует другому: Çocuk-ları *kırdım geçirdim* 'Я перепеленала детей' [6, 52].

В другой класс можно объединить парные сказуемые, в которых один из элементов (обычно выраженный первым глаголом) как бы уточняет, дополняет номинативное содержание другого действия: Dışarda milleti şağanlar ellerini kollarını *sallayıp geziyor* 'На свободе спокойно гуляют те, кто наживался за счет народа (букв. размахивая руками, гуляют)' [9, 333].

Очень часто элементы могут рассматриваться одновременно и как выражение последовательности действий, различимых в единой номинации, и как уточнение номинативной стороны характера действия: Kariyi *çarırıp çıktı* 'Он вышел, хлопнув дверью' [9, 97].

Элементы парного сказуемого могут выражать и оттенок причинно-следственных отношений между соответствующими действиями и признаками: ...Cahilsin de bilmezsin '...Темный ты, вот и не знаешь' [8, 323]; Seni pencereden *gördüm de geldim* 'Я увидел тебя из окна, вот и пришел' [7, 60]; Basarsın da nasıl *okumazsın?* 'Ты печатаешь, так как же не читаешь (того, что печатаешь)?' [7, 142].

Парные сказуемые могут образовываться следующими тремя способами.

1. Деепричастие на *-ip* от первого глагола плюс второй глагол в соответствующей финитной форме. Этот способ употребляется тогда, когда оба элемента представлены глагольными сказуемыми. Аффиксы времени, числа, лица у глагола, имеющего финитную форму, одновременно относятся и к действию, выраженному первым глаголом: Seni kuytuuya *çekip dövecekler* 'Они заманят тебя в укромное место и побьют' [8, 416]; O başını *çevirip bakıyor* 'Он повернул голову и смотрит' [7, 27]; Kariyi *çekip çıktım* 'Я открыл дверь да вышел' [7, 49].

Рассматриваемый способ с формой повелительного и желательного наклонения употребляется обычно лишь в первом лице: Rıpağı ver Mustafa! Suyu *alıp gideyim!* 'Пусти к источнику, Мустафа! Я наберу воды да пойду!' [8, 260].

Иногда наблюдается перестановка местами элементов парного сказуемого, построенного рассматриваемым способом; тогда после деепричастия на *-ip* следует частица *da*: Fazlasını ne *yarasağım alıp da?* 'Ну возьму я больше и что буду (с этим) делать?' [2, 168].

2. Оба сказуемых в финитной форме; при этом обычно показатели наклонения, времени, числа и лица у обоих элементов совпадают. Во всех простых временах изъявительного наклонения, кроме прошедшего категорического, аффиксы, выражающие число и лицо, а также аффиксы сложных времен (например, аффикс *-di* как показатель определенного и неопределенного имперфекта) имеются лишь у второго элемента, однако, относятся, как ко второму, так и к первому: Hiç meraklanma, yarın kızı buraya ablan *alır gelir!* 'Будь совершенно спокойна, завтра твоя старшая сестра (эту) девочку приведет сюда (букв. возьмет ее и приведет)!' [8, 266]; Bu kadar *yanmış beklemişsin!* 'Говорят, ты так страдала, ждала!' [8, 322]; 650 kuruş borcu var bize. Yarın *ister alırsın* 'Он нам должен 650 курушей. Завтра спросишь (их у него) и возьмешь' [8, 43]; Siftahı hayrina kilosunu beş kuruştan *al git!* 'Ради меня (ради того,

чтобы я начал торговлю) покупай по 5 курушей за кило да ступай (сбе)! [8, 114]; ...Hiç hastalığı yoktu. Melekler gibi evlâdım, akşam emzirdim yatırdım '...Он был совсем здоров. Как ангелочек (был) сынок; вечером его накормила, уложила' [6, 53]; Saadece «güzel bacak» olsa, «eh işte» der geçerdi 'Если б просто речь шла о «красивых ногах», он сказал бы: «Ну и что?», да прошел бы мимо' [6, 103].

3. Тот же способ, что и предыдущий, но между элементами стоит частица *da*: (Bu) denildi mi Yâmören'in mezarda olan herifleri *kalkar da yürür* 'От этих слов усопшие жители Ямерена встанут из могил да пойдут' [8, 271]; — Dargın olsak yanyana çalışır mıyız? — Köylüden *utanır da çalışırsınız* '— Если б мы были в ссоре, так разве работали б рядом? — Вы стыдитесь крестьян, вот и работаете (вместе)' [8, 396]; Yunus, Şarlo'yu *hatırladı da güldü* 'Юнус вспомнил Чарли Чаплина и засмеялся' [4, 300]; Yedi ay mahpusluk verdik... *Yat da çık* 'Мы приговорили (тебя) к семи месяцам тюрьмы... Отбудь наказание и выходи (на свободу)' [8, 250].

Элементы парного сказуемого обнаруживают определенную тенденцию к контактному расположению (наличие или отсутствие между ними частицы *da* в данном отношении в расчет не принимается, так как она является структурным элементом самого способа образования парных сказуемых), при этом члены, относящиеся к ним, могут выноситься в конец фразы: Kocam bizi *biraktı gitti* Almanya'ya 'Мой муж нас оставил и уехал в Германию' [4, 255]; Bak, sana neler *aldım geldim* Ankara'dan 'Смотри, что я купил и привез тебе из Анкары' [8, 119]; Seni *alır götürürüm* Ankara'ya 'Я заберу тебя и увезу в Анкару' [8, 459].

Как уже отмечалось, вынесенное в конец фразы дополнение может относиться не ко второму элементу парного сказуемого, а к первому: Hadi şimdi *al git* beni! (перевод и источник см. выше). С другой стороны, одно из дополнений, находящихся перед парным сказуемым, может относиться не к первому, а ко второму элементу: Ağan Murat bile *Simi-cak'tan* işini *birakır gelir* 'Даже твой старший брат Мурат оставит свои дела и придет из Сымыджака' [8, 107].

Вместе с тем наблюдается и дистантное расположение элементов, особенно тогда, когда слово, находящееся между ними, относится ко второму элементу и несет на себе коммуникативную нагрузку. При дистантном расположении элементы парного сказуемого объединяются соответствующей интонацией: Çay paralağını *ver de öyle git* 'Заплати за чай, тогда и иди' [7, 62]; Meseleyi duyarsa *küser, öldümallah konuşmaz!* 'Если он об этом деле узнает, обидится и ни за что не будет разговаривать!' [8, 140]; Biz de altın küpünü şurada *biraktık da muhtar yatağını tu aldık?* 'А я что ж, до золотого кувшина не притронулся, а стащил постель старосты?' [8, 361].

Элементами парного сказуемого могут быть не только глагольные, но и именные сказуемые. Возможны также и такие случаи: именное плюс глагольное сказуемое, var (yok) плюс глагольное сказуемое и т. д.: Gerçekten de *güzeldi, çok temizdi* Mahkeme hamamı 'И в самом деле, баня Махкеме (известная баня в Бурсе) была хорошая, очень чистая' [7, 110]; *Cahilsin de bilmezsin* 'Темный ты, вот и не знаешь' [8, 323]; Bursa-da ne işin *var da geldin?* 'Какое у тебя дело в Бурсе, что ты приехал?' [7, 60].

В качестве одного из элементов может выступать глагол в нулевом выражении⁴: Cuma günü kumanyalarımızı *alıp yallah trene* 'В пятницу мы взяли кое-что перекусить и прямо на поезд' [4, 256].

⁴ О глаголе в нулевом выражении в турецкой разговорной речи см.: Ю. В. Щека. Особенности синтаксиса турецкой разговорной речи. Автореф. канд. дисс. М., 1980, стр. 9.

Выше отмечалось, что элементы парного сказуемого имеют обычно аффиксы одного и того же наклонения, времени, числа и лица. Вместе с тем здесь возможны исключения, в частности, элементы могут стоять иногда в разных временах: *Oturmuş, ha babam, taş çevirir* (здесь:) 'Села тут, всю соль размалывает' [8, 265].

Один из элементов парного сказуемого может стоять в утвердительной, другой — в отрицательной форме; элемент может также иметь вопросительную или вопросительно-отрицательную форму: *Araba kendimin olupsa çok temiz kullanırım, örselemem hiç* 'Как только машина станет моей, я буду на ней очень аккуратно работать, ни за что не попорчу (ее)' [5, 126]; *Borç verdikten sonra kötü olacağına, verme de kötü ol, daha iyi* 'Отдашь долг да (все равно) будешь плохим. Уж лучше не отдавай да будь плохим' [8, 200]; *Benim herif gurbette ölmeli de hiç gelmemeli* 'Мой муженек пусть погибнет на чужбине и совсем не возвращается' [8, 372]; *Adam gönlü eşini bırakır da gider mi?* 'Разве кто-нибудь оставит свою родную жену да уедет?' [8, 312]; *(Yiyecek) buldu da yemedi mi?* 'Что ж, он нашел [пищу] да не ел что ли?' [8, 361].

Иногда встречаются тройные сказуемые как с контактным, так и с дистантным расположением элементов. Они произносятся с соответствующей объединяющей интонацией: *Gelmezse, ben sana söz veriyorum. Gider alır gelirim* 'Если она не придет, я тебе слово даю, пойду, заберу и приведу' [8, 511]; *Hiç olmazsa iki günlüğüne izin al da gel, gözünle gör evinde olup biten rezaleti* 'Хоть на два дня возьми разрешение, приезжай да посмотри собственными глазами на безобразие, что творится у тебя в доме' [7, 69].

Наряду с рассмотренными выше парными членами предложения, так или иначе уточняющими пропозитивную номинацию, важную роль в турецкой разговорной речи играют также парные члены предложения, уточняющие предикативное значение предложения, которые целесообразно называть разговорными предикативными конструкциями. Предикативные конструкции имеют большое значение не только в турецкой разговорной речи, но и в разговорной речи других языков, в частности, русского: «В строе разговорной речи есть целый ряд общих правил построения сказуемого и основы предложения, в которых их основное временное и модальное значение осложнено значениями характера протекания действия во времени, качественной характеристики, сопоставленности, оценки и т. д.»⁵.

Предикативные конструкции, имеющие форму парных подлежащих и дополнений возникают тогда, когда соответствующие элементы выражаются: 1. Полным повтором подлежащего или дополнения (при этом второй элемент обычно выносится в конец предложения и фраза произносится с соответствующей интонацией усиления, см. ниже примеры 1—5); 2. Словами, близкими по значению (примеры 6—8): 1) *Yağmur yağarken aklıma okul gelir, okul!* 'Когда идет дождь, мне вспоминается школа, именно (представьте себе) школа!' [2, 41]; 2) *Senin kafanı ezme-li, kafanı!* 'Тебе нужно голову разбить, голову!' [8, 82]; 3) *Viski içiyor, viski* 'Он виски пьет, представляете, виски!' [4, 100]; 4) *Benim kanarıya takara çekmekle kalmaz... Dil uydurur, dil!* 'Моя канарейка не только трели выводит... Она настоящим языком говорит!' [4, 258]; 5) *Lâfa bak, lâfa!* 'Смотри-ка, что он говорит!' [8, 188]; 6) *Aklım fikrim hep giden kırk lirada* 'Я только и думаю все о пропавших сорока лирах' [7, 43]; 7) *Taşla, sopayla, sııklı kafalarını gözlerini değiştiriyorlar birbirinin* 'Они всю дубасят друг друга чем попало' [2, 79]; 8) *Hem bana karşı*

⁵ Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, стр. 17.

gelin, hem de sizin *hastalığınızı ilâcınızı* ben düşüneyim! 'Вы выступаете против меня и еще хотите, чтоб я думала о ваших болезнях да лекарствах!' [4, 129].

Как видно из приведенных примеров, рассматриваемые предикативные конструкции не затрагивают значения самой пропозитивной номинации, а служат для усиления высказывания, для выражения повышенной интенсивности действия (например, фраза 7) и различных экспрессивных и оценочных оттенков.

Предикативные конструкции, построенные на принципе парного сказуемого, являются наиболее распространенными и в структурном отношении могут включать нижеследующие элементы.

1. Полный или неполный повтор глагола или именной части сказуемого, а также пару близких по значению глаголов: *Okuyorum okuyorum* *anlatıyorum* 'Читаю, читаю и не понимаю' [3, 174]; *Uçak kalktı kalkacak* 'Самолет вот-вот взлетит' [3, 173]; *Yoksul mu yoksuldu* 'Он жил в такой нужде!' [4, 279]; *Evde oturmaktan bıktım usandım* 'Мне так надоело сидеть дома!' [5, 288].

2. Повтор лексически свободного элемента плюс фиксированная частица или вопросительное слово: *Amerika'ya uçuyor da uçuyor* 'Летает (себе) в Америку да летает' [4, 102]; *Konuş ha konuş, ısın ha ısın* 'Беседуй себе сколько хочешь, грейся себе (на солнце) сколько влезет' [1, 49].

3. Глагол плюс полнозначные фиксированные элементы: *İkimiz de yerin dibine geçtik, gitti* 'Мы так и готовы были провалиться сквозь землю (от стыда)' [7, 75]; *Hakkı üstümüze gelirse... Varsın gelsin!* 'Если Хакки на нас нападет... Ну и пусть нападает!' [8, 391].

Предикативные конструкции могут выражать: а) чисто временное значение (см. ниже пример 1), б) нюанс характера протекания действия (примеры 2 и 3), в) различные модально-экспрессивные оттенки (пример 4): 1) *Atatürk geldi geliyor* 'Ататюрк вот-вот придет' [9, 270]; 2) *Gidiyoruz da gidiyoruz, bir yere vardığımız yok* 'Едем едем, все никак не приедем' [9, 15]; 3) *O gün ne yapıp (kızı) tüydürecektim* 'В тот день я уж как-нибудь похитил бы девушку' [5, 122]; 4) *Ama müdür ne yapsa beğenirsiniz?* 'И что бы вы думали сделал директор?' [2, 161].

Различие между собственно парными сказуемыми и предикативными конструкциями, имеющими форму парного сказуемого, особенно важно учитывать в тех случаях, когда предикативные конструкции строятся с использованием полнозначных фиксированных элементов. В частности, необходимо отличать употребление одного из пары глаголов в качестве собственно парного сказуемого, с одной стороны, и в качестве фиксированного элемента предикативной конструкции — с другой; например:

Парные сказуемые

Yol parasını yapsın gitsin *Ankara'ya* 'Пусть он наберет деньги на дорогу да поезжает в Анкару' [7, 40];

Ay aşağıdan doğdu. Geçti gitti *uyukarı doğru* 'Взошел месяц. Поднялся и полез вверх' [8, 312];

Kari kız!.. Neredesin? Bırakır gidersin! 'Жена!.. Где ты? (Всегда) вот так бросаешь (все) и уходишь!' [8, 324];

Предикативные конструкции

Orucu mutlak bozmalı... Boz gitsin! 'Нужно обязательно нарушить пост... Нарушь себе, вот и все!' [8, 110];

Hey Topal ağa, daldın gitti. 'Эй, Топал-ага, ты так тут и заснул' [8, 254];

Buraya bir giren bir daha yeryüzüne çıkabilir mi? Yokuş aşağı kayar gidersin *karanlıkta* 'Кто хоть раз сюда окунулся, разве может

Selâmi'yle birlikte *çıktı* kapattı
kariyi 'Он вместе с Селями вы-
шел и закрыл дверь' [3, 175].

снова всплыть? Так вниз по на-
клонной и будешь сползать во
мрак' [8, 531];

Kendisini büyük adam sanıp
çıktı 'Он вдруг счел себя большим
человеком' [1, 13].

Вместе с тем элемент парного сказуемого не всегда с полной оче-
видностью отличается от элемента предикативной конструкции: Sanım
Ismail, sen bir zaman da *çığ* yumurtaı *övdün gezdin* 'Дорогой Исмаил,
ты ж одно время все ходил нахваливал сырые яйца!'; *Ağladı bir zaman.*
Ağladı gezdi. Sonra *alıştı* 'Она одно время плакала. Все ходила да пла-
кала. Теперь привыкла' [8, 53].

По нашему мнению, в обоих этих предложениях выступает все же
предикативная конструкция (то есть глагол *gezmek* 'гулять' здесь упот-
реблен в значении «ходить» и выступает главным образом в роли фик-
сированного элемента предикативной конструкции, показывающего про-
должительность действия, выраженного глаголами *övmek* 'хвалить' и
ağlamak 'плакать'), несмотря на то, что одновременно глагол *gezmek*
определенным образом усиливает и пропозитивную номинацию, что на-
ходит свое отражение, в частности, в употреблении в переводе обеих
фраз русского глагола «ходить».

В различных случаях употребления в роли парных членов слов,
близких по смыслу, степень близости лексических значений элементов
может быть различной; при этом когда в качестве элементов парного
члена выступают очень близкие по значению слова или синонимы, пар-
ный член из номинативного (уточняющего номинативное значение пред-
ложения) превращается в предикативный (уточняющий его предикатив-
ное значение), например: *Bütün dünyayı gezmiş dolaşmış* 'Говорят, он
изъездил весь мир' [3, 113]; *Varsıl birinin kızını alırsın. O zaman, dev-
ril keyfine bak* 'Женишься на дочке какого-нибудь зажиточного челове-
ка. Будешь тогда жить себе припеваючи' [2, 20]; *Trene biner binmez*
unuttum. Kariyi sıldımattım yüreğimden 'Как только (я) сел в поезд,
(ее) тут же забыл. Выбросил эту женщину из своего сердца' [8, 57];
Seni dinlemedim, bastım geldim 'Я тебя не послушал, вот взял да при-
шел' [8, 41].

Наконец, значения парных элементов могут осмысливаться настоль-
ко едино, что их различие становится уже невозможным. Они высту-
пают просто как лексические единицы, оставаясь двойными лишь по
форме: *Rica ederim bir daha Kâmrân'ın arkasından atıp tutmayın* 'Прошу
вас, больше не наговаривайте на Кямрана за его спиной' [5, 175]; *Müzi-
ği pek alıp satmıyor* 'Он не очень любит музыку'; *Elin kolun bağlı* 'У тебя
руки связаны (ты ничего не можешь поделаться)' [7, 69].

ЛИТЕРАТУРА

- 1) F. Baykurt. Amerikan sargısı. Ankara, 1973;
- 2) F. Baykurt. Efendilik savaşı. Ankara, 1974;
- 3) F. Baykurt. İçerdeki oğul. Ankara, 1975;
- 4) R. Enis. Sarı it. İstanbul, 1968;
- 5) O. Kemal. Oyuncu kadın. Ankara, 1975;
- 6) O. Kemal. Yağmur yüklü bulutlar. Ankara, 1974;
- 7) A. Nesin. Bir sürgünün anıları. İstanbul, 1975;
- 8) K. Tahir. Körduman. Ankara, 1971;
- 9) H. Taner. Hikâyeler. Ankara, 1970.

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

ТЭСИНСКАЯ СТЕЛА

(ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

В 1915 году Б. Я. Владимирцов во время поездки по Северо-Западной Монголии посетил долину реки Тэс. Здесь он обнаружил и скопировал небольшую наскальную руническую надпись. Затем он начал готовить ее к изданию, которое, однако, так и не было тогда осуществлено. В 1969 и в 1975 годах нам удалось повторно обследовать, а вслед за тем и опубликовать эту надпись¹. Имя автора и героя надписи Тюпек (Тюпеш?) Алп Шул сопровождалось двумя тамгами, основная из которых совпадала по начертанию с одной из тамг наверхия Селенгинского камня (стела из Шине Усу), то есть с родовым знаком уйгурского Элетмиш Бильге-кагана (747—759)². Это обстоятельство как будто указывает на принадлежность Тюпек Алп Шула к уйгурскому правящему роду Ягалакар и во всяком случае, с еще большей степенью вероятности, датирует эту наскальную надпись второй половиной VIII—началом IX века.

Одновременно, в 1974—1975 годах, нами было завершено прочтение Терхинской надписи — самого раннего из сохранившихся камнеписных памятников уйгурской эпохи, воздвигнутых по повелению Элетмиш Бильге-кагана³. В начальных строках Терхинской надписи говорится об

¹ С. Г. Кляшторный. Наскальные рунические надписи Монголии. — «Тюркологический сборник. 1975». М., 1978, стр. 152—155.

² G. J. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. Helsinki, 1913; таблица, северная сторона стелы, знак с центральным кругом. Стела из Шине Усу (Могон Шине Усу) в издании С. Е. Малова именуется «памятник Моюн-чуру» (С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 30—44); это дотронное имя героя надписи Элетмиш Бильге-кагана встречается только в китайских источниках (Моянь-чжо <тюрк.* Баян-чор?), в рунических надписях его нет, см.: J. R. Hamilton. Les Ouighours a l'époque des Cinq dynasties. Paris, 1955, стр. 139. Надпись названа ее первооткрывателем «надпись из Шине Усу» и «Селенгинским камнем»; см.: G. J. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften., стр. 10; Г. И. Рамstedt. Как был найден Селенгинский камень. — «Труды Троицко-Кяхтинского Отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества», т. XV, вып. I, 1912, стр. 34—49.

³ С. Г. Кляшторный. Терхинская надпись. (Предварительная публикация). — «Советская тюркология», 1980, № 3, стр. 82—85; S. G. Klyashtorny. The Terkhin Inscription. — «Acta Orientalia Hungaricae», (далее — «АОН»), t. XXXVI, Budapest, 1982, fasc. 1—3, стр. 335—366. Публикация Терхинской надписи вызвала ряд откликов, из которых следует отметить: A. Róna-Tas. A kazár népnévről. — «Nyelvtudományi közlemények», t. 84, 1982, № 2, стр. 349—380; L. Bazin. Notes de toponymie turque ancienne. — «АОН», t. XXXVI, 1982, fasc. 1—3, стр. 57—60; T. Tekin. The Terkhin inscription. — «АОН», t. XXXVII, 1983, fasc. 1—3, стр. 43—68; T. Tekin. Kuzey Moğolistan'da yeni bir Uygur anıtı: Taryat (Terhin) kitabesi. — «Türk Tarih Kurumu Belleteni», t. XLVI, № 184, 1983, стр. 796—838. Т. Текин следует, по большей части, предложенному нами чтению и переводу надписи, а также фактически повторяет наш комментарий. Вместе с тем, он предлагает ряд поправок и уточнений, лишь некоторые из которых нами могут быть приняты.

учреждении летней ханской ставки в верховьях реки Тез, то есть в верхнем течении реки Тэсийн-гол (Тес-хем): «(1)... Тогда я повелел поставить (свою) ставку на западной границе Отоукена, в верховьях (реки) Тез. Там, в год барса (750) и в год змеи (753), (2) я провел два лета»⁴. Обе большие надписи Элетмиш Бильге-кагана, Терхинская стела и Селенгинский камень, упоминают о сооружении в ханских ставках каменных памятников с надписями и знаками (тамгами). Поэтому фиксация в долине Тэсийн-гола уйгурской ханской тамги и сообщение о сооружении в «верховьях Тез» летней ставки Элетмиш Бильге-кагана делали поиск рунических надписей середины VIII века в верхнем течении этой реки весьма перспективным.

Летом 1976 года, в соответствии с планом полевых работ Советско-монгольской историко-культурной экспедиции, мы, вместе с двумя сотрудниками Института истории Академии наук Монгольской Народной Республики С. Харжаубаем и А. Очиром начали целенаправленное изучение района верхнего течения Тэсийн-гола (Хубсугульский аймак МНР). Поиск велся от истоков Тэсийн-гола близ озера Сангин Далай-нур (абсолютная высота 2250 м) до выхода этой реки из обширной тектонической котловины севернее озера Джугдий-нур. Протяженность зоны поиска составляла 170—180 км с востока на запад и 40—50 км с юга на север. Здесь, в Западном Хангае, между лесистыми отрогами хребта Булнай и гранитным нагорьем Сангилен, расположена широкая долина верхнего Тэса. Река, будучи не очень широкой, делает причудливые зигзаги и зачастую распадается на многочисленные протоки, обводняя значительную территорию горной степи, с многочисленными мелкими озерами и гранитными сопками. Богатые пастбища и обилие воды позволяют содержать здесь большие стада. Многочисленные погребальные памятники древних и средневековых кочевников свидетельствуют о давнем использовании здешних пастбищ скотоводами Северной Монголии.

В ходе поисков нами были обнаружены два крупных могильника тюркской эпохи (VI—VIII вв.), один из которых, расположенный в 10 км к северо-западу от центра Цэцэрлэг-сомона, насчитывает тридцать каменных курганов и поминальных оградок с цепочками балбалов; были найдены также обломки двух каменных изваяний. В другом таком же могильнике в местности Худжирт-нурийн-ам (территория Цаган-уул-сомона), кроме курганов и оградок с цепочками балбалов, был обнаружен погребальный комплекс с «саркофагом», установленным на земляной платформе (6×6 м), окруженной рвом. Именно здесь, в Худжирте, местный житель Л. Цэдэв сообщил нам, что близ холма Ногон-толгой, на левом берегу реки Тэс, лежит обломок камня, покрытый знаками.

Камень — блок красноватого гранита, прямоугольный в сечении, с обломанным штырем на одном конце и со следами старого излома на другом, оказался частью стелы с древнетюркской рунической надписью по четырем сторонам. Камень лежал на открытой равнине, полууглубленный в землю⁵. Никаких других частей стелы или ее основания (каменной черепахи?), несмотря на тщательные поиски, ни в 1976—1977, ни в 1980—1982 гг. обнаружить не удалось.

⁴ С. Г. Кляшторный. Терхинская надпись, стр. 92.

⁵ О находке памятника, а также его атрибуции и датировке (60—70-е гг. VIII в.) см.: С. Г. Кляшторный. Эпиграфические работы в Монголии. — Сб.: «Археологические открытия. 1976». М., 1977, стр. 588—589.

В 1976 году стела была передана нами в Хубсугульский аймачный музей. В том же году она была перевезена в Улан-Батор и ныне хранится в Институте истории Академии наук Монгольской Народной Республики.

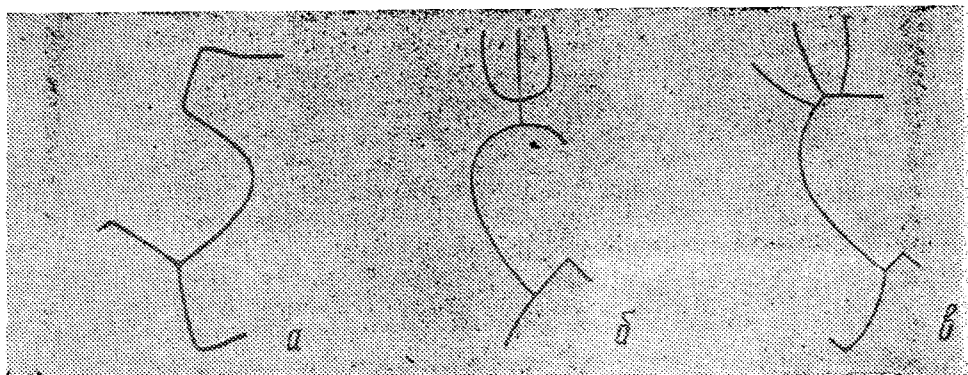
* * *

Основываясь на сообщениях местных жителей, утверждения которых, впрочем, были весьма противоречивы, можно было предположить, что памятник еще в недавнем прошлом лежал на холме Ногон-толгой, где в 1981—1982 гг. нами были проведены раскопки. Холм оказался насыпным искусственным сооружением полусферической формы. Его размеры по оси С—Ю 37 м, по оси З—В 46 м, высота около 1,5 м. В западной части холма имеется пологий пандус (8—9 м). После снятия почвенного покрова было обнаружено, что холм и пандус покрыты двойным рядом из пахсовых блоков. Первоначально сооружение имело вид усеченной пирамиды с пологим подъемом с ее западной стороны. Под пахсовым слоем, на глубине 0,75—0,8 м, было обнаружено кострище диаметром 0,8—1 м, в нижнем слое которого сохранились шесть лежащих параллельно друг другу обугленных бревнышек диаметром 5—8 см; верхний слой кострища составляли мелкие угли. Костер горел, по-видимому, интенсивно, но недолго, так как большая часть дерева не догорела; очевидно, огонь был засыпан. Под кострищем обнаружено несколько конских и бараньих костей и грубый керамический черепок от сосуда ручной лепки. Видимо, после сооружения холма и до покрытия его двойным пахсовым слоем здесь было совершено ритуальное сожжение жертвенного мяса.

Поскольку на холме не удалось обнаружить основания стелы, предположение, что именно на этом месте и был воздвигнут памятник, остается недоказанным. Вместе с тем, сходство Ногон-толгой с таким же сооружением, на котором была установлена Терхинская стела, позволяет предположить, что насыпная усеченная пирамида с пандусом, укрепленная пахсовым покрытием, и каменная стела с рунической надписью были частями единого сооружения, остальные элементы которого, в том числе и основание стелы, были впоследствии утрачены.

В 3 км к юго-западу от Ногон-толгой находится аналогичный по форме земляной холм Хух-толгой, вдвое меньших размеров и высотой в 1 м. С западной стороны холма также выступает короткий «язык» — пандус. Небольшой шурф, заложенный в 1981 году, показал, что и этот холм искусственного происхождения.

Обнаруженная нижняя часть Тэсинской стелы — гранитный прямоугольный в сечении блок длиной в 0,86 м, с шириной граней 0,32 и 0,22 м, разлинован по поверхности, как и Терхинская надпись, продольными строчными бороздами. Между бороздами нанесена надпись руническим письмом: по широким граням — в шесть строк, а по узким — в пять на каждой грани. Общая длина сохранившегося поля письма (длина сохранившихся частей строк) — 0,76 м. Высота знаков 3,5—4 см. Знаки врезаны в камень в той же профессиональной манере, которая характерна для Терхинской и Селентинской надписей, их палеография практически совершенно однородна, в чем нетрудно убедиться. В нижней части стелы, на одну из узких граней нанесена тамга, близкая, хотя и не идентичная по типу, тамгам, имеющимся в нижних частях Терхинского памятника (на тулове черепахи) и стелы из Шине Усу (см. «Советская тюркология», 1980, № 3, стр. 84, рис. 2). Можно предположить, что все три тамги являются знаками создателей памятников.

а — Тамга на нижней части южной стороны Тэсинского памятника.
 б — Тамга на тулове черепахи-постаменты Терхинского памятника.
 в — Тамга в нижней части южной стороны памятника из Могон Шине Усу.

По аналогии с расположением строк на Терхинской стеле, функционально однозначной Тэсинской и достаточно близкой ей по времени (их разделяет 6—8 лет), возможно, несколько условно, обозначить широкие стороны Терхинской стелы как восточную и западную, а узкие — как северную и южную. С учетом расположения авторской тамги можно считать сторону с тамгой Тэсинской стелы, как в случае с памятником из Шине Усу и Терхинским памятником, — южной, а инициальные строки, как и на Терхинском памятнике, нанесенными на западную грань. Тогда тамга создателя памятника на Тэсинской стеле станет как бы дополнительным обозначением конца надписи.

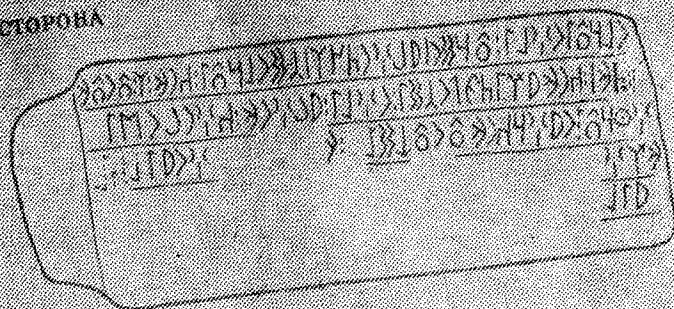
К сожалению, именно на западной стороне утрачена нижняя (начальная) строка. Еще одна строка, проходящая по верхней кромке южной стороны, то есть конечная строка надписи, также полностью разрушена. Таким образом, сохранившаяся часть стелы содержит концевые части двадцати из первоначальных двадцати двух строк. Каждая сохранившаяся строка является лишь половиной или менее того от полной строки; плохо сохранилось и значительное число знаков; поэтому доступная чтению часть надписи вряд ли составляет более одной трети или даже одной четверти от первоначального текста памятника. Это существенное обстоятельство весьма ограничивает возможности интерпретации описываемых в надписи событий.

* * *

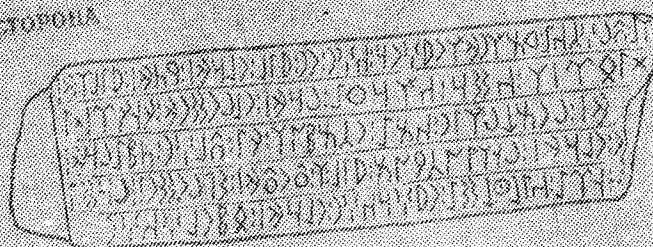
Тэсинская надпись стала объектом изучения наших монгольских коллег—покойного М. Шинэху и С. Харжаубай. Оба они, без каких-либо комментариев и оценок, а также без точных воспроизведений рунического текста, опубликовали свое прочтение и перевод надписи на монгольский язык⁶. С. Харжаубай предложил также и русский перевод. О методике своей работы С. Харжаубай замечает: «Для того, чтобы перевод был наиболее полным и ясным, нами была предпринята попытка сопоставления каждого слова текста с однокоренными словами классического монгольского письма и казахским языком, являющимся одним из живых

⁶ С. Харжаубай. Тэсийн гэрэлт хөшөө. — «Хэл зохиол судлал», т. XIII, д. 15, Улаан Баатар, 1979, стр. 117—124; М. Шинэхуу. Орхон — Сэлэнгийн руни бичгийн шинэ дугаар, — «Археологийн судлал», т. VIII, д. 1, Улаан Баатар, 1980, стр. 36—41.

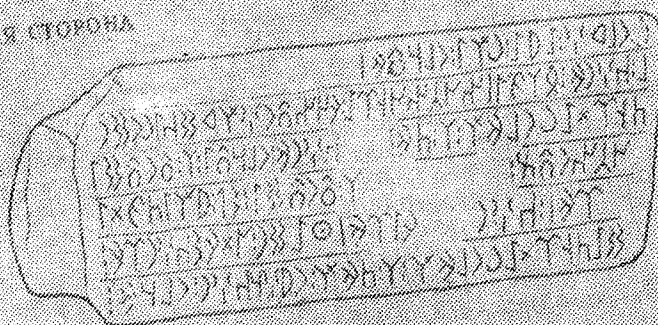
ЗАПАДНАЯ СТОРОНА

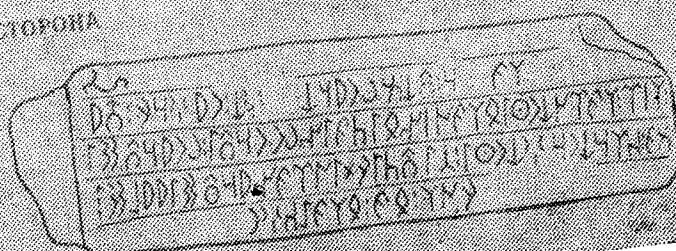
СЕВЕРНАЯ СТОРОНА

ВОСТОЧНАЯ СТОРОНА

ЮЖНАЯ СТОРОНА

Надписи на четырех сторонах стелы

диалектов древнетюркского языка»⁷. В соответствии с лексикой и грамматикой монгольского языка интерпретирует памятник и М. Шинэху.

Коренное различие исходной точки зрения на язык рунических памятников и возможности их интерпретации не позволяет нам обсуждать предложенные монгольскими коллегами методики и достигнутые ими результаты⁸. Нами лишь были исправлены ошибки, допущенные при атрибуции рунических знаков. Несходство предложенной здесь интерпретации с двумя предыдущими вполне очевидно и не требует пояснений.

* * *

Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам текста, структура Тэсинской надписи вполне подобна той, что была использована при создании текста Терхинской стелы. Следует отметить вполне очевидную особую близость начертаний знаков Тэсинской стелы и знаков Терхинской надписи. Различия в начертании некоторых знаков этих двух памятников и памятника из Могон Шине Усу незначительны. Переходные формы к более вычурным начертаниям знаков, характерным для Карабалгасунской надписи, проявляются лишь в немногих особенностях письма Сэврэйского камня.

Первая часть Тэсинской надписи, наполовину разрушенная даже в сохранившейся части стелы, содержит тем не менее достаточно указаний на основной сюжет памятника — воцарение наследника Элетмиш Бильге-кагана. В преамбуле надписи (стк. 1—6) Элетмиш Бильге-каган упомянут дважды: в стк. 5, где он назван «мой Элетмиш-хан», сказано о его кончине, а в стк. 4 он именуется «мой уйгурский хан» и о его правлении говорится как о событии недавно минувшего времени. Далее сообщается о восшествии на престол его сына-наследника, который назван «мой ябгу». Еще раньше, в стк. 3—4, описан сам ритуал интронизации — новый каган «был поднят (на войлоке)». По канону изложения, полностью сохращенному Терхинской надписью и, в достаточной степени, надписью из Шине Усу, первые две строки должны были и в Тэсинской надписи содержать полное тронное имя кагана и его супруги-катун, дату их восшествия на престол (стк. 2 — «в год...»), указание места каганской ставки или интронизации кагана. Возможно, были упомянуты события из жизни нового кагана до его восшествия на престол. Сохранилась дата одного из таких событий — «год курицы», то есть 757 год.

«Год курицы» был весьма знаменателен для истории нового Уйгурского государства. Именно тогда могущественная Танская империя на многие годы попала в зависимость от военной помощи уйгурских каганов. В 755 году китайский пограничный военачальник, выходец из знатного тюрко-согдийского рода, Ань Лушань, поднял восстание в Фаньяне⁹. Его армия, состоявшая главным образом из конницы тюркских федератов империи, одерживала над императорскими войсками победу за победой. Император бежал на юг, а обе столицы Лоян и Чанань перешли в руки восставших. В этот критический момент танский двор обратился за помощью к Элетмиш Бильге-кагану. Уйгурская конница, прибывшая в Китай в июле 757 года, нанесла поражение восставшим. Ань

⁷ С. Харжаубай. Указ. раб., стр. 124.

⁸ С. Г. Кляшторный. Терхинская надпись, стр. 83.

⁹ О происхождении и имени Ань Лушаня см.: E. G. Pulleyblank. The background of the rebellion of An Lu-shan. London, 1955, стр. 7—23 (London Oriental series, vol. 4).

Лушань погиб¹⁰. Восстание не было полностью подавлено, но императорская власть была восстановлена в значительной части страны. В декабре 757 года, получив обещанное вознаграждение, уйгурский экспедиционный корпус вернулся обратно, чтобы принять участие в походе на кыргызов (758 г.).

Уйгурским войском во время похода в Китай командовал старший сын Элетмиш Бильге-кагана. Китайские историки называют его *йеху*, то есть *ябгу*¹¹. Его собственное имя не упоминается. В Терхинской надписи он назван Кутлуг Бильге-ябгу (стк. 12). Вскоре после победоносного похода он был обвинен в попытке поднять мятеж и казнен по приказу отца. Титул ябгу и право на престолонаследие перешли ко второму сыну Элетмиша. Он и был «поднят на войлоке» после смерти отца в мае 759 года¹². Упоминание «года журицы» в этом контексте может означать, скорее всего, что второй сын Элетмиша также участвовал в первом китайском походе, а в Тэсинской надписи, посвященной его интронизации, он прославляется, в отличие от своего старшего брата, чье место занял.

События, связанные с походом в Китай, более подробно изложены в надписи из Шине Усу (западная сторона, стк. 3—5). К сожалению, эта часть надписи очень пострадала от эрозии. Сохранилось упоминание о каком-то контакте кагана с «китайским ханом», о посылке «тысячного отряда», о возвращении кагана «в свою юрту». Затем следуют слова: *taquu jylqa oylumun...* 'в год журицы, моего сына (или: моих сыновей)...'¹³. В стк. 6 цитируются чьи-то обязательства и клятвы, которые были нарушены¹⁴. Может быть, здесь шла речь о самовольных действиях (мятеже) старшего сына кагана.

После успешного похода на кыргызов, Элетмиш получил согласие на свою просьбу о браке с дочерью императора. Сразу же, в августе 758 года, в Китай было послано новое вспомогательное войско, которым командовал Гучжо-деле, то есть Кут[луг]-чор-тегин, один из близких родичей кагана¹⁵. Уйгурское войско потерпело поражение в битве с мятежниками и бежало с поля боя. Нигде не упоминается об участии сыновей кагана в неудачном походе.

Принца, ставшего наследником Элетмиша, китайские источники именуют Идигянь, а Терхинская надпись, автором которой он был, называет его Бильге-таркан (стк. 12) и Кутлуг таркан-сенгун (стк. 14). Вероятно, имя Идигянь (тюрк. **idi kenč*? букв. 'господин-мальчик') было детским именем принца, а его полное мужское имя (*er aty*) — Кутлуг Бильге-таркан-сенгун¹⁶. В 758 году он стал ябгу. В Терхинской надписи упомянуто, что Кутлуг таркан-сенгун «со славой» победил «многие народы» (стк. 14). Согласно танским династийным хроникам, по восше-

¹⁰ О действиях уйгурского отряда см.: С. Mackerras. The Uighur empire according to the T'ang dynastic histories. Canberra, 1972 (Asian Publications Series, № 2), стр. 14—21. К. Маккерас перевел с китайского и опубликовал в этой книге разделы об уйгурах из Цзю Тан шу и Синь Тан шу (744—840 гг.), снабдив переводы необходимыми комментариями и введением. Во всех неоговоренных случаях здесь использованы его переводы обеих танских династийных хроник.

¹¹ С. Mackerras. The Uighur empire..., стр. 130, прим. 24.

¹² Там же, стр. 6, 69.

¹³ G. J. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften..., стр. 34—35. В слове *oylumun* Г. И. Рамстедт определил лишь первый знак. Визуальное изучение памятника в 1975 году позволило нам установить чтение еще четырех знаков.

¹⁴ Там же.

¹⁵ С. Mackerras. The Uighur empire..., стр. 62, 66, 67.

¹⁶ Там же, стр. 192; J. R. Hamilton. Les Ouighours, стр. 139. Предлагаемая здесь реконструкция имени Идигянь как **idi kenč* (ср. *öd kenč*, стк. 13) основана на консультации С. Е. Яхонтова. Как показывают уйгурские документы из Восточного Туркестана, слово *kenč* входило в состав имен и титулов вполне взрослых людей (ср.: ДТС, стр. 298).

ствии на престол принц получил имя Мэуюй-кэхань, то есть Бёгю-каган (*bögü qaγan* 'мудрый каган'). Этим же именем он назван в согдийской версии Карабалгасунской надписи (821 г.)¹⁷. Китайские источники содержат и другие варианты его тронного имени: Тенгри-каган, Тенгри Эльтутмыш Алп Кюлюг Бильге-каган и, самый полный вариант, в китайской версии Карабалгасунского памятника — Тенгриде Кутболмыш Эльтутмыш Алп Кюлюг Бильге-каган¹⁸. После еще одного похода в Китай (762—763 гг.), где уйгуры сыграли решающую роль в разгроме мятежных армий наследников Ань Лушаня, Бёгю-каган получил почетный титул *ин-и цзянь-гун* 'мужественный, справедливый, доблестный'¹⁹. В тюркской версии Сэврэйской надписи (763 г.) этот титул сокращен и передан как личное имя: Инги²⁰.

В походе 762 года Бёгю-кагана сопровождала его старшая жена; в Тан шу упомянута часть ее тюркского титула: Бильге-катун²¹. Она была дочерью героя войн с Ань Лушанем, виднейшего танского военачальника Хуай-эня, выходца из княжеского дома племени буту, принадлежащего, как и уйгуры, к племенному союзу токуз-огузов. В 768 году она умерла, после чего каган женился на ее младшей сестре²².

В 763 году Бёгю-каган сделал манихейство государственной религией Уйгурского каганата. В укреплении и распространении новой веры ему оказали помощь согдийские проповедники, вывезенные из Лояня и Чанани, и тюркские манихейские общины Восточного Туркестана. Среди древнеуйгурских манихейских текстов, обнаруженных в Турфанском оазисе, сохранились два рукописных фрагмента, где упоминается Бёгю-каган. Один из них (Т. II. Д. 135) содержит наиболее полный и пышный вариант титула кагана, свидетельство его высочайшего престижа в манихейской среде Центральной и Средней Азии: *uluγ ilig teγride qut bolmyš erdenin il tutmyš alp qutluγ külüg bilge uγur qaγan zahag-i mani*²³. Последние два слова — средне-персидские и означают «эманация Мани» (так у Ф. Мюллера) или «потомок Мани» (консультация В. А. Лившица). Второй текст (ТТ. 276а) содержит описание манихейским клириком встречи и беседы Тенгрикен Бёгю-кагана (так он именуется в документе) с динтарами, аристократией манихейской общины, а также самого акта провозглашения манихейства государственной религией в каганате²⁴.

В 765—766 годах состоялся четвертый поход в Китай. Уйгурами командовал младший брат Бёгю-кагана, Алп Улуг-тутук Яглакар²⁵. В Терхинской надписи он именуется Алп Ышбара-сенгун Яглакар (стк. 7). Согласно степному обычаю, именно он унаследовал отцовский очаг и главенство в роду Яглакар; поэтому родовое имя сохранено и в китайской, и в тюркской записи его изменившегося за девять-десять лет титу-

¹⁷ С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии. — В сб.: «Археология и этнография Монголии», Новосибирск, 1978, стр. 51.

¹⁸ J. R. Hamilton. Les Ouighours..., стр. 139.

¹⁹ В. П. Васильев. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. СПб., 1897, стр. 30. (Сборник трудов Орхонской экспедиции, т. III).

²⁰ С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Сэврэйский камень. — «Советская тюркология», 1971, № 3, стр. 107.

²¹ C. Mackerras. The Uighur empire..., стр. 77.

²² Там же, стр. 85, 148.

²³ F. W. K. Müller. Der Hofstaat eines Uiguren-Königs. — «Festschrift V. Thomsen», Leipzig, 1912, стр. 208—209.

²⁴ W. Bang und A. v. Gabain. Türkische Turfan-Texte II, Berlin, 1929, стр. 414—416; Jes P. Asmussen. Xuastvanift. Studies in Manichaeism. Copenhagen, 1965, стр. 147—148.

²⁵ C. Mackerras. The Uighur empire..., стр. 79—81, 147.

ла. Уйгурское войско пришло в Китай для помощи поднявшему мятеж Бугу Хуай-эню, тестю Бёгю-кагана. Однако, в ходе кампании, после смерти Хуай-эня, уйгуры повернули фронт и оказали решающую поддержку танским войскам в битве с другими союзниками Хуай-эня — тибетцами.

В течение последующих двенадцати лет танский двор безропотно нес немалые материальные тяготы и терпел политический ущерб во имя сохранения мирных отношений с уйгурами. Лишь в 778 году уйгуро-китайские отношения обострились. В следующем году Бёгю-каган стал жертвой мятежа в своей ставке. Мятеж возглавил самый влиятельный его сановник — Тон бага-таркан. В Терхинской надписи он именуется «глава внутренних буюруков Ынанчу бага-таркан» (стк. 6). Тон бага-таркан возглавлял антиманихейскую оппозицию при уйгурском дворе и пользовался поддержкой Китая²⁶. В числе убитых во время мятежа вместе с Бёгю были два его сына, ближайшие советники и много согдийцев, вероятно, манихейских священнослужителей из окружения кагана. Сам Тон Бильге-таркан был провозглашен Алп Кутлуг Бильге-каганом (780—789 гг.). Так завершилась жизнь третьего уйгурского кагана из рода Аглакар, первым манифестом которого была Тэсинская надпись.

По аналогии с инициальными строками обоих памятников Элетмиш Бильге-кагана, начало первой строки Тэсинской надписи можно реконструировать следующим образом: [teŋride qut bolmyš el tutmyš alp qutluγ kŭlŭg bilge (böγü?) qaγan... bilge qatun qaγan ataγ qatun ataγ atanur...]. Если разрушенная дата в стк. 12 обозначала год возведения Бёгю-кагана на престол, то ее возможная реконструкция [toŋuz] jyl[qa]... 'в год свиньи' (759 г.). По-видимому, этими двумя гипотетическими реконструкциями исчерпываются в настоящее время возможности восстановления разрушенной части преамбулы Тэсинского памятника.

Центральная часть надписи, наибольшая по объему (стк. 7—18), посвящена историческому прошлому уйгурского эля, а вернее, царствовавшим в прошлом уйгурским каганам, от «сотворения мира» до предшественника Бёгю, Элетмиш Бильге-кагана. В Тэсинской надписи нет упоминания или, по крайней мере, развернутого изложения событий последней войны с тюрками, что составляло основную часть повествования обеих надписей Элетмиш Бильге-кагана. Однако скрытая полемика с камнеписными декларациями тюркских каганов об их историческом праве на господство в степи совершенно очевидна. В противоположность утверждению тюркского Бильге-кагана (памятники в честь Кюль-тегина — большая надпись, стк. 1—3 и Бильге-кагана — большая надпись, стк. 3—5), об изначальном господстве «мудрых и мужественных» тюркских каганов над «сынами человеческими», в Тэсинской надписи утверждается изначальное господство (от сотворения мира?) «мудрых и великих уйгурских каганов» (стк. 7). Реальная глубина исторической памяти уйгурского историографа опирается на традицию, по крайней мере двухсотпятидесятилетней давности.

По периодизации автора Тэсинской надписи, первое царство, которым правили уйгурские каганы, просуществовало триста лет, после чего погибло. Его сменило второе уйгурское царство, просуществовавшее восемьдесят лет (десять и еще семьдесят, стк. 11). Оно также погибло. Образование нового уйгурского царства связано с именами Кюль-бег-бильге-кагана (стк. 18) и Элетмиш Бильге-кагана (стк. 12).

В очень кратком и очень разрушенном «историографическом» разделе Терхинской надписи, повествующем о древней истории уйгурских

²⁶ C. Mackerras. The Uighur empire..., стр. 152—153 (со ссылкой на работу К. Тасака).

царств (стк. 16—19), упоминаются три кагана, которые «двести лет на царстве сидели» (стк. 16). Имена двоих сохранились — Йолыг-каган и Буман-каган (первым каганом тюрков также был, судя по орхонским памятникам, Бумын). Потом древнее уйгурское царство погибло. Через какое-то время его сменило второе уйгурское царство во главе с каганом, которых Элетмиш называет «мои предки» (стк. 18). Оно просуществовало восемьдесят лет. Третье уйгурское царство возникло, согласно Терхинской надписи, благодаря подвигам Элетмиш Бильге-кагана.

Надпись из Шине Усу (северная сторона, стк. 2—4) сохранила в «исторической» преамбуле упоминание о двух эпохах господства над уйгурами иноплеменников; первая эпоха длилась сто лет, а вторая — пятьдесят лет: (3) *sub ...nda qalmyşu bodun on ujur toquz oγuz ūzā jüz jyl olugur (olugmyş?)*... 'над народом, что остался при (?) реке, над он-уйгурами и токуз-огузами они сто лет царствовали'; (4) *türk [qy] bçaq (?) elig jyl olugmyş* 'тюрки и [кы]пчаки (?) пятьдесят лет господствовали'²⁷. К сожалению, стк. 3—4 в этой надписи особенно сильно пострадали от разрушения. Сомнительна интерпретация текста в стк. 3. Дж. Гамильтоном²⁸, согласно которой он-уйгуры сто лет господствовали над токуз-огузами. Слова *ūze... olugur* относятся ко всей предшествующей части фразы и поэтому более оправдано предположение Г. И. Рамstedта о том, что здесь были упомянуты какой-то народ или династия, царствовавшая в прошлом над уйгурами и огузами сто лет²⁹. Возникновение последнего уйгурского царства надпись из Шине Усу связывает с деяниями Кюль-бильге-кагана (Тэсинская надпись, стк. 5: Кюль-бег-бильге-каган) и его сына, Элетмиш Бильге-кагана, чьей эпитафией и была надпись Селенгинского камня.

Сопоставление всех трех повествований позволяет следующим образом обрисовать общую концепцию древнейших уйгурских историографов: первое уйгурское царство, возникнув вскоре после «сотворения мира» (?), просуществовало двести (триста?) лет; центром его были Отыкенские горы (Хангай) и долина Селенги (или долина трех рек — Селенги, Толы и Орхона). После крушения царства наступил столетний период упадка и иноплеменного господства. Затем, благодаря подвигам каганов из рода Яглакар, в особенности того (тех?), что правил первые десять лет, уйгурский эль был возрожден. Он просуществовал восемьдесят лет и погиб из-за внутренних распрей и смут, из-за «ничтожного Кюля» (имя кагана?), из-за предательства вождей бузуков и, в особенности, «двух именитых» — Беди Берсила и Кадыр Касара. Центром второго царства также был Отыкен. Упадок эля и господство над ним иноплеменников (тюрков и кыпчаков) длились пятьдесят лет. Наконец, Кюль-бег-бильге-каган и его сын Турьян, принявший тронное имя Элетмиш Бильге-каган, в третий раз возродили уйгурское царство в Отыкенских горах, в долинах Селенги, Орхона и Толы.

Таким образом, до образования последнего по времени уйгурского эля (742—744 гг.), авторы надписей сохраняли память о двух уйгурских царствах, просуществовавших 280 (380?) лет, двух периодах упадка и господства иноплеменников, длившихся 150 лет. Нельзя исключать, конечно, и того, что, как отметил уже Л. Базэн по поводу надписи из Шине Усу, приводимые в надписях сроки существования и упадка уйгурских царств весьма округлены³⁰.

Сопоставление собственных представлений уйгуров восьмого века

²⁷ G. J. Ramstedt. *Zwei uigurische Runeninschriften*..., стр. 12—13.

²⁸ J. Hamilton. *Toquz-Oguz et On-Uigur*. — *Journal Asiatique*, t. 250, 1962, стр. 39.

²⁹ G. J. Ramstedt. *Zwei uigurische Runeninschriften*..., стр. 44.

³⁰ L. Bazin. *Les calendriers turcs anciens et médiévaux*. Lille, 1974, стр. 277.

об их древней истории с иными историческими свидетельствами должно стать предметом особого исследования. Здесь возможно лишь обозначить основные вехи истории тех племенных объединений, в которые входили уйгуры и где они играли главенствующую роль.

Уйгуры являются одним из древнейших тюркоязычных племенных союзов Центральной Азии, генетически связанным с позднегуннскими государствами³¹. В III—IV веках уйгуры входили в племенное объединение, именуемое в китайских династийных хрониках «гаогюй» (букв. 'высокие телеги')³². Они успешно противостояли попыткам императоров из династии Тоба Вэй и каганов жужан подчинить себе их племена. В конце V века, воспользовавшись ослаблением жужан, гаогюйский правитель Афучжило и его брат Цюнцзи приняли титулы «Сын великого неба» и «наследный государь», то есть присвоили себе каганскую титулатуру³³. Они утвердили господство гаогюйских племен над Северной Монголией и успешно соперничали с жужанами в борьбе за власть над оазисами Таримского бассейна (Восточный Туркестан). В начале VI века потомкам основателей династии пришлось выдержать не всегда успешную борьбу с эфталитами, жужанами и табгачами (Тоба Вэй). В V веке их племенной союз стал именоваться в китайских источниках «теле» (<тюрк. *tegreg 'телега, повозка')³⁴. Название «тележники», очевидно очень древнее, по-видимому, не было их самоназванием и пришло в китайские хроники из языка соседних с теле племен. Значительная группа племен теле мигрировала на запад в степи Юго-Восточной Европы и на Северный Кавказ, но большая часть осталась в Центральной Азии. После возникновения Тюркского каганата племена теле вошли в его состав, но, примерно с 600 года и до падения первого Тюркского каганата (630 г.), теле почти непрерывно поднимали мятежи против тюркских каганов³⁵. В 605 году, после предательского избиения западно-тюркским Чурын-каганом нескольких сот вождей теле, часть их племен, утвердившись на Алтае и в Восточном Туркестане, выдвинула своего вождя, принявшего титул «бага кагана». Другие племена во главе с вождем уйгуров ушли в Северную Монголию, где создали обособленную племенную конфедерацию, получившую в китайских источниках название «девять племен»³⁶. В рунических надписях они известны как токуз-огузы. С этого времени, в особенности после 630 года, токуз-огузы фигурируют в китайских источниках как заметная политическая и военная сила. Между 630—646 годами вожди уйгуров и вожди племени сеяньто соперничали за власть в Северной Монголии. В 646 году сеяньто были разгромлены, и уйгуры во главе с родом Яглакар стали правящим племенем токуз-огузов. Ставки их вождей, принявших титул каганов, были на Толе и Селенге.

Об одном из уйгурских вождей этого времени (около 647 г.) китайская хроника сообщает: «Тумиду все же самовольно именовал себя каганом, учредил должности чиновников, одинаковые с тюркскими (должностями)»³⁷. Танское правительство не признало государство токуз-огу-

³¹ О позднегуннских государствах см.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 104—108.

³² J. Hamilton. Toquz-Oguz et On-Uigur, стр. 25—26.

³³ Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899, стр. 24—27.

³⁴ P. A. Boodberg. Selected works. Berkeley, 1979, стр. 356; J. Hamilton. Toquz-Oguz et On-Uigur, стр. 25—29.

³⁵ A. v. Gabain. Die Frühgeschichte der Uiguren: 607—745. — «Nachrichten des gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens», Hamburg, 1952, № 72, стр. 18—32.

³⁶ J. Hamilton. Toquz-Oguz et On-Uigur, стр. 27.

³⁷ А. Г. Малявкин. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии. — В сб.: «Дальний Восток и соседние территории в средние века», Новосибирск, 1980, стр. 118.

зов. Более того, в 660—663 годах между токуз-огузами и Танской империей шла война, в которой китайские войска не смогли одержать победы. Конфликт был урегулирован мирными средствами³⁸.

В 688 или 689 году войско возродившегося Тюркского каганата нанесло в битве на Толе решающее поражение токуз-огузам³⁹. Их вождь, Баз-каган, был убит, а его балбал украсил в 692 году погребальный комплекс тюркского Ильтериш-кагана. Второе государство уйгуров (токуз-огузов), просуществовавшее в Северной Монголии около восьмидесяти лет, было разгромлено и токуз-огузы стали вассалами тюркских каганов.

Лишь часть токуз-огузских племен, не желавшая примириться с господством тюрков, ушла в низовья Эцзин-гола и, признав танский протекторат, поселилась в Ганьчжоу и Лянчжоу (Ганьсу)⁴⁰. Именно эти племена во главе с Яглакарами выдвинули в начале 40-х годов VIII века, через полвека после падения государства Баз-кагана, вождей нового уйгурского эля, о которых повествуется в стк. 12—18 Тэсинского памятника.

Заключительная часть Тэсинской надписи (стк. 19—20), как бы продолжая после стк. 6 повествование об интронизации и первых действиях Бёгю-кагана, сообщает об учреждении им ставок в Касар Коруге (Касар Кордан надписи из Шине Усу?) и Эльсере. Далее упоминается сам акт интронизации, в котором принимали участие «девять буюруков», «мои уйгуры» и именитые (аналогичные формулы сохранились в Терхинской надписи, стк. 28—30). Упоминается, что в западной ставке ко времени создания Тэсинской надписи каган провёл «(одно) лето». Никакие другие действия Бёгю-кагана в надписи сколько-нибудь заметного отражения не получили. Поэтому с достаточной долей уверенности памятник можно датировать началом времени правления Бёгю-кагана, скорее всего 761—762 годами.

Повествование в сохранившейся части Тэсинской надписи всюду ведётся только от лица автора, очевидно близкого родственника Элетмиш Бильге-кагана.

ТРАНСКРИПЦИЯ

Западная сторона

- (1) ... (строка полностью разрушена)
- (2) ... jyl[qa] ... (разрушены 42—43 знака) ...
- (3) ... myš aŋ[ynɬurty] ... (разрушены 40—42 знака) ...
- (4) ... aŋynɬurty uŋɣur qaɣum tuttuqda ... (разрушены 7—8 знаков) ...
[taɣu]ɣu jyl[qa] ... (разрушены 5—6 знаков) ...
- (5) ... [el]etmiš qaɣum jasy tegip učdy oŋly jabɣum qaɣan bolty
- (6) ... [o]lurty oŋly tarduš jabɣu tölöš čad olurty qaɣum el tutmyš

Северная сторона

- (7) ... [ö]ŋre qylyntuqda uŋɣur qaɣan olurmyš bükü uluɣ qaɣ[an] [ermiš]
- (8) ... u olurmyš byŋ eli üč jüz jyl el tutmyš ančyp boduny b[arɬy]
- (9) ... myš buzuq bašyn qyza uçuz kül eki atlyɣyn tüke bar[myš]
- (10) ... [b]edi bersil qadyr qasar anta barmyš ol bodunym keŋ kerišdi
- (11) ... [ö]ŋre tabɣačqa qyza synmyš uŋɣur qaɣan on jyl olurmyš jetmiš
jyl er[miš]

³⁸ А. Г. Малявкин. Указ. раб., стр. 117—120.

³⁹ О дате сражения см.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники..., стр. 34.

⁴⁰ E. Pulleyblank. Some remarks on the Toquzoghuz* problem. — Ural-Altaische Jahrbücher, 1956, Bd. XXVIII, Hf. 1—2, стр. 38—39.

Восточная сторона

- (12) ... da teŋride bolmyš el etmiš ujγur qaγan olur[myš]
 (13) ... ermiš qaγan ... (разрушены 3—4 знака) ... eki(?) ermiš anta-
 dan öd kenč qaγan ermi[š]
 (14) ... üčün otuz ... (разрушено 3—5 знаков) ... el tut[dy]ančyp jasy
 tegdi
 (15) ... teŋride bolmyš el etmi[š] qaγanym olurty el tutdy
 (16) ... l qaγanym belgüsin üčün öŋre küntoysuqdaqy bodun[qa]
 (17) ... [b]ol qyγ aja bašy olurtmyš ... (разрушено 18—20 знаков).

Южная сторона

- (18) ... (разрушено 18—20 знаков) ... kül beg bilge qaγan
 (19) ... zig qasar qoruy qonty čyt tikdi örgin jaratdy jajla[dy]
 (20) ... elser ilgerü qonty belgüsin bitigin bu urty bu jaratdy
 (21) ... lig ... ar [t]oquz bujuruq ... (разрушено 4—5 знаков) ... yuq
 ujγurym taj
 (22) ... (строка полностью разрушена) ...

ПЕРЕВОД

- (1) (строка полностью разрушена).
 (2) ... в год ...
 (3) ... был поднят (на войлоке, то есть возведен на трон) ...
 (4) ... был поднят (на войлоке). Когда мой уйгурский хан правил
 (элем) ... в год курицы ...
 (5) ... Мой Элетмиш-хан умер, (душа его) улетела. Его сын, мой ябгу,
 каганом стал.
 (6) ... на царство сел. Сыновья его стали (один) — ябгу тардушей,
 а (другой) — шадом телисов. Мой хан элем правил (или: Мой хан
 Эльтутмыш).
 (7) ... Когда, в прежние времена, были сотворены (или: возникли) ...
 уйгурские каганы на царство сели, (они были) мудрые и великие
 каганы.
 (8) ... они на царстве сидели. Триста лет множеством (букв.: ты-
 сячью) своих элей они правили. Потом их народ погиб.
 (9) ... Став мятежным из-за (наушений) вождей бузуков (их народ?)
 погиб, из-за (подстрекательства) ничтожного Кюля и двух имени-
 тых (их народ?) погиб.
 (10) ... Беди Берсил и Кадыр Касар тогда погибли. Тот мой народ за-
 тевал многие (междоусобные) распри и ссоры.
 (11) ... В прежние времена, восстав на табгачей, они были разбиты.
 Уйгурские каганы десять лет (тогда) царствовали. (Потом) ещё
 прошло семьдесят лет.
 (12) ... Неборожденный Элетмиш уйгурским каганом на царстве сидел.
 (13) ... был. Каган ... двое (?) были. После этого Од кенч каганом
 стал.
 (14) ... из-за ... тридцать (лет) элем правил. Потом он умер.
 (15) ... Мой неборожденный Элетмиш-каган на царстве сидел, элем
 правил.
 (16) ... Ради (прославления) своего герба (знака) мой каган, на на-
 роды, что живут впереди, в стороне солнечного восхода, (пошел
 походом?).
 (17) ... вознося хвалу, его посадили главою (эля) ...
 (18) ... Кюль-бег-бильге-каган...

- (19) ... он поселился в Касар Коруге, поставил чыт, воздвиг ставку. (Там) он провел лето.
- (20) ... На востоке, в Эльсере (?) он поселился. Свои знаки и свои письма так повелел выбить, так соорудить.
- (21) ... девять буюруков... мои уйгуры, Тай...
- (22) (строка полностью разрушена).

ПРИМЕЧАНИЯ

Стк. 3: о выражении «поднять ханом» и об обряде интронизации у древних тюрков по степному обычаю (поднятие бегами хана на белой кошме) см.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 95, прим. 115. Глагол *aýyndut-* 'заставить подняться', 'вознести', см.: K. Grönbech. *Komanisches Wörterbuch*. Köbenhavn, 1942, стр. 29.

Стк. 4: год курицы — 757 г.

Стк. 5: *jasy teg-* 'умирать'; ср.: ДТС, стр. 244, s. v. *jas*.

Стк. 6: *šad* 'шад', ср. Терхинская надпись, стк. 113.

Стк. 9: а) *buzıq başu* 'вожди бузуков'. Деление огузов (токуз-огузов) на бузуков и учуков до сих пор зафиксировано только в «Легенде об Огузе» и зависимых от нее текстах; ср. В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 577—578; А. Н. Кононов. Родословная туркмен, стр. 90—91; О бузуках и учуках по сведениям мусульманских авторов см.: С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 103; б) *qyz-* 'краснеть', 'багроветь', 'разъяриться'; в контексте Терхинской и Тэсинской надписей этот глагол, очевидно, следует переводить «становиться буйным, мятежным» и рассматривать как термин, указывающий политическое состояние.

Ст. 10: а) *keç* в значении «вражда», «ненависть», «злоба». См.: А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв., Л., 1980, стр. 182, § 325; б) Беди Берсил и Кадыр Касар, ср.: Терхинская надпись, стк. 17, где оба имени упомянуты в обратном порядке; тем самым ковенно подтверждается первоначальная атрибуция обоих имен.

Стк. 12: здесь полный титул Элетмиш Бильге-кагана несколько отличается от его титула в первых строках Терхинской и Селенгинской надписей: вместо *bilge* этническое имя *ıjuıg*.

Стк. 13: имя кагана *öd keñ* не отождествляется по иным источникам. Сопоставление с *idi keñ* (Идигянь, дотронное имя Бёгу-кагана, см. выше) указывает лишь на общность ономастической модели. По консультации С. Е. Яхонтова, имя *öd keñ* могло быть прообразом китайской транскрипции имени первого кагана второго уйгурского царства Тэгянь-сыгина (у Н. Я. Бичурина ошибочно Шы-гянь-Сыгинь, ср.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, М.—Л., 1950, стр. 302: «народ еще Шы-гянь-Сыгина объявил своим государем»). В этом случае в транскрипции опущены начальный гласный и последний слог: [ü]dgän[é]. Ср. позднюю (X в.) китайскую транскрипцию слова *keñ*: J. R. Hamilton. *Les Ouighours*..., стр. 138.

Стк. 19: *qasag qorıg*, название западной ставки Бёгу-кагана; по всей вероятности, соответствует названию *qasag qordap* в надписи из Шине Усу, см.: С. Г. Кляшторный. Терхинская надпись, стр. 87, 90, 94. Очевидно, эта ставка, основанная еще Элетмиш Бильге-каганом, тождественна городищу Пор-Бажын на оз. Тере-холь (Тувинская АССР); как показали раскопки С. И. Вайнштейна, Пор-Бажын является разрушенной дворцовой постройкой уйгурского времени; исследователь правильно предположил, что дворец мог принадлежать Баян-чору (Элетмиш Бильге-кагану), см.: С. И. Вайнштейн. Древний Пор-Бажын. — «Советская этнография», 1964, № 6, стр. 113—114. Слово *qorıg* в нарицательном значении «охраняемое, заповедное место», см.: G. Doerfer. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*, Bd. III. Wiesbaden, 1967, стр. 451—452.

Стк. 20: *elser* (?) — название восточной ставки Бёгу-кагана, в других памятниках не упомянуто.

Стк. 21: *toquz buııııg* 'девять буюруков'. Ср.: Терхинская надпись, стк. 6: «великих буюруков девять было»; по свидетельству Тан шу уйгурский хан имел «шесть внешних министров и трех внутренних» (Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 305).

* * *

Настоящая публикация содержит лишь самые краткие пояснения к прочтению и переводу Тэсинской надписи. Совершенно очевидны трудности интерпретации фрагментарного текста и вероятность неоднозначного понимания некоторых его частей. Оставляя за собой право на переиздание памятника и более широкое толкование содержащихся в надписи сведений, автор надеется, что в ходе последующего обсуждения многие спорные вопросы получат удовлетворительное решение.

РЕЦЕНЗИИ

«ЛЕКСИКА И СТИЛИСТИКА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА»

КАЗАНЬ, 1982, 102 стр.

Рецензируемый сборник выпущен Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР. В него включены четырнадцать статей, содержащих новые материалы как по современному татарскому языку и стилистике, так и по истории татарского языка.

Статья Ш. С. Ханбиковой посвящена антонимическим значениям слов — энантиосемии. В татарском языке отмечается два вида энантиосемии: 1) в самом значении (диффузность — двусмысленность значения) и 2) между значениями многозначного слова. Автор характеризует особенности обоих видов.

В статье Г. Х. Ахунзянова «Принципы составления толкового идиоматического словаря» говорится о подготовке Толкового словаря идиом татарского языка, включающего свыше десяти тысяч заглавных единиц. Он отдельно останавливается на рядах идиом, на их семантическом, стилистическом и грамматическом аспектах. В статье перечисляются формы, не отнесенные к заголовочным, указываются смежные с идиоматикой обороты, которые, по мнению автора, должны быть в словаре особо оговорены.

Р. К. Рахимова в статье «Названия, образованные семантическим путем» анализирует образование профессиональных терминов, которое приводит либо к расширению, либо, наоборот, к сужению основного смысла слова. Расширение значения слова происходит на базе его назывной функции, а сужение приводит к утрате прежнего значения слова. Сказанное относится к профессионализмам из самых различных областей трудовой деятельности человека.

Статья Ф. А. Ганиева «О семантике парных слов в татарском языке» впервые знакомит читателя с обстоятельствами возникновения парных слов и особенностями образования их общего значения.

«Глагольные повторы как выразители модальности в татарском языке» — так называется статья Ф. Г. Галлямова. Специальное изучение повторов началось у нас

с середины 50-х годов. Однако в грамматиках татарского языка повторы как способ выражения модальности не рассматривались. В статье на многочисленных фактах автор показывает роль татарских глагольных повторов в выражении модальности.

В статье М. Г. Мухамадиева «Употребление некоторых временных форм глагола на материале художественной прозы конца XIX—начала XX века» прослеживается процесс развития и становления литературных форм настоящего и будущего времени изъявительного наклонения и причастия на -ачак в татарском языке.

В настоящее время одной из актуальных задач топонимистов является сбор топонимического материала среди сельского населения. Статья Ф. Г. Гариповой «Названия рек, озер, дорог, гор и лесных опушек в устной речи населения Татарской АССР» посвящена уяснению некоторых вопросов функционирования топонимов в речи жителей сельских ареалов.

В современном татарском языке сформировалась богатая сельскохозяйственная лексика, отражающая историю и современное состояние всех сторон человеческой деятельности в этой области. Н. Б. Бурганова в статье «К вопросу о формировании сельскохозяйственной лексики в татарском языке» рассматривает древнетюркское происхождение подавляющего большинства сельскохозяйственной лексики (*басу, йаз, ышна, койок, жанык* и др.).

Термины родства относятся к наиболее древнему и устойчивому пласту татарской лексики. В статье Д. Б. Рамазановой анализируются термины родства пермских татар: 1) общие с татарским литературным языком; 2) диалектальные; 3) заимствованные из русского языка. Автор приходит к выводу, что в формировании татар Пермской области, как одной из этнографических групп татарского народа, большую роль сыграли поволжские татары. Это еще раз подтверждает существующее мнение о том, что говор татар Пермской области является одним из говоров татарского языка.

Как известно, у крещеных татар сохра-

нились различные древние дохристианские бытовые обряды, обрядовая поэзия, народные игры. В статье Ф. С. Баязитовой «Термины календарных обычаев и народных верований в говорах крещеных татар» впервые дан анализ обрядовых терминов. Автор разделяет их на два вида: обряды позднего, русско-христианского происхождения (такие, как *май чабу* 'масленица', *тройцын, трупцын* 'тройцын день', *симек* 'семика, день поминовения предков' и др.), и более древнего времени (такие, как *шыйлык, чук, қорман* и др.). Эти термины рассматриваются автором в связи с обрядовой поэзией, сопровождаются фольклорными материалами. Обрядовые термины представляют определенный интерес не только с точки зрения лингвистической, но также исторической и этнографической.

Статья И. А. Абдуллина «Памятная запись Киркора на кыпчакском языке (1579)» посвящена проблеме авторства армянописьменных текстов. В статье приводится текст памятной записи, найденной в фондах Центрального государственного исторического архива Украинской ССР, а также ее перевод, глоссарий и лингвистический анализ. Автор приходит к выводу, что почти все тюркские слова и арабо-персидские заимствования записи имеются в караимском и татарском языках в одних и тех же значениях.

В статье Ф. М. Газизовой «Повествовательный стиль в детских рассказах Ф. Ша-

фигуллина» отмечается, что в татарской детской прозе семидесятых годов особое место занимает творчество этого автора. Анализ языковых и стилистических особенностей его произведений показывает, что писатель широко использовал богатые возможности живой разговорной речи. Автор прослеживает также благотворное влияние на творчество Ф. Шафигуллина классика татарской литературы Галимджана Ибрагимова.

Статья Х. Р. Курбатова состоит из двух частей. В первой — «Стиль драматургии» анализируется функционально-содержательная и языковая структура диалога в произведениях драматургии. Во второй — «Стиль обиходной профессиональной литературы», говорится о двух разновидностях письменной функциональной речи: нейтрально-описательной и псевдо-фамильярной.

В статье И. Б. Башировой «Художественно-прозаическая речь М. Горького в переводах на татарский язык» рассматривается проблема поэтики перевода. Автор выделяет два периода в переводческой практике татарских писателей: период дословного или адекватного перевода и период творческого перевода. В статье оцениваются достоинства и недостатки обоих методов.

Материалы сборника, несомненно, представляют определенный интерес как для языковедов, так и для историков и этнографов.

Т. Х. Хайрутдинова

Э. ҚИЛИЧЕВ. БАДИЙИ ТАСВИРНИНГ ЛЕКСИК ВОСИТАЛАРИ

УЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ, ТОШКЕНТ, 1982, 88 стр.

В последние годы в узбекском языкознании заметно расширились исследования в области стилистики¹.

Рецензируемая монография Э. Қиличева посвящена актуальным проблемам узбекской стилистики, содержит интересные теоретические выводы, обширный фактический материал. Книга открывается главой «Слово и его стилистические потенции», в которой

на основе субстанциального понимания сущности языковых единиц рассматривается многообразие стилистических функций слова в конкретных речевых ситуациях. Автор считает, что функциональное многообразие заложено в самом слове и проявляется лишь в определенном контексте. В этой же главе исследуются некоторые вопросы теории лексической стилистики, в частности, проявление номинативной и экспрессивной функций языка в процессе коммуникации в диалектическом единстве. Автор справедливо подчеркивает, что, если бы слово имело в языке только номинативное значение, то речь должна была бы носить характер математических формул, лишенных всякой образности и художественности (стр. 8). Именно сочетание номинативной и экспрессивной функций позволяет языку быть средством художественного выражения

¹ Р. Қунғуров. Субъектив баҳо формализациянинг семантик ва стилистик хусусиятлари. Тошкент, 1980; А. Шомақсудов. Узбек тили стилистикаси. Т. I, II. Тошкент, 1974; Қ. Самадов. Ойбек — сўз санъаткори. Тошкент, 1965; И. Қўчқортоев. Бадийи нутқ стилистикаси. Тошкент, 1972; М. Содиқова. Фейл стилистикаси. Тошкент, 1972; Л. Абдуллаева. Лексическая стилистика узбекской художественной литературы. Ташкент, 1979.

(стр. 10). В тесной связи с этим Э. Киличев анализирует семантическую структуру слова. Автор убедительно доказывает, что последняя включает также коннотативное (экспрессивное, дополнительное) значение, и таким образом семантическая структура слова рассматривается как $S = H + K$ (семантика слова равна номинации плюс экспрессия/коннотация). Поэтому в книге выделяются ингерентные — свойственные слову на языковом уровне коннотативные значения и адгерентные — контекстуальные коннотативные значения. В ингерентных коннотативных значениях, являющихся важным компонентом семантической структуры слова, различаются словарные единицы (*ораз* 'лик', *турк* 'харя'). На основании анализа реализации семантической структуры слова в речи Э. Киличев показывает, что адгерентное коннотативное значение слова основывается на определенных семах и связано с нарушением нормальных синтагма-

тических связей слова. Именно через это свойство осуществляется связь между языковым значением и речевым функционированием слова.

Последующие три главы работы посвящены стилистической роли синонимов, функционально ограниченных слов (архаизмов, историзмов, профессионализмов, жаргонизмов, диалектизмов и вульгаризмов), топонимов, антропонимов и переносного словоупотребления. Автор останавливается также на стилистике произведений узбекской художественной литературы, в частности, — стиле С. Айни.

Работа Э. Киличева представляет несомненный интерес с точки зрения развития теории узбекской лингвистической стилистики и изучения практики художественного словоупотребления.

А. Б. Абдуллаев, Х. Г. Нигматов

3. И. БУДАГОВА. АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК

ИЗД-ВО «ЭЛМ», БАКУ, 1982, 136 стр.

В рецензируемой книге сжато и четко изложены основные вопросы грамматики азербайджанского языка и обобщены достижения азербайджанской лингвистики в решении важнейших проблем его грамматического строя, раскрыты особенности функционирования современного азербайджанского языка в самых различных сферах социально-экономической, политической и культурной жизни республики.

Книга включает обширное «Введение» и пять глав: «Лексика», «Фразеология», «Фонетика», «Морфология», «Синтаксис». В конце дана библиография.

Во введении дается краткий очерк истории азербайджанского языка, сфер его функционирования, а также развития азербайджано-русских языковых связей. Автор отмечает, что азербайджанский язык является одним из наиболее развитых и богатых старописьменными тюркских языков Советского Союза с многовековой литературной традицией.

Великая Октябрьская социалистическая революция и претворение в жизнь ленинской национальной политики создали все необходимые условия для расцвета азербайджанского литературного языка. За годы Советской власти азербайджанский язык неизмеримо расширил свои общественные функции. З. И. Будагова подчеркивает, что именно в советское время в полной мере развились функциональные стили азербайджанского языка, обогатился его лексиче-

ский состав и усовершенствовался грамматический строй, была разработана научно обоснованная орфография, осуществлен переход на новый алфавит сперва на основе латинской, а затем — русской графики.

В главе «Лексика», выделяя основные лексические пласты языка, автор говорит об исконно азербайджанских словах как самобытной основе языка, а также о путях обогащения его лексического фонда заимствованиями.

Краткий очерк фонетики азербайджанского языка написан с учетом последних достижений советской фонологической школы и раскрывает специфику и общие закономерности фонетического строя языка. Классификация гласных и согласных звуков дается на базе живого азербайджанского языка и претерпеваемых им изменений, обусловленных его развитием.

Принципы орфографии также разработаны на основе внутренних законов азербайджанского языка и особенностей его развития на современном этапе. При этом учитывались фонетический, морфологический и другие принципы, принятые для всех развитых современных языков, что нашло отражение в «Орфографическом словаре» (Баку, 1975), включающем 58 тысяч слов.

Интересные сведения сообщает автор об орфоэпии и пунктуации азербайджанского языка, отмечая, что до революции в Азербайджане даже не ставился вопрос об унифицированном литературном произноше-

нии и правилах пунктуации, не проводилось никакой работы по лексикографии. Стабилизация и совершенствование норм языка во всех этих аспектах является плодом работы азербайджанских языковедов лишь в последние десятилетия.

Богатейший материал содержит глава «Морфология». Здесь автор дает описание важнейших морфологических категорий азербайджанского языка, раскрывая их синтаксические функции. Подобный подход к описанию морфологических категорий способствует совершенствованию практики преподавания как в средней, так и в высшей школе.

В главе «Синтаксис» автор опирается на роль синтаксических конструкций в речи. Синтаксические определения и рекомендации сопровождаются большим числом убедительных иллюстраций из произведений художественной литературы и из периодической печати.

Принципы описания и классификации структурных схем сложноподчиненных кон-

струкций, интерпретация придаточных частей последних в рецензируемой книге традиционны. Однако на современном этапе развития языкознания нам представляется более целесообразной структурно-семантическая классификация сложноподчиненных предложений с выделением трех основных типов придаточных частей: изъяснительной, определительной и обстоятельственной. Недостаточно полно, на наш взгляд, изложен раздел фразеологии, где не учтены в полном объеме исследования крупных азербайджанских ученых в этой области. Впрочем, данные частные замечания ни в коей мере не умаляют общей значимости рецензируемого издания.

Выход в свет книги З. И. Будаговой на русском языке будет способствовать дальнейшему укреплению интернациональных связей в нашей республике, поможет освоению русскоязычным населением азербайджанского языка.

Р. Дж. Магеррамова, Г. И. Попова

«CHUVASH STUDIES»

EDITED BY ANDRÁS RONA-TAS. — BIBLIOTHECA ORIENTALIS
HUNGARICA, XXVIII. BUDAPEST, 1982, 306 стр.

Сборник включает пятнадцать статей, в основу которых положены доклады, прочитанные на симпозиуме по проблемам чувашских исследований, проводившемся в г. Эгере (Венгрия) с 26 по 28 октября 1977 года.

Интерес к чувашским материалам объясняется широким использованием их при изучении истории венгерского языка, а также в тюркологии и алтаистике. Поэтому мы позволим себе подробно остановиться на содержании ряда помещенных в сборнике статей и высказать некоторые критические замечания.

В статье К. Адыгаши (С. Agyagási. On the edition of Chuvash literary sources, стр. 7—17) подчеркнута необходимость критического издания чувашских текстов XVIII—XIX веков, что, по мнению автора, позволит уточнить фонологическую систему языка, несколько затемненную орфографией. Масштабы и характер возможных уточнений показаны автором на примерах передачи согласных *ś*, *r*, *k* и редуцированного гласного *ä* в словах *śutär* 'дождь', *егне* 'пятница', 'неделя', *vätär* 'тридцать', *aläk* 'дверь', 'ворота'. К статье приложен список наиболее значительных источников новочувашского языка.

К. Цегледи в своей статье (С. Czeglédi. Contribution to the microtoponymy of the Chuvash Republic, стр. 19—43) стремится

выяснить, как отразилась в географических названиях старая социальная и этническая структура чувашей. В статье приведены топонимы типа *Sëršiv* (ср.: др.-тюрк. *yer sub*) и такие, которые включают в себя слова *šekër*, *xula* 'город', *sala* 'селение', *utag* ~ *xutär* 'хутор', *viššälkkä* 'выселка', *kil* 'дом, жилище', *pürt* 'дом, изба', *śürt* 'дом с надворными постройками' и т. д., этнические названия, имена собственные и титулы.

И. Фодор (I. Fodor. On Magyar — Bulgar-Turkish contacts, стр. 45—81), сообщая в статье сведения о венгеро-булгарских контактах с позиций археолога, подчеркивает особое значение результатов раскопок на территории Волжской Булгарии (захоронения в Больших Тарханах, Танкеевке) и в некоторых других местах. Археологические данные, по его мнению, подтверждают наличие двух продолжительных периодов влияния булгарского языка на венгерский: первого — от начала до конца VIII века (контакты с волжскими булгарами), второго — от начала IX века до 860 года (контакты с донскими булгарами). Автор не исключает также более поздние влияния. Попутно в статье затрагиваются вопросы венгеро-аланских контактов в районе распространения салтовской культуры и происхождения секелей (стр. 54—56) и кабаров (стр. 68—69).

Ж. Какук. (S. Kakuk. The Hungarian hi-

historical etymological dictionary and Chuvash phonology, стр. 83—95) исследует фонетическую сторону тюркских заимствований «чувашского типа» в венгерском языке по материалам венгерского этимологического словаря, реконструирует чувашские архетипы и воспроизводит посредством таблиц системы вокализма первого слога в древневенгерском, древнечувашском (VI—IX века), современном венгерском и современном чувашском языках.

Статья Ж. Какук, пожалуй, единственная, где ранние тюркские заимствования венгерского языка ни разу не именуются болгарскими словами. Автор вполне обоснованно, с большой осторожностью квалифицирует их как тюркизмы чувашского типа. В самом деле, есть ли сколько-нибудь достоверные факты, которые позволяли бы решительно отождествлять древнечувашский язык с болгарским? Совершенно неясно, что побудило Н. И. Ашмарина и З. Гомбоца считать современный чувашский язык прямым продолжением болгарского. Эта связь скорее всего была установлена произвольно, ибо имеющиеся сведения о языке болгар не совпадают с результатами анализа венгерских тюркизмов чувашского типа, ср.: *avus* 'воок', *azaq* 'нога', *toz* 'насыщаться, наедаться', *qanaq* 'сливки', *kökläs* 'породниться', *-así* — аффикс причастия будущего времени с модальным оттенком долженствования (МК I 32, 383; МК II 59, 68, 224). Приведенные сведения принадлежат Махмуду Кашгари и, хотя О. Прицак подвергает сомнению их достоверность¹, мы не вправе пренебрегать ими.

В статье Л. С. Левитской («Имеются ли в чувашском языке огузские элементы?», стр. 97—103) отмечается отсутствие сложившегося четкого представления о специфически огузских языковых признаках, поэтому автор ограничивает свою задачу перечислением огузско-чувашских изоглосс, нуждающихся в дополнительной интерпретации и обосновании.

М. Палло (M. Palló. The Bulgar-Turkish loanwords of the Hungarian language as sources of Chuvash prehistory, стр. 105—112) сосредоточивает свое внимание на заимствованных словах венгерского языка, относящихся к хозяйственной деятельности тюрков. Фонетический анализ их и учет заимствований соответствующей тематической группы в монгольских языках приводят М. Палло к выводу, что и те, и другие заимствования отражают культурное влияние одного и того же народа на востоке и на западе.

Бесспорным достоинством статьи является попытка автора систематизировать тюркские заимствования в венгерском языке и распределить их по

пластам: заимствования утурского периода, заимствования в период пребывания в Приуралье и слова, заимствованные в последующее время. К утурскому периоду отнесены: *hattüy* 'лебедь' (<*kottan), *hód* 'бобер' (<*qund-uz ~ чуваш. *xántär*) и, в виде предположения, *irdal* 'вырезать', 'делать зарубки' (*ir-dal*, ср.: тюрк. *ir-*), *telepedik* 'останавливаться, располагаться, поселяться' (*tel-ep-edik*, ср.: тюрк. *tüs-*). Значительная часть заимствований второго периода связана со скотоводством и земледелием, например: *bika* 'бык' (<*bīqa), *ökör* 'вол' (<*ökür), *tinó* 'бычок' (<*tīna), *ünö* 'телка' (<*ināy), *borjú* 'теленоч' (<*burayū), *kos* 'баран' (<*qos), *ürü* 'баран' (<*iriy), *toklyó* 'годовалое животное' (<*toqliy), *kecske* 'коза' (<*käckä), *olló* 'козленок' (<*oylay), *kölyök* 'детеныш' (<*kölāk), *iker* 'близнецы' (<*ikig ~ тюрк. *ikiz*), *harang* 'колокол' (<*qongar), *ól* 'хлев, стойло' (<*ayil), *vályu* 'колода, кормушка' (<*olug), *béko* 'оковы', 'кандалы' (<*bīqay), *gyarjú* 'шерсть' (<*jaraγi), *disznó* 'свинья' (<*gyisnó <*jisnay, ср.: чуваш. *sīsna*), *tyúk* 'курица' (<*tīvuq), *búza* 'пшеница' (<*buyday) и т. д. Слова *törvény* 'закон', *tanú* 'свидетель', *bakó* 'палач', *bilincs* 'кандалы', *bér* 'плата за наем', *sereg* 'войско' заимствованы из тюркского языка, не поддающегося пока определению.

Признавая полезность учета ранних тюркских заимствований в венгерском языке для истории чувашского языка, мы должны вместе с тем отметить, что пространственная и хронологическая неуточненность заимствований, а также отсутствие строгих критериев отнесения их фонетических особенностей к заимствующему языку, языку-источнику или языкам-посредникам существенно затрудняют использование частных выводов для принятия принципиальных решений. Можно ли, например, ссылаясь на характер анлаута в таких венгерских словах «древнечувашского» типа, как *szőlő* 'виноград', *szücs* 'скорняк', *szél* 'ветер', *gyom* 'сорная трава', *gyümölcs* 'плод, фрукт', *gyűrű-fa* 'ясень', быть уверенным в том, что в IX веке чувашские диалекты различались по признаку глухости-звонкости начальных согласных? Дело в том, что многие фонетические черты заимствованных слов «древнечувашского» типа сформировались в иноязычной среде. Примечательна в этом отношении так называемая палатализация проточувашских («алтайских») *r* и *l*, которую Л. Лингетти убедительно объясняет как явление, развившееся на венгерской почве².

В статье А. Рона-Таша (A. Róna-Tas. The periodization and sources of Chuvash linguistic history, стр. 113—169) вначале предлагается периодизация тюркской языковой

¹ O. Pritsak. Kāšgaris Angaben über die Sprache der Bulgaren. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 109(34), Wiesbaden, 1959, стр. 99 и след.

² L. Ligeti. A propos du rhotacisme et du lambdacisme. — «Central Asiatic Journal», XXIV, 3—4, Wiesbaden, 1980, стр. 237, 247.

истории: 1) алтайский период; 2) пратюркский (время отделения тюрков от других алтайских племен; в этот период развились ротацизм и ламбдаизм, ставшие типичными чертами булгаро-чувакской группы); 3) древнетюркский (характеризуемый разделением тюркского языка на обычный тюркский и булгаро-тюркский); 4) средне-тюркский (началом которого явилось монгольское нашествие); 5) новотюркский (когда происходит окончательное формирование современных тюркских языков); 6) современный тюркский. В периодах от пратюркского до новотюркского включительно выделены раннее и позднее состояния. Периодизация опирается на уточненные хронологические координаты, при этом первое место отводится разделению тюркского праязыка на две группы диалектов (*l/r* и *š/z*).

В истории самого чувашского языка А. Рона-Таш выделяет четыре периода: древнебулгарский, старобулгарский, среднебулгарский и новобулгарский. Древнебулгарский период — время, когда булгарские диалекты существовали в пределах позднего пратюркского состояния (первые века до н. э. — начало IV века н. э.). Раннее старобулгарское время — от середины IV века до 670 года (от появления оногузо-булгарских племен на территории Казахстана до распада Великой Булгарии), позднее I — от 670 года до IX века, позднее II — от IX до XIII века. Среднебулгарский период начинается со времени краха Волжской Булгарии и характеризуется интенсивными этническими процессами: часть булгар подверглась татаризации, другая часть вступила в тесные контакты с финно-уграми. Раннее среднебулгарское время — от монгольского нашествия до образования Казанского ханства в 1430 году, позднее — от 1430 года до падения Казани в 1551/1552 годах. Ранний подпериод новобулгарского, или чувашского, периода — от середины XVI века до первой четверти XVIII века (то есть до появления первых письменных источников чувашского языка), поздний — от начала XVIII до конца XIX века (до образования литературного языка).

В следующем разделе статьи систематизированы источники по истории чувашского языка, подразделяемые автором на две группы: письменные и языковые. К первой группе отнесены булгарские материалы и материалы, написанные на других языках, ко второй — имена собственные, топонимы, этнонимы, титулы, а также глоссарии. В пределах второй группы различаются четыре подгруппы: 1) данные обычных тюркских языков; 2) факты чувашского языка; 3) слова, заимствованные чувашским языком; 4) булгарские слова, заимствованные другими языками.

Отмечая трудности восстановления алтайских праформ и предостерегая от поспешных решений, А. Рона-Таш склоняется к мысли о том, что неотложной задачей в настоящее время являются реконструкции на

уровне позднего пратюркского состояния. Опорой для них могут служить: заимствования из тохарских языков; древнеиранские и ранние среднеиранские заимствования; тюркские заимствования в венгерском языке (в частности, булгаризмы), в енисейских, монгольских, поволжско-финских языках, в русском языке; арабские и персидские слова, вошедшие в булгарский язык в процессе исламизации булгар.

Действительно, реконструкции на уровне позднего пратюркского состояния — важная задача сравнительного изучения тюркских языков, однако сразу же возникает вопрос о том, насколько они будут достоверны, если основной опорой для них станут иноязычные слова тюркских языков и тюркизмы, обнаруживаемые в нетюркских языках, в частности, в венгерском. Заимствования — не основной, а вспомогательный источник сравнительно-исторического языкознания, хотя и полезный, однако недостаточно надежный, нередко вводящий в заблуждение. Разве достаточно ссылки на коми-зырянское *gub* 'гриб' для вывода о том, что в булгарском языке в анлауте был звонкий согласный и что чувашское *kämpä* — результат поздних фонетических преобразований?

После прочтения ряда работ, так или иначе затрагивающих проблему древнечувашских заимствований в разных языках, складывается впечатление, что эти заимствования даже в современном виде являются абсолютно точными копиями их прототипов. Между тем, обычность изменений, связанных с фонетическим освоением заимствованных слов, совершенно очевидна. Приведем несколько примеров для иллюстрации масштабов и характера изменений заимствованных слов в тюркских языках: алт. *ad'ala* 'одеяло', *baγon* 'вагон', *ayıl* 'юм', *bätere* 'квартира', *beçet* 'печать'; башк. *yoma*, ног. *yuma*, тат. *žompa* 'пятница'; кирг. *azıŋ* 'сейчас', 'теперь', *ubaqıl* 'время', *ökmoŋ* 'правительство', 'власть'; ног. *yavar* 'ответ', *yaŋ* 'душа', 'жизнь'; тув. (диал.) *moža* 'вожжи', *bödür* 'ведро', *höreŋ* 'копна'; чуваш. *kever çul* 'бриллиант'. Трудно представить себе, как выглядели бы прототипы этих слов, если бы они реконструировались с учетом главным образом внешнего облика заимствований. Здесь уместно также заметить, что некоторые венгерские слова, относимые к числу заимствований из древнечувашского языка, являются сомнительными тюркизмами и имеют более или менее надежные уральские этимологии, ср.: *nyár* 'лето'.

Скажем также несколько слов по поводу противопоставления чувашского языка, как наиболее архаичного, другим тюркским языкам. Такое противопоставление не подкрепляется убедительными аргументами. Вообще, деление языков на архаичные и новые, строго говоря, нельзя признать научным. Каждый язык содержит элементы разнор.

³ З. Б. Чадамба. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, стр. 83.

степени древности, соотношение которых предопределено историческими судьбами его носителей, условиями функционирования, характером и продолжительностью контактов с другими языками. Для чувашского языка, пережившего многократные смены языкового окружения, естественны преобладание инноваций и значительный отход от того, что принято считать поздним пратюркским состоянием. Налицо почти полное смещение вокализма, о чем писалось раньше и что констатируется автором одной из статей в рецензируемой книге (см. статью Ж. Какуж, стр. 84): «изменения гласных [при переходе] от древнечувашского к современному чувашскому языку наиболее запутанные: практически ни один из древнечувашских гласных не сохранил своего первоначального качества». Примерно так же обстоит дело и с консонантизмом, ср.: переход в ряде слов *q* в *y* (yur 'снег', yup 'кровь', yul- 'оставаться', yepñ 'ножны'), *s* в *š* (šugā 'белый', šug 'болото', šiv 'вода', šamā 'кость', šanāg 'жила'), *t* в *č* и *š* (čul 'камень', čeg 'колено', čelxe 'язык', šal 'зуб') и т. д.; образование группы протетических согласных; развитие явлений ротацизма и ламбдаизма, вторичность которых получает все большее признание у тюркологов. Есть основания считать вторичными и чувашские формы типа *kāvak* 'синий', 'толубой', *tāvata* 'четыре', *tāvar* 'соль' (ср.: якут. *kūōx*, *tūōrt*, *tūs*). «Не вероятнее ли, — писал в связи с этим П. М. Мелиоранский, — что как раз у чувашей, которые в течение столетий были отделены от других тюрков, первоначальные долгие гласные стали дифтонгами, что как раз у них различными способами развились вторичные звуки...»⁴. Значителен отход от позднего пратюркского состояния и в морфологии. Достаточно обратиться к системе глагольных форм. Многие из них находятся на крайней ступени преобразования общетюркских или региональных прототипов, ср.: *ilē* 'возьмет' (<alar), *ilētē* 'взял бы' (<alar erti), *ilettē* 'брал' (<ala erti), *iletēr* 'беру' (<ala turur pen), *ilnēččē* 'он взял' (<alyan erti). Таким образом, особенности чувашского языка в большинстве своем отражают не ранние этапы общетюркской эволюции, а относительно поздние процессы обособленного развития, где не все пока ясно, в том числе причины наблюдаемых в области фонетических изменений случаев параллелизма с монгольскими языками.

Ю. Салонтай-Дмитриева в своей статье (J. Szalontai-Dmitrieva. The etymology of the Chuvash word *yumšā* 'sorcerer', стр. 171—177) после обзора этимологии чувашского слова *yumšā* 'знахарь', 'ворожея' высказывает мнение, что оно соответствует не

древнетюркскому *qam* 'шаман' (+-čī), а татарскому *yomčī* (?), стоящему в одном ряду с монгольским письменным *domčī* 'знахарь'.

Следует согласиться с тем, что присоединение тюркского агентивного аффикса -čī (~ чуваш. -šā) к существительным с агентивным значением наблюдается чрезвычайно редко: к карaimскому *qamjī* 'шаман' (*qam* 'шаман') мы могли бы добавить турекское *türkčū* 'тюрк националистического образа мыслей' (*türk* 'тюрк'). И все же этимология, предложенная в свое время Ю. Немеетом, предпочтительнее этимологии Ю. Салонтай-Дмитриевой, так как она безупречна в фонетическом отношении, ср.: чуваш. *yupñ 'шаман' ~ тат. *qam*; чуваш. yupñ 'кровь' ~ тат. *qap*; чуваш. yur 'снег' ~ тат. *qat* и т. д.

Статья Ю. Тарди (J. Tardy. A contribution to the cartography of the Central and Lower Volga region, стр. 179—236) содержит описание карт Поволжья, составленных в период с X по XVII век включительно.

Картографические материалы должны стать объектом специального сопоставительного исследования, результаты которого дополнят и уточнят сведения о Волжской Булгарии, почерпнутые из разного рода письменных источников.

Л. Тарди («Ранние венгерские путешественники в Поволжье», стр. 237—246) сообщает о пребывании в Поволжье лиц венгерского происхождения, начиная от монаха Юлиануса (XIII век) и кончая А. Регули и А. Дешко (XIX век).

И. Вашари (I. Vásáry. The «Yugria» problem, стр. 247—257) излагает план работы, в которой в целях выяснения вопроса о прародине венгров будут рассмотрены различные аспекты соотношения старого русского этнонима «угры», обозначающего венгров, и старого русского этно-географического наименования «югра», относившегося к определенному народу и территории в Сибири.

В статьях Л. Викара, Е. В. Владимирова и Л. Загемского (L. Vikár. Chuvash melody types, стр. 259—265; Е. В. Владимиров. Чувашская литература на современном этапе, стр. 267—274; L. Zahemszky. Konstantin Ivanov's versification and Chuvash folk poetry, стр. 275—284) получили освещение чувашские народные мелодии, состояние современной чувашской литературы, особенности стихосложения.

В целом рецензируемый сборник заслуживает высокой оценки и, несомненно, представляет интерес для широкого круга советских тюркологов, занимающихся сравнительным исследованием тюркских языков и изучением чувашского языка, чувашской литературы, стихосложения, народной музыкальной традиции.

А. М. Щербак

⁴ P. Melioranskij. [Рец. на: V. Grönbech. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. København. 1902]. Aus den Göttingischen gelehrten Anzeigen, 1904, № 6, стр. 498.

PERSONALIA

РАХИЛЯ ДЖАВАД КЫЗЫ МАГЕРРАМОВА

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения старшего научного сотрудника Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР, доктора филологических наук Рахили Джавад кызы Магеррамовой.

Р. Дж. Магеррамова родилась 7 ноября 1923 года в городе Баку в семье рабочего. Окончив в 1941 году Бакинское педагогическое училище им. Сабира и в 1945 году филологический факультет Азгосуниверситета им. С. М. Кирова, она поступила в аспирантуру при Институте языка Академии наук Азербайджанской ССР, одновременно работая в этом же институте младшим научным сотрудником. В 1949 году за успешную защиту диссертации «Язык прозы А. Ахвердова» Р. Дж. Магеррамовой, одной из первых среди азербайджанок, была присуждена ученая степень кандидата филологических наук. С 1950 года она была переведена на должность старшего научного сотрудника. В 1969 году Р. Дж. Магеррамова защитила докторскую диссертацию

«Лексика сатиры М. А. Сабира». С 1968 по 1973 год заведовала отделом истории азербайджанского языка Института языкознания.

Изучение истории азербайджанского литературного языка (преимущественно XVIII—XX веков) является основным направлением научно-исследовательской деятельности Р. Дж. Магеррамовой. Ею написан ряд работ, посвященных языку и стилю классиков азербайджанской литературы (Вагифа, Ахвердова, Сабира и др.), а также вопросам исторической грамматики и терминологии азербайджанского языка. Она один из основных авторов и редакторов трехтомной «Истории азербайджанского литературного языка». Среди монографических исследований Р. Дж. Магеррамовой особо следует выделить две книги: «Лексика сатиры М. А. Сабира» и «Язык М. А. Сабира», в которых анализируются художественные особенности языка великого азербайджанского поэта-сатирика и показана его роль в обогащении и демократизации азербайджанского литературного языка начала XX века. Р. Дж. Магеррамова много внимания уделяет вопросам взаимоотношения литературно-письменного языка, народно-разговорной речи и диалектов в процессе формирования национального языка, а также упорядочения орфографии. Проблемы синонимии и антонимии, полисемии и омонимии, словообразования и фразеологии рассматриваются в работах Р. Дж. Магеррамовой на богатом фактическом материале языка художественных произведений. Исторический подход, учет широкого контекста произведения и целеустановки писателя составляют характерную неотъемлемую особенность исследовательского метода ученого.

Р. Дж. Магеррамова часто выступает с докладами и сообщениями на всесоюзных и республиканских конференциях и совещаниях по вопросам истории и диалектологии, лексикологии и фразеологии тюркских языков.

Научную работу Р. Дж. Магеррамова сочетает с педагогической деятельностью: она

читает курсы лекций по истории азербайджанского литературного языка и исторической грамматике на филологическом факультете Азгосуниверситета им. С. М. Кирова и историко-литературном факультете Нахичеванского госпединститута им. Ю. Г. Ма-медалиева.

Немалый вклад внесен Р. Дж. Магеррамовой и в подготовку высококвалифицированных научных кадров: под ее руководством защищено семь кандидатских диссертаций. Наряду с этим, она принимает деятельное участие в пропаганде знаний по азербайджанской филологии. Систематически выступая с обзорами и рецензиями по радио и телевидению, на страницах периодической печати, Р. Дж. Магеррамова знакомит широкую общественность республики с достижениями азербайджанского языкознания.

С 1978 года по настоящее время Р. Дж. Магеррамова является ученым секретарем Специализированного совета при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР — одного из трех существующих в нашей стране советов по защите докторских диссертаций по специальности «тюркские языки».

Свое шестидесятилетие Р. Дж. Магеррамова встречает в расцвете сил и активной научной, педагогической и общественной деятельности.

Многочисленные друзья и коллеги поздравляют Рахилу-ханум Магеррамову с юбилеем и от всей души желают ей доброго здоровья и новых успехов в ее научной деятельности.

А. К. Алекперов

РАХИМ РАДЖАБОВИЧ МУКУМОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и сорок лет научно-педагогической деятельности видного литературоведа, драматурга, переводчика, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, заведующего кафедрой литератур народов СССР и теории литературы Самаркандского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. Алишера Навои, док-

тора филологических наук, профессора Рахима Раджабовича Мукумова.

Р. Р. Мукумов родился 2 декабря 1923 года в городе Самарканде в семье служащего. После окончания в 1942 году историко-филологического факультета Среднеазиатского государственного университета, он начал преподавать в Самаркандском государственном педагогическом институте (до 1944 года), а затем в Самаркандском государственном университете, где трудится по настоящее время почти уже сорок лет.

Все эти годы Р. Р. Мукумов вел большую и плодотворную научно-педагогическую работу.

Первым значительным исследованием Р. Р. Мукумова явилась его кандидатская диссертация «Жизнь и литературная деятельность Мухаммадшарифа Гульхани» (1948), благодаря которой изучение творчества этого видного представителя узбекской классической литературы было включено в учебные программы средних школ и филологических факультетов вузов.

В 1975 году Р. Р. Мукумов успешно защитил докторскую диссертацию «Проблемы сатиры и сатирического образа в узбекской и таджикской классических литературах», в которой проследил и проанализировал основные этапы развития сатиры в творчестве писателей — представителей двух братских народов, проблемы взаимосвязей и взаимообогащения литератур среднеазиатского региона. В монографических исследо-

ваниях «Сатира в узбекском устном народном творчестве» (1970), «Основные этапы развития узбекской и таджикской сатиры» (1974) автору удалось глубоко осветить теоретические и исторические аспекты этого литературного жанра.

Р. Р. Мукумов в 1963 году составил программу курса «Литература народов СССР» для узбекских университетов и педагогических институтов и на ее основе в соавторстве с М. Шариповым написал первый учебник-хрестоматию «Литература народов СССР», уже дважды издававшийся массовым тиражом на узбекском языке.

Р. Р. Мукумовым написаны монографии «Жизнь и литературная деятельность Мухаммадшарифа Гульхани» (1959), «Сабир Абдулла» (1965), «Драматургия Джалала Икрами» (1978, в соавторстве с А. Алиевым). Перу Р. Р. Мукумова принадлежит целый ряд статей в «Большой Советской Энциклопедии», «Краткой Литературной Энциклопедии», «Узбекской Советской Энциклопедии», «Таджикской Советской Энциклопедии». Он активно выступает на страницах литературных журналов.

Р. Р. Мукумов является членом Союза писателей СССР с 1958 года. Он автор пьес «Верность», «Мудрец из Хорасана», «Сын трех отцов», poem «Песня рассвета», «Царь и нищий», многочисленных рассказов и очерков. Им переведен на узбекский язык ряд произведений писателей братских народов СССР. Много внимания уделяет Р. Р. Мукумов и редакторской работе.

Большое место в деятельности Р. Р. Мукумова занимает подготовка кадров литературоведов. Под его руководством защищено около десяти кандидатских диссертаций.

Научно-педагогическая и творческая деятельность профессора Р. Р. Мукумова получила высокую оценку: в 1983 году ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.

Многочисленные ученики, коллеги и друзья сердечно поздравляют Рахима Раджабовича Мукумова со славным юбилеем и желают ему доброго здоровья и дальнейших успехов в научной, педагогической и творческой деятельности.

Б. Юлдашев

МУХАММЕД ХАЙРУЛЛОВИЧ ГАЙНУЛЛИН

(К восьмидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось восемьдесят лет видному татарскому литературоведу, заслуженному деятелю науки РСФСР и ТАССР, члену Союза писателей СССР, доктору филологических наук профессору М. Х. Гайнуллину.

М. Х. Гайнуллин родился в 1903 году в селе Кызылтау Апастовского района Татарской АССР. Окончив в 1931 году Казанский Восточный педагогический институт, он начал преподавать в Казанском государственном педагогическом институте. С 1944 года по настоящее время М. Х. Гайнуллин работает в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР.

Благодаря исследованиям М. Х. Гайнуллина современный татарский читатель получил возможность ознакомиться с творчеством таких крупных писателей-просветителей, как Закир Хади, Фатих Карими, Шакир Мухамедов, Риза Фахрутдинов, поэтов Дәрдемнәд и Сагит Рамиев.

Перу М. Х. Гайнуллина принадлежат учебники для вузов «Татарская литература начала XX века» (1947, 1954) и «Татарская литература XIX века» (1957), а также капитальные монографии «Татарская литература и публицистика начала XX века» (1966, 1983) и «Татарская литература XIX века» (1975). За работу, посвященную литературе и публицистике начала XX века, ему в 1958 году была присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Работы М. Х. Гайнуллина вносят важ-

ный вклад в теоретическое осмысление литературного процесса XIX и начала XX века, в разработку вопросов творческих методов просветительского и критического реализма. В его исследованиях немало ценных наблюдений и высказываний о новаторстве и идейно-эстетической ориентации татарских писателей, о взаимодействии и сочетании художественных традиций Востока и Запада в их творчестве. Особого внимания заслуживает его многолетнее изучение такого сложного общественного явления, как джадидизм.

М. Х. Гайнуллин активно работает и над изучением литературных взаимосвязей. Еще в 1944 году вышла его книга «Горький и татарская литература». Объектом внимания М. Х. Гайнуллина стали также взаимосвязи татарской литературы с литературами других братских народов Советского Союза и прежде всего с русской.

Много сил и энергии отдает М. Х. Гайнуллин подготовке педагогических и научных кадров. Благодаря его руководству и помощи многие научные сотрудники удостоились ученых степеней кандидатов и докторов филологических наук.

М. Х. Гайнуллин многократно достойно представлял татарскую филологическую науку за пределами республики.

Немало сделано М. Х. Гайнуллиным и как организатором науки: с 1944 по 1953 год и с 1959 по 1961 год он был директором Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, а в 1953—1959 годах — заведующим сектором литературы.

Многолетняя научно-исследовательская, педагогическая и общественная деятельность М. Х. Гайнуллина отмечена высокими правительственными наградами: орденом Трудового Красного Знамени и медалями, ему присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки ТАСССР и РСФСР.

Многочисленные коллеги и друзья, горячо поздравляя Мухаммеда Хайрулловича со славным юбилеем, от души желают ему доброго здоровья, неиссякаемой творческой энергии и дальнейших успехов в научной деятельности.

Ф. А. Ганиев, Ф. М. Мусин

МУХАМЕТХАН АШРАФЗЯНОВИЧ ФАЗЛУЛЛИН

(К столетию со дня рождения)

Исполнилось сто лет со дня рождения видного татарского ученого-языковеда, методиста и педагога, члена-корреспондента Академии педагогических наук РСФСР,

заслуженного деятеля науки Татарской АССР, профессора Мухаметхана Ашрафзяновича Фазлуллина.

М. А. Фазлуллин родился 2 (15) декабря 1883 года в деревне Тугаево бывшего Цивильского уезда Казанской губернии (нынешнего Зеленодольского района Татарской АССР). Получив начальное образование в сельском медресе, он продолжил обучение сначала в медресе «Касимия», а затем в казанской Татарской учительской школе.

С 1908 по 1919 год М. А. Фазлуллин работал учителем, заведующим школой и учительской семинарией, а также инспектором уезда. М. Фазлуллин немало сделал для развития народного образования, создания новых школ и организации педагогических курсов.

С 1929 по 1932 год М. А. Фазлуллин вел преподавательскую работу на Центральных педагогических курсах, в Военно-политической школе и в Татарском коммунистическом университете.

Одновременно М. А. Фазлуллин работал ответственным секретарем журнала «Мариш» и в Научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма, а в дальнейшем — в Казанском государственном педагогическом институте, где более двад-

цати лет руководил кафедрой татарского языка и литературы.

М. А. Фазлуллин большое внимание уделял научно-исследовательской работе, в частности разработке основ дидактики, изучению проблем воспитания детей и развития их речи.

Придавая большое значение изучению тюркологического наследия В. А. Богородицкого, он перевел ряд работ ученого на татарский язык.

М. А. Фазлуллин занимался также разработкой вопросов татарской орфографии и пунктуации («Знаки препинания в яналифе» — 1928, «Основы орфографии» — 1930, «Правила орфографии» — 1938 и др.).

В 1946—1948 годах М. А. Фазлуллин, продолжая педагогическую деятельность, работал одновременно старшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, возглавлял словарные и терминологические комиссии, занимавшиеся составлением и редактированием общих и терминологических словарей. При его непосредственном участии были созданы «Русско-татарский словарь» (1938) и «Терминологический словарь по языкознанию» (1953).

С именем М. А. Фазлуллина связана также организация первых полезных диалектологических экспедиций и подготовка научных кадров диалектологов.

Особо следует отметить заслуги М. А. Фазлуллина в проведении таких крупномасштабных мероприятий, как ликвидация неграмотности и реформа письменности. Как член Государственного комитета «Яналиф» и секретарь его научно-методического совета, М. А. Фазлуллин принимал деятельное участие в разработке латинизированного татарского алфавита. Им были составлены первый букварь на основе латинской гра-

фики и книги для чтения, изданы соответствующие методические пособия.

В 1938—1940 годах М. А. Фазлуллин активно участвовал в переводе татарского алфавита на русскую графику.

М. А. Фазлуллин избирался секретарем Академцентра при Татнаркомпросе, состоял членом общества по изучению Татарстана. Он автор многих учебных программ, школьных учебников, букварей и книг для чтения, а также десятков научно-методических статей. Его книга «Методика преподавания татарского языка» (1954) более двадцати лет была единственным вузовским учебником.

М. А. Фазлуллин много сил и энергии отдал делу подготовки научных кадров. Под его руководством защищено более пятнадцати кандидатских диссертаций по татарской филологии и другим смежным дисциплинам, в том числе по фольклористике, педагогике и методике преподавания родного языка.

Значительный научный интерес представляют неопубликованные работы М. А. Фазлуллина, в том числе посвященные деятельности К. Насыри и Г. Тукая.

Многолетняя плодотворная педагогическая и научно-исследовательская деятельность М. А. Фазлуллина была высоко оценена партией и правительством. Он был награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», а также Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Татарской АССР. Ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Татарской АССР. В 1960 году М. А. Фазлуллин был избран членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР.

М. А. Сагитов

ХРОНИКА

ЮБИЛЕЙ КУЛ ГАЛИ И ЕГО ПОЭМЫ «КЫССА-И ЙУСУФ»

11 октября в Институте языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова (ИЯЛИ) Казанского филиала Академии наук СССР состоялась совместная научная конференция Института, Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина и Союза писателей Татарии, посвященная 800-летию со дня рождения основоположника булгаро-татарской письменной литературы, выдающегося представителя средневековой тюркоязычной поэзии Кул Гали и 750-летию его поэмы «Кысса-и Йусуф». В ее работе участвовали ученые Казани, Москвы, Ленинграда, Ташкента, Алма-Аты, Уфы, Махачкалы.

Конференцию открыл вступительным словом директор ИЯЛИ Я. Г. Абдуллин (Казань).

С докладом о роли и месте Кул Гали в истории татарской литературы выступил Н. Г. Юзев (Казань). Итогам и задачам изучения поэмы «Кысса-и Йусуф» был посвящен доклад Н. Ш. Хисамова (Казань).

Проблемы языка и языковой ситуации в эпоху создания поэмы рассматривались в докладах Э. Р. Тенишева (Москва), М. А.

Усманова (Казань), Ф. С. Фасеева (Казань).

С сообщениями о связях «Кысса-и Йусуф» с литературами других народов выступили А. Т. Тагирджанов (Ленинград), Х. Г. Короглы (Москва), У. Х. Субханбердина (Алма-Ата), Ш. Турдыев (Казань), С. Акбиев (Казань).

Традициям поэмы «Кысса-и Йусуф» в татарской литературе, анализу ее художественного своеобразия, жанровых и стилистических особенностей посвящались доклады Х. У. Усманова (Казань), В. Х. Хакова (Казань), Ш. Ш. Абилова (Казань), М. В. Гайнутдинова (Казань), Р. К. Ганевой (Казань).

С докладом о проблемах перевода средневековой тюркской поэзии, в частности поэмы «Кысса-и Йусуф», на русский язык выступил С. Н. Иванов (Ленинград).

Конференция подвела итоги изучению поэмы «Кысса-и Йусуф» и наметила новые задачи, которые предстоит решить ее исследователям.

Н. Ф. Исмаилов

* * *

11 октября 1983 года Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР была проведена научная конференция, посвященная 750-летию поэмы Кул Гали «Кысса-и Йусуф».

Директор института Х. Ф. Усманов, открывая конференцию, в своем вступительном слове отметил, что комплексное изучение древних и средневековых письменных памятников, а также проблем современной литературы является важнейшим научным направлением в области литературоведения и филологии в целом. В настоящее время во многих республиках внимание ученых к письменным памятникам заметно усилилось: составляются научно-критические тексты наиболее значительных памятников, проводятся текстологические исследования, как лингвистами, так и литературоведами.

Результаты этих работ находят отражение в сводных и обобщающих трудах, в много томных историях литератур народов СССР и т. д.

Одним из наиболее ранних и интересных памятников тюркоязычной литературы является поэма Кул Гали «Кысса-и Йусуф» (XIII в.), утверждающая гуманистические идеалы, воспевающая человеческий разум, красоту, силу любви и все прекрасное в реальной жизни.

Семь с половиной веков отделяет нас от времени создания произведения, занявшего важное место в истории культуры башкирского, татарского и других тюркских народов, но оно и современного читателя не оставляет равнодушным.

Выступивший с докладом «Роль и место поэмы „Кысса-и Йусуф“ в истории башкирской литературы и литератур других на-

родов» Г. Б. Хусаинов охарактеризовал историческую обстановку, в которой была создана поэма, остановился на географии ее распространения, отметил, что наибольшее количество списков поэмы обнаружено в Приуралье и Поволжье, то есть на территории, где основное население составляют башкиры и татары. В различных хранилищах Башкирии находится до пятнадцати различных рукописных текстов «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. К древнейшим из них относится текст, обнаруженный в 1974 году в деревне Сенряново Илишевского района Башкирской АССР.

И. Э. Хадыева сделала доклад «Структура дастана „Кысса-и Йусуф“ Кул Гали». По мнению докладчика, поэма «Кысса-и Йусуф» обнаруживает типологическое сходство с жанром дастана. Тема легенды о Йусуфе развивается по законам романтического жанра, что же касается религиозно-нравственной дидактики, пронизывающей произведение, то она является традиционной, отвечающей требованиям литературного этикета того времени. Свои идеалы Кул Гали выражает посредством своеобразных бинарных оппозиций, олицетворяемых его героями: предательство и верность (братья и Йусуф), грех и добродетель (Йусуф и Зулейха). Эти противопоставления положены в основу двух ведущих сюжетных линий произведения. Основные структурные элементы (встреча/разлука, поиск/приобретение) реализуются по обычной для романтического дастана схеме. Анализ «Кысса-и Йусуф» свидетельствует о соотносительности художественных приемов поэмы с приемами произведений, которые формируются на социально-исторической основе.

Г. С. Кунафин в докладе «Некоторые жанровые особенности поэмы „Кысса-и Йусуф“» подчеркнул, что существуют различные суждения относительно жанра произведения Кул Гали. Одни исследователи склонны относить его к жанру *кысса*, другие — к поэме, третьи — к дастану, четвертые — к жанру *хикмат*. Докладчик отметил, что поэт использует термины *кысса* и *хикмат*, однако данное произведение не отвечает канонам и требованиям, предъявляемым к этим жанрам. По широте проблематики, идейно-эстетическому содержанию, многоплановости композиции, сложности системы образов и, наконец, по самому объему произведения, написанному стихами, «Кысса-и Йусуф» следует отнести к одной из разновидностей жанра эпоса — романтического дастану.

В докладе «Списки рукописей „Кысса-и Йусуф“ в архивах Башкирской АССР»

З. Я. Шарипова охарактеризовала различные списки поэмы и остановилась на особенностях бытования поэмы Кул Гали в Башкирии и других ареалах. Докладчик сообщила о расхождениях между текстами книги, изданной в 1848 году в Казани, и списков поэмы, а также между текстами последних. З. Я. Шарипова отметила научную ценность собрания рукописей «Кысса-и Йусуф» Кул Гали для изучения широкого круга соответствующих научных проблем формирования духовной культуры народов, развития письменных языков и литератур Урало-Поволжского региона.

Р. Х. Халикова в докладе «Язык поэмы „Кысса-и Йусуф“ Кул Гали» остановилась на различных точках зрения относительно языковой принадлежности этого литературного памятника. Наиболее объективным и научно оправданным, по ее мнению, является определение языка «Кысса-и Йусуф» как огузо-кыпчакского, функционировавшего в период создания этого произведения в качестве литературного языка у тюркских народов Урала и Поволжья. Докладчик подробно остановилась на художественных особенностях и языковых средствах «Кысса-и Йусуф» (эпитетах, метафорах, синонимах, антонимах, сравнениях, фразеологических сочетаниях, инверсии и т. п.), использованных в поэме Кул Гали. По мнению докладчика, язык «Кысса-и Йусуф» Кул Гали, легший в основу литературного языка поэзии булгарского периода, оказал определенное влияние и на язык произведений последующих поэтов, прежде всего на тюрки Урала и Поволжья, ставшего историческим звеном в формировании башкирского литературного языка.

С. Ш. Поварисов в докладе «Народная основа языка поэмы „Кысса-и Йусуф“» остановился на народных особенностях, характерных для языка поэмы — параллелизмах, фразеологических оборотах и других конструкциях.

По прочитанным докладам было проведено обсуждение.

Подводя итоги конференции, С. Г. Сафуанов подчеркнул, что в эпоху развитого социализма литература и культура каждого народа, формируясь на основе прежде всего собственных художественных традиций, творчески использует также культурные достижения и других народов. Роль и место «Кысса-и Йусуф» Кул Гали в духовной культуре башкирского народа должно рассматриваться именно с этих позиций.

Р. Х.

«ТЮРКСКОЕ СКЛОНЕНИЕ В АРЕАЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ»

26 октября 1982 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания Академии наук СССР состоялась защита докторской диссертации

«Тюркское склонение в ареальном освещении (юго-восточный регион)», представленной ученым секретарем Советского комитета тюркологов, старшим научным сотрудником Института языкознания АН СССР **Благовой Галиной Федоровной**.

Опираясь на достижения лингвистической географии и ареаловедения, тюркской лингвогеографии и ареальной лингвистики, Г. Ф. Благова впервые обратилась к ареальному исследованию целостной грамматической микросистемы тюркского склонения в синхронном и диахроническом аспектах. Концептуальную разработку получил в ее диссертации морфологический статус тюркского склонения, вычленены его системообразующие классифицирующие признаки.

Сопоставляя языковые факты памятников Средней Азии и примыкающих к ней территорий Восточного Туркестана и Северного Ирана с данными диалектов тюркских языков этого региона, диссертант предложила определенную методику интерпретации языковых фактов и более совершенные приемы картографирования дифференциальных признаков тюркского склонения.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения в виде пяти современных и двух историко-языковых картосхем распространения типов склонения в регионе.

Картографирование дифференциальных признаков тюркского склонения позволило установить центральные зоны распространения его типов, их иррадиацию и взаимодействие.

Пространственно-историческая интерпретация языковых фактов, извлеченных из средневековых текстов, дается в работе в их отношении к результатам ареального исследования современных живых диалектов; диссертантом уточняется также историческое диалектное членение тюркских языков юго-восточного региона.

Выступившие на защите официальные оппоненты—член-корреспондент АН Узбекской ССР Г. А. Абдурахманов, член-корреспондент АН Казахской ССР Г. С. Садвакасов, д-р филол. наук, проф. Э. А. Грунина—отметили важное значение работы Г. Ф. Благовой для развития ареальных исследований в тюркологии.

На защите выступили также член-корреспондент АН СССР Б. А. Серебренников, д-ра филол. наук А. М. Щербак и О. А. Лаптева.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Г. Ф. Благовой искомой ученой степени.

Решением ВАК от 13 мая 1983 года Г. Ф. Благовой присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Е. А. Поцелуевский

«АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ СОВЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН»

4 марта 1983 года на заседании Специализированного совета по защите докторских диссертаций при Институте литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации «Азербайджанский советский исторический роман», представленной

заведующим кафедрой азербайджанской литературы Нахичеванского педагогического института им. Ю. Г. Мамедалиева **Ахундовым Явузом Ибрагимхалил оглы**.

Диссертантом впервые исследуется полусторонний путь развития азербайджанского советского исторического романа в историко-литературном и теоретическом аспектах и характеризуются отдельные этапы его формирования.

На основе глубокого изучения обширного художественного, научного и критического материала Я. И. Ахундов прослеживает предпосылки и особенности возникновения жанра романа и останавливается на его основных теоретико-эстетических принципах.

Прослеживая эволюцию азербайджанского исторического романа, диссертант приходит к выводу, что по мере укрепления основ социалистической действительности, в произведениях художественной литературы

уделяется большое внимание раскрытию активной роли народных масс и отдельной личности в историческом процессе, возрастает внимание к нравственно-этическим проблемам, внутреннему миру человека, усиливается психологизм образов.

Официальные оппоненты—д-ра филол. наук, профессора Ч. Т. Гусейнов, Г. К. Халилов, А. М. Гаджиев,—а также выступившие на заседании члены совета д-ра филол. наук, профессора К. Д. Мамедов, А. Ф. За-

манов, Г. Б. Бабаев дали положительную оценку диссертации.

Специализированный совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присвоении Я. И. Ахундову ученой степени доктора филологических наук. ВАК СССР решением от 4.XI. 1983 года (протокол № 41) присвоил Я. И. Ахундову искомую ученую степень.

И. Я. Гамидов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1983 ГОДУ (№№ 1—6)

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

	№	стр.
Гаджиева Н. З. (Москва), Бирюкович Р. М. (Саратов). Реликты древне-тюркского синтаксиса в современных тюркских языках	2	3— 15
Кононов А. Н. (Ленинград). Еще раз о генезисе тюркского аориста	1	3— 14
Кулиев Г. К. (Баку). Лексико-семантическое развитие глаголов мышления в тюркских языках	4	3— 12
Сибатагов Р. Г. (Уфа). Один из способов выражения предикативного отношения	3	3— 10
Сибатагов Р. Г. (Уфа). Эллипсис в системе средств выражения предикативного отношения	6	3— 10
Трофимов М. И. (Ош). Ударение в глаголах и постоянно безударные аффиксы в тюркских языках	5	3— 13

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Баскаков Н. А. (Москва). О тюркских лексических заимствованиях в русском языке	4	13— 20
Благова Г. Ф. (Москва). Взаимодействие языковых уровней	4	21— 24
Кильдибекова Т. А., Гущина В. П. (Уфа). Семантическая эволюция тюркизмов в лексике русского языка	2	16— 24
Марданов Ш. К. (Джизак). О типах русских калек в узбекском литературном языке	1	15— 23
Одинцов Г. Ф. (Москва). Из истории тюркизмов в русской оружейной терминологии	5	14— 25
Сат Ш. Ч. (Кызыл). Взаимодействие тувинского и алтайского языков на смежной территории их распространения	4	25— 28
Сетаров Д. С. (Шяуляй, Лит. ССР). Тюркские лексические элементы в русских названиях птиц	3	11— 21
Федотов М. Р. (Чебоксары). Работы З. Гомбоца о болгарско-тюркских заимствованиях в венгерском языке	4	29— 38
Халикова Р. Х. (Уфа). Взаимодействие башкирского и русского языков после присоединения Башкирии к Русскому государству (XVII—XIX века)	6	11— 18

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Арзибеков Р. (Самарканд). Скрыто-синкретические формы лирической поэзии	4	44— 51
Гердибаев Р. (Алма-Ата). Проблемы казахского литературоведения	4	39— 43
Стеблева Н. В. (Москва). Поэтическое творчество Бабура	1	24— 33
Фомкин М. С. (Ленинград). Об изучении тюркских стихов Султана Веледа	2	25— 31

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Короглы Х. Г. (Москва). Турецкая ашыкская поэзия	3	22— 28
Родионов В. Г. (Чебоксары). К образу лебедя в жанрах чувашского фольклора	6	19— 28
Урманчеев Ф. (Елабуга). О происхождении и формировании байтов	5	26— 36

№ стр.

ОНОМАСТИКА

- Дрон И. В. (Якутск). Некоторые вопросы гагаузской топонимии Молдавской ССР 5 37— 45
- Махпиров В. (Алма-Ата). Тюркские топонимы в «Дивану лугат-ит-тюрк» 1 34— 39
- Моллазаде С. М., Байрамова Н. Г. (Баку). Отражение этнографических реалий азербайджанского народа в топонимии Азербайджана 6 29— 36
- Молчанова О. Т. (Ярославль). Морфологические характеристики тюркских географических имен Горно-Алтайской автономной области 2 32— 42
- Молчанова О. Т. (Ярославль). Морфологические характеристики тюркских географических имен Горно-Алтайской автономной области (II) 4 52— 61
- Насибов Ю. М. (Баку). О географическом термине «Агджакала» из эпоса «Деде Коркут» 2 43— 47

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Азербиев Э. Г. (Москва). О фонемном составе древнеяпонского, чувашского языков и языка тюркских рунических памятников 1 40— 52
- Ганиев Ф. А. (Казань). Способы и типы образования сложных слов в современном татарском языке 2 48— 59
- Гузев Ж. М. (Нальчик). О принципах отбора ненормативной лексики в толковых словарях современных тюркских языков 3 46— 59
- Дёрфер Г. (Геттинген, ФРГ). Халаджский язык — не огузский 6 37— 39
- Закиев М. З. (Казань). Актуальные проблемы сложных предложений в тюркских языках 3 29— 38
- Кузнецов П. И. (Москва). О происхождении инфинитива на -так 3 39— 45
- Курбанов Ш. (Баку). Об учителе азербайджанского языка М. Ю. Лермонтова и источнике сказки «Ашик Кериб» 2 60— 67
- Серебrenников Б. А. (Москва), Харькова С. С. (Элиста). О некоторых эффективных методах исследования проблемы родства тюркских и монгольских языков 5 46— 56
- Чернов М. Ф. (Чебоксары). К определению фразеологизма 4 62— 73

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Абдуллаев К. М. (Баку). Актуальное членение предложения в азербайджанском языке 1 61— 75
- Абдуллаев К. М. (Баку). Взаимоотношение составных частей сложного предложения в азербайджанском языке 6 59— 62
- Аблаков А. (Алма-Ата). Некоторые вопросы именного управления в казахском языке 4 92— 96
- Азнагулов Р. Г. (Уфа). Реликтовые формы словообразования башкирского языка 5 57— 63
- Аракин В. Д. (Москва). Выдающееся открытие XIX века 6 40— 44
- Ахматов И. Х. (Нальчик). Одноместные формально-семантические модели глагольного предложения в карачаево-балкарском языке 1 76— 86
- Городина М. А. (Ленинград). Проблема лингвистического пространства в связи с изучением диалектов и их атласированием 4 74— 78
- Воронкин М. С. (Якутск). О диалектном членении якутского языка 5 77— 83
- Джумагулов Ч. Д. (Фрунзе), Кляшторный С. Г. (Ленинград). Наскальная древнетюркская эпиграфика в Таласском Ала-Тоо 3 78— 82
- Зикриллаев Г. Н. (Бухара). Система форм повелительно-желательного наклонения в узбекском языке 1 87— 93
- Зикриллаев Г. Н. (Бухара). Система форм условно-желательного наклонения в узбекском языке 6 52— 58
- Исламов М. И. (Баку). Об одной редкой древней форме местоимения в тюркских языках 3 60— 63
- Калиев Г. К. (Алма-Ата). Проблемы изучения диалектного словообразования в казахских говорах 5 64— 72
- Кляшторный С. Г. (Ленинград). Тэсинская стела 6 76— 90
- Кузнецов П. И. (Москва). Семантика и реконструкция тюркского деепричастия на -(°)b, -(°)p, -(j)°p 1 53— 60
- Мадрахимов А. (Ургенч). Огузское наречие узбекского языка и тюркские языки огузской группы 2 79— 84
- Маманова Г. И. (Алма-Ата). Основные типы аффиксов субъективной оценки имен существительных в казахском языке 6 63— 67

	№	стр.
Насилов Д. М. (Ленинград), Ризаев Б. Х. (Самарканд). Фаза прекращения процесса в узбекском языке	4	79— 91
Оралбаева Н., Балтабаева Ж. (Алма-Ата). Стилистические функции нулевой формы родительного падежа в казахском языке	6	45— 51
Попова Н. И. (Ленинград). Залоги в якутских причастиях	5	73— 76
Селютин И. Я. (Новосибирск). Фонетические исследования в Сибири	2	85— 93
Трофимов М. И. (Ош). Проблемы тюркского ударения, аномалии и геминаты	2	68— 78
Умаров Э. А. (Ташкент). О гласных староузбекского языка XV века	5	84— 88
Щека Ю. В. (Москва). Предложения назывные и с глаголом в нулевом выражении в турецкой разговорной речи	3	64— 71
Щека Ю. В. (Москва). О соотношении парных членов предложения и некоторых типов предикативных конструкций в турецкой разговорной речи	6	68— 75
Щербак А. М. (Ленинград). Рукописный сборник Ог. 8193 и его значение для узбекской филологии	3	72— 77

РЕЦЕНЗИИ

Абдуллаев А. Б., Нигматов Х. Г. (Бухара). Э. Қиличев. Бадний тасвирнинг лексик воситалари	6	92— 93
Адилов М. (Баку). Н. Маматов. Узбек тилида кўшма сўзлар	4	100—103
Айдаров Г., Жубанов Е. (Алма-Ата). Б. Әбілқасымов. XIX ғасырдың екінші жартысындағы қазақ әдеби тілі	2	100—102
Ахундов А. А., Зейналов А. А. (Баку). Камил Вәлијев. Азәрбајҹан дилинин поетик синтаксиси	1	97— 98
Баскаков Н. А. (Москва). М. Ш. Ширалиев. Диалекты и говоры азербайджанского языка	5	89— 91
Бекбергенов А., Пирниязов К. (Нукус). М. Дәүлетов. Қарақалпақ тилинде пысықлауыш категориясы	3	85— 86
Бердибаев Р. (Алма-Ата). Ш. К. Сатпаева. Казахская литература и Восток	5	91— 92
Бичелдей К. А. (Кызыл). «Вопросы тувинской филологии»	5	92— 93
Дауенов Е. (Нукус). «Қарақалпақ тилинің түсіндірме сөзлігі»	4	97— 98
Доспанов У. (Нукус). Қ. Мәмбетназаров. Қарақалпақ ертеңкери хақында	1	94— 95
Ибраев Ш. (Алма-Ата). Р. Бердибаев. Қазақ эпосы	3	88— 89
Кайыпов С. Т. (Москва). Э. Абдылдаев. «Манас» эпосунун тарыхый энүгүшүнүн негизги этаптары	2	102—104
Калыбаева-Хасенова А. К. (Алма-Ата). Қайырболат Есенов. Сабақтас кұрмалас сөйлемнің кұрылысы	2	98—100
Каримов К., Базарова Д. (Ташкент). Мухаммед Якуб Чинги. Келур-наме Қурышжанов А., Жубанов Е., Ибагов А. (Алма-Ата). М. Т. Томанов. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Фонетика, морфология	1	95— 97
Кыдырбаева Р. З. (Фрунзе). Б. Кебекова. Кыргыз-казак фольклордук байланышы	5	93— 95
Лунин Б. В. (Ташкент). А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России	2	94— 96
Маггеррамова Р. Дж., Попова Г. И. (Баку). З. И. Будагова. Азербайджанский язык	6	93— 94
Насилов Д. М. (Ленинград). Lars Johanson. Pluralsuffixformen im Südwesttürkischen	3	89— 93
Нигматов Х. Г. (Бухара). Г. Абдурахмонов, А. Рустамов. Қадимги туркий тил	4	103—105
Садакасов Г. (Алма-Ата). Мәһмүт Қашқәрий. Түркий тиллар дивани	5	96— 98
Сергеев Л. П. (Чебоксары). М. Ф. Чернов. Чăвашла-вырăсла фразеологи словарё	4	93— 99
Томанов М. (Алма-Ата). Т. Сайрамбаев. Қазіргі қазақ тіліндегі күрделі сөз тіркестері	2	96— 98
Уахатов Б. (Алма-Ата). «XV—XVIII ғасырлардағы қазақ поэзиясы»	3	87— 88
Хабичев М. А. (Қарачаевск). Ф. А. Ганиев. Образование сложных слов в татарском языке	3	83— 85
Хайрутдинова Т. Х. (Казань). «Лексика и стилистика татарского языка»	6	91— 92
Щербак А. М. (Ленинград). «Chuvash studies». Edited by András Róna-Tas	6	94— 97
Щербак А. М. (Ленинград). «Hungarian Turcology. 1945—1974. Bibliography»	5	95— 96

№ стр.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Зайнуллин М. В., Шайхулов А. Г. (Уфа). IX Региональная конференция по диалектологии тюркских языков 1 99—103
- Кажибеков Е. З. (Алма-Ата). Первая межреспубликанская конференция молодых лингвистов-тюркологов 2 107—109

PERSONALIA

- Алекперов А. К. (Баку). Рахилия Джавад кызы Магеррамова 6 98—99
- Алекперов А. К., Тагиев Р. Г. (Баку). Бекир Чобанзаде 3 95—96
- Ганиев Ф. А., Мусин Ф. М. (Казань). Мухаммед Хайруллович Гайнуллин 6 100—101
- Ишаев А., Насыров Ш. (Ташкент). Шаназар Шаабдурахманов 3 94—95
- Орузбаева Б. О., Жапаров Ш. Ж. (Фрунзе). Болот Мураталиевич Юнусалиев 5 99—100
- Османлы С. Ю. (Баку). Камал Абдулла Шаик оглы Талыбзаде 5 100—101
- Сагитов М. А. (Казань). Мухаметхан Ашрафзянович Фазлуллин 6 101—102
- Юлдашев Б. (Самарканд). Рахим Раджабович Мукумов 6 99—100

ХРОНИКА

- А. А. (Баку). Памяти Бекира Чобанзаде 3 108—109
- «Азербайджанский советский исторический роман» 6 105—106
- Данько Г. Ф. (Москва). Памяти Владимира Михайловича Насилова 4 106—109
- Девятое пленарное заседание Советского комитета тюркологов 3 97—107
- Исмагилов Н. Ф. (Казань), Р. Х. (Уфа). Юбилей Кул Гали и его поэмы «Кысса-и Йусуф» 6 103—104
- Краткая схема описания тюркских диалектов 5 106—109
- «Отражение революционной действительности в казахской прозе» 1 104
- «Проблемы жанров казахской советской драматургии» 1 104—105
- «Тюркское склонение в ареальном освещении» 6 105
- Халикова Р. Х. (Уфа). Семинар проблемной группы по топонимии и географической терминологии Урала и Севера Европейской части СССР 3 107—108
- Хузангай А. П. (Чебоксары). Второе рабочее совещание этимологов 5 102—106

НЕКРОЛОГ

Сергей Александрович Соколов	1 106—107

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Р. Г. Сибатагов (Уфа). Эллипсис в системе средств выражения предикативного отношения 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Р. Х. Халикова (Уфа). Взаимодействие башкирского и русского языков после присоединения Башкирии к Русскому государству (XVII—XIX века) . . . 11

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- В. Г. Родионов (Чебоксары). К образу лебедя в жанрах чувашского фольклора . 19

ОНОМАСТИКА

- С. М. Моллазаде, Н. Г. Байрамова (Баку). Отражение этнографических реалий азербайджанского народа в топонимии Азербайджана 29

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Г. Дёрфер (Геттинген, ФРГ). Халаджский язык — не огузский 37

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- В. Д. Аракин (Москва). Выдающееся открытие XIX века 40
 Н. Оралбаева, Ж. Балтабаева (Алма-Ата). Стилистические функции нулевой формы родительного падежа в казахском языке 45
 Г. Н. Зикриллаев (Бухара). Система форм условно-желательного наклонения в узбекском языке 52
 К. М. Абдуллаев (Баку). Взаимоотношение составных частей сложного предложения в азербайджанском языке 59
 Г. И. Маманова (Алма-Ата). Основные типы аффиксов субъективной оценки имен существительных в казахском языке 63
 Ю. В. Щека (Москва). О соотношении парных членов предложения и некоторых типов предикативных конструкций в турецкой разговорной речи . . . 68
 С. Г. Кляшторный (Ленинград). Тэсинская стела 76

РЕЦЕНЗИИ

- Т. Х. Хайрутдинова (Казань). «Лексика и стилистика татарского языка» . . 91
 А. Б. Абдуллаев, Х. Г. Нигматов (Бухара). Э. Қиличев. Бадий тасвирнинг лексик воситалари 92
 Р. Дж. Магеррамова, Г. И. Попова (Баку). З. И. Будагова. Азербайджанский язык 93
 А. М. Щербак (Ленинград). «Chuvash studies». Edited by András Róna-Tas . . 94

PERSONALIA

- А. К. Алекперов (Баку). Рахила Джавад кызы Магеррамова 98
 Б. Юлдашев (Самарканд). Рахим Раджабович Мукумов 99
 Ф. А. Ганиев, Ф. М. Мусин (Казань). Мухаммед Хайруллоевич Гайнуллин . 100
 М. А. Сагитов (Казань). Мухаметхан Ашрафзянович Фазлуллин 101

ХРОНИКА

- Н. Ф. Исмагилов (Казань), Р. Х. (Уфа). Юбилей Кул Гали и его поэмы «Қысса-и Йусуф» 103
 «Тюркское склонение в ареальном освещении» 105
 «Азербайджанский советский исторический роман» 105
 Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1983 году (№№ 1—6) 107

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- R. G. Sibagatov* (Ufa). Ellipsis in the system of means of expression of the predicative relation 3

LANGUAGES IN CONTACT

- R. Kh. Khalikova* (Ufa). Interaction of Bashkirian and Russian languages after the joining of Bashkiria to Russia (XVII—XIX) 11

PROBLEMS OF FOLK-LORE

- V. G. Rodionov* (Cheboksari). An image of swan in the genres of Chuvash folk-lore 19

ONOMASTICS

- S. M. Mollazade, N. G. Bajramova* (Baku). Reflection of ethnographical reality of Azerbaijan people in the toponymy of Azerbaijan 29

DISCUSSIONS

- G. Doerfer* (Gettingen, GFR). The Chaladzh language is not an Oghuz one 37

REPORTS, SURVEYS

- V. D. Arakin* (Moscow). Remarkable discovery of the XIX century 40
N. Oralbayeva, Zh. Baltabayeva (Alma-Ata). Stylistic functions of zero forms of the genitive case in Kazakh 45
G. N. Zikrillayev (Bukhara). The system of forms of conditional and desirable mood in Uzbek 52
K. M. Abdullayev (Baku). Interrelation of compound parts of complex sentences in Azerbaijanian 59
G. I. Mamanova (Alma-Ata). Basic types of suffixes of subjective evaluation of nouns in Kazakh 63
Yu. V. Sheka (Moscow). A correlation of twin parts of a sentence and some types of predicative constructions in Turkish conversational speech 68
S. G. Kliashtorny (Leningrad). The Tesin stela 76

REVIEWS

- T. Kh. Khairutdinova* (Kazan). «Лексика и стилистика татарского языка» 91
A. B. Abdullayev, Kh. G. Nigmatov (Bukhara). Э. Қиличев. Бадиий тасвирнинг лексик воситалари 92
R. Dzh. Magerramova, G. I. Popova (Baku). З. И. Будагова. Азербайджанский язык 93
A. M. Sherbak (Leningrad). «Chuvash studies». Edited by András Róna-Tas 94

PERSONALIA

- A. K. Alekperov* (Baku). Rakhila Dzhavad kyzy Magerramova 98
B. Yuldashev (Samarkand). Rakhim Radzhabovich Mukumov 99
F. A. Ganiyev, F. M. Musin (Kazan). Mukhammed Khairullovich Gainullin 100
M. A. Sagitov (Kazan). Mukhametkhan Ashrafzianovich Fazlullin 101

CHRONICLE

- N. F. Ismagilov* (Kazan), *R. Kh.* (Ufa). Jubilee of Kul Gali and his poem «Kyssa-i Yusuf» 103
«The Turkic declension in areal interpretation» 105
«Azerbaijani soviet historical novel» 105
References of the articles published in «Soviet Turkology» in 1983 (№№ 1—6) 107